

15879.

IX, 979.

1888.

1895.

Гимназія

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИИ

Годъ VIII

Сентябрь 1895 ХСІІІ

Содержаніе

1. Я. Владимировъ, Екатеринбургъ. Важность изученія греч. языка въ нашихъ гимназіяхъ.
2. Знамен. пед. и уч.: Архіеп. Антоній.
3. П. Ковловскій, Екатеринбургъ. Школьная жизнь по воспоминаніямъ бывшихъ учениковъ (оконч.).
4. «Gaudemus» проф. дух. ак. Д. Подгурскаго.
5. В. Я., Ревель. Краткая церк.-слав. грамматика С. Миропольскаго.
6. Цицеронъ. Рѣчь за Мурену. Перев. съ латинск. яз. П. Черняевъ, Царицынъ. (Л. 2.)
7. Я. А. Коменскій. Великая дидактика. Стр. 251—266.
8. Демковъ, Глуховъ. Исторія русской педагогіи. Ч. I. Стр. 183—148.
9. Объявленія.

Сотрудники „Гимназій“

- Ахтырка. П. Квицинскій (прог.).
 — В. Покровский (дир. пр.).
 Балтійскій-Портъ. Свящ. І. Регема.
 Бахмутъ. Л. Гиттерманъ.
 Болховъ. М. Лисицынъ (б. пр. г.).
 Бѣла. Е. Гомеровъ (гимн.).
 — Р. Киричинскій (гимн.).
 Варшава. И. Ельсинъ.
 — В. Истоминъ (дир. гимн.).
 Витебскъ. В. Тычининъ (дух. уч.).
 Воронежъ. С. Николаевъ (гимн.).
 Вязьма. И. Виноградовъ (г.).
 Владивостокъ. К. Котельниковъ (прог.).
 Глуховъ. М. Демковъ (учит. инст.).
 Екатеринбургъ. П. Бергъ (гимн.).
 Екатеринославъ. П. Коаловскій (р. у.).
 Елабуга. В. Павловскій (дир. р. у.).
 Елецъ. П. Первовъ (гимн.).
 Елисаветградъ. Н. Марковъ (р. уч.).
 Измаиль. Ю. Стоникъ (дир. прог.).
 Казань. Г. Горталовъ (г.).
 — Д. Нагуевскій (проф. ун.).
 — П. Черняевъ (г.).
 Калуга. Ф. Штифтаръ (гимн.).
 — Д. Любимовъ (г.).
 Каменецъ-Подольскъ. М. Гринчакъ (г.).
 Карачевъ. А. Овсяниковъ (прог.).
 Кіевъ. А. Степовичъ (дир. К. П. Г.).
 — С. Воскресенскій (гимн.).
 — И. Корольковъ (проф. дух. ак.).
 — Я. Мищенко (г.).
 — А. Юркевичъ (б. уч. гимн.).
 — А. Ярешъ (К. П. Г.).
 — Г. Александровскій (ж. г.).
 Коломна. Е. Крыловъ (г.).
 Кутаисъ. С. Воршевскій (г.).
 Лодзь. А. Шумейко (гимн.).
 Лубны. С. Чемолосовъ (г.).
 Люблинъ. В. Дмитріевскій (г.).
 — В. Эустахевичъ (г.).
 Москва. В. Аппельротъ (пр.-д. уч.).
 — Л. Поливановъ (дир. гимн.).
 — И. Семеновъ.
 — Г. Фишеръ (гимн.).
 — Э. Черный (г.).
 — В. Шенрокъ (гимн.).
 Николаевъ. А. Содоникіо (гимн.).
 Новый Вугъ. А. Крыловъ (дир. уч. с.).
 — И. Успенскій (уч. с.).
 Нѣжинъ. А. Кузнецовъ (инст.).
 Одесса. П. Брактенгеймеръ (гимн.).
 — А. Григорьевъ (прог.).
 — П. Ладновъ (прог.).
 — М. Попруженко (пр.-д. ун.).
 — А. Флеровъ (г.).
 Омскъ. К. Ельницкій (кад. к.).
 Острогжскъ. К. Турчаковскій (д. пр.).
 Пенза. П. Горницкій (гимн.).
 Полапгенъ. П. Пользинскій (прог.).
 — М. Преображенскій (прог.).
 Радомъ. Е. Киричинскій (г.).
 Ревель. Е. Ветнекъ (г.).
 — И. Кальнинъ (г.).
 Ревель. Н. Кораблевъ (гимн.).
 — М. Крыгинъ (г.).
 — И. Сиполь (г.).
 — Н. Херасковъ.
 — Е. Шмидтъ ф.-д.-Лауницъ (г.).
 — Г. Янчевецкій (дир. г.).
 Рига. В. Зайць (р. уч.).
 — И. Желтовъ (б. уч. г.).
 — С. Кузнецовъ (г.).
 — Прот. Н. Лекаревъ (г.).
 Рыбинскъ. Н. Веригинъ (гимн.).
 Рыльскъ. Д. Муравьевъ (пр.).
 Рязань. П. Коцеволевскій (г.).
 Слуцкъ. М. Крашенинниковъ (г.).
 Смоленскъ. С. Блажеевскій (г.).
 — М. Дроздовъ (дух. сем.).
 — Г. Лобовиковъ (р. уч.).
 С.-Петербургъ. Ю. Верещагинъ (г.).
 — С. Гинтовтъ (г.).
 — А. Григорьевъ (г.).
 — А. Желобовскій (г.).
 — Г. Зоргенфрей (г.).
 — И. Киприановичъ (г.).
 — В. Кораблевъ.
 — В. Латышевъ.
 — А. Маленинъ.
 — А. Образцовъ (г.).
 — Н. Санчурскій (окр. инсп.).
 — В. Сланскій.
 — А. Филоновъ (б. дир. г.).
 — Х. Шванбахъ (б. дир. р. у.).
 — Д. Янчевецкій.
 — В. Янчевецкій.
 Ставрополь. Н. Кузнецовъ (г.).
 — Г. Дорофеевъ (г.).
 Сувалки. О. Вабнеръ (г.).
 — А. Толубьевъ (г.).
 Сумы. Л. Горкевичъ (г.).
 Таганрогъ. А. Громачевскій (дир. г.).
 Ташкентъ. И. Любомірскій (г.).
 Тверь. Н. Овсяниковъ (б. дир. г.).
 Тифлисъ. Е. Богословскій (гимн.).
 — М. Зданевичъ (г.).
 — А. Приселковъ (гимн.).
 — Э. Фехнеръ (г.).
 Троицкъ. М. Вукъ (г.).
 — И. Тихомировъ (дир. г.).
 Тула. Прот. А. Ивановъ (гимн.).
 Усть-Медвѣдица. Н. Боголюбовъ (г.).
 Харьковъ. М. Знаменскій (дир. г.).
 — В. Краевскій (г.).
 — А. Петровъ.
 — Н. Сумцовъ (проф. ун.).
 — В. Харціевъ (г.).
 Холмъ. В. Ипатовъ (гимн.).
 Хортица. А. Нейфельдъ (зав. центр. уч.).
 Черниговъ. А. Тиховъ (гимн.).
 Царицынъ. Е. Арбатскій (гимн.).
 — А. Горбатовъ (г.).
 — П. Черняевъ (гимн.).
 Царское-Село. С. Пыбульскій (гимн.).
 Эривань. В. Романовскій (гимн.).
 Феодосія. Ю. Галабутовъ (г.).

Гимназія

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИИ

In primis, ut tenerae mentes tracturaeque altius, quicquid rudi-
bus et omnium ignaris insederit, non modo, quae diserta, sed vel
magis, quae honesta sunt, discant. Ceteris, quae ad eruditionem
modo pertinent, longa aetas spatium dabit. Quint. inst. or. I, 8.

ГОДЪ VIII

ХСІІІ

1895

Ревель

Печатано въ типографіи «Ревельскихъ Извѣстій».

RIEŠIIMIN

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ФОНДОРИТИИ И ПЕДАГОГИИ

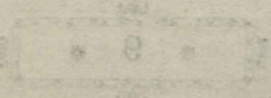
Въ журнале не печатаются статьи, не относящиеся къ предмету, и не имеющие практическаго характера, а также статьи, не заключающія въ себѣ никакихъ выводовъ, и не заключающія въ себѣ никакихъ фактовъ, и не заключающія въ себѣ никакихъ фактовъ, и не заключающія въ себѣ никакихъ фактовъ.

Доволено цензурою. — Ревель, 9-го октября 1895 года.

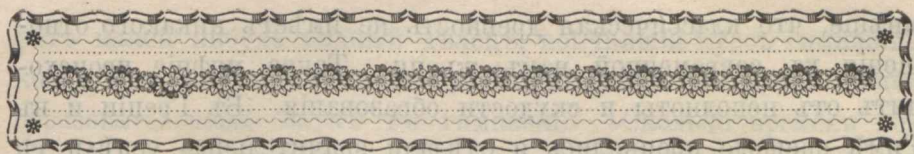
ТОДЪ АИИ

Fr. R. Kreutzwald
AR nim. ESK Riiklik
Raamatukogu

65.639

Ревель
Издательство "Ревельская типография"

Важность изученія греческаго языка въ нашихъ гимназіяхъ.

Εἷ μὲν τραπεζόντων καὶ τραπεζομένων
τῶν νέων πάντα ἡμῖν κατ' ὄρθον πλεῖ.

(Plat. leg. 7, 813 d.)

Я. Владимировъ, Екатеринбургъ.

Вопросъ объ образовательномъ значеніи древнихъ языковъ нерѣдко поднимался въ нашей литературѣ. Заходила ли рѣчь объ измѣненіи программъ преподаванія въ нашихъ гимназіяхъ, касалось ли дѣло такъ называемаго переутомленія учащихся, поднимался ли вопросъ о причинахъ малоуспѣшности учениковъ, — всѣ разсужденія въ этихъ случаяхъ сводились къ трактату о значеніи древнихъ языковъ. При этомъ одни доказывали важность ихъ изученія, другіе ослабляли ихъ значеніе, придавая болѣе вѣса такъ называемымъ реальнымъ наукамъ, третьи совсѣмъ отрицали ихъ пользу и значеніе. Случайно или нѣтъ, но замѣчалось такое явленіе. Либеральная пресса большею частію ратовала противъ древнихъ языковъ, а консервативная за нихъ. Такъ было въ пятидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія; то же почти замѣчается и теперь. Что говорилъ о пятидесятыхъ годахъ знатокъ римской словесности Благовѣщенскій, то же относится почти и къ настоящему времени. Вотъ его слова: «извѣстно преобладающее и въ нѣкоторыхъ кружкахъ исключительно господствующее

мнѣніе, что классическая древность не имѣетъ никакого отношенія къ современной намъ жизни. Такое мнѣніе происходитъ отъ неполноты и скудости образованія. Въ Греціи и въ Римѣ впервые проявились и сдѣлали значительные успѣхи тѣ элементы государственной и общественной жизни, которые и до сихъ поръ лежатъ въ основѣ современнаго намъ культурнаго быта, а потому для полнаго пониманія его необходимо внимательное изученіе древне-классическаго міра. Она глубоко виѣдрилась въ очень многія проявленія нашего быта. Вмѣстѣ съ тѣмъ для обозначенія ихъ внесено въ нашъ языкъ немало тѣхъ самыхъ словъ, которыя такъ долго звучали въ живой классической рѣчи». Еще недавно въ нашей печати высказывалось мнѣніе, что классицизмъ у насъ просуществовалъ уже 25 лѣтъ, — пора подвести ему итоги. Хотя и нельзя не признать, что 25 лѣтъ въ существованіи извѣстной системы образованія небольшой періодъ, а, слѣдовательно, и подводить итоги преждевременно, но и теперь уже несомнѣнно, что и литература, и наука за послѣднія десятилѣтія стали серьезнѣе и получили большее распространеніе. Вообще же надобно замѣтить, что, пока общество будетъ враждебно относиться къ изученію древнихъ языковъ, до тѣхъ поръ трудно ожидать особенно хорошихъ результатовъ въ дѣлѣ ихъ изученія. У насъ же нападать на древніе языки и классиковъ сдѣлалось своего рода бонъ-тономъ. Слыша постоянно рѣчи о бесполезности изученія древнихъ языковъ отъ родителей и ихъ знакомыхъ, дѣти, конечно, не будутъ заниматься этими предметами съ усердіемъ, а развѣ только для того, чтобы не получать дурныхъ отмѣтокъ. Впрочемъ, *tempora mutantur et nos mutamur in illis*. Въ послѣднее время все рѣже и рѣже раздаются голоса противъ древнихъ языковъ, въ особенности же противъ латинскаго языка. Что же касается греческаго языка, то даже теперь можно встрѣтить людей, которые или сомнѣваются въ пользѣ его изученія, или совсѣмъ отрицаютъ его значеніе. «Помилуйте», говорятъ многія мамыши, «и къ чему намъ только этотъ греческій языкъ?» «Не вижу и не чувствую ущерба въ томъ, что не знаю греческаго языка», гово-

ритель какой нибудь видный дѣлецъ, кончившій курсъ гимназіи, когда еще не былъ введенъ греческій языкъ въ курсъ общеобразовательныхъ наукъ въ гимназіи. «Сколько времени потратилъ я на изученіе греческаго языка» говоритъ какой-нибудь адвокатъ или инженеръ, «а на что онъ теперь мнѣ?» Такія мнѣнія нерѣдко приходится слышать въ обществѣ. Конечно, кто знакомъ хоть сколько-нибудь съ греческимъ языкомъ и его литературой, тому покажутся въ высшей степени странными подобнаго рода взгляды на изученіе греческаго языка. Причины подобнаго взгляда, какъ кажется, кроются въ слѣдующемъ. Примѣненіе въ жизни латинскаго языка для многихъ болѣе или менѣе очевидно: 1) онъ употребляется въ рецептурѣ, 2) на немъ совершается богослуженіе у католиковъ, 3) онъ усиленно изучался и изучается въ западно-европейскихъ государствахъ, 4) онъ съ 15-го вѣка сдѣлался моднымъ въ ученomъ мѣрѣ, какимъ у насъ былъ нѣкогда французскій языкъ. Примѣненіе же греческаго языка, повидимому, не такъ обширно и не такъ очевидно. Въ нашъ вѣкъ все цѣнятся постольку, поскольку оно примѣнимо къ практической жизни. Но наука не могла бы существовать, если бы въ человѣкѣ не было другихъ, болѣе широкихъ и безкорыстныхъ интересовъ. Да и вообще, если разсуждать такъ, какъ понимаютъ практическую пользу, то придется, пожалуй, усумниться въ пользѣ многихъ предметовъ, изучаемыхъ въ школахъ. Для практической жизни не нужно, пожалуй, ни исторіи, ни астрономіи, ни алгебры и геометріи, но для жизни разумной, для духовнаго развитія эти науки имѣютъ большое значеніе, и между ними одно изъ главныхъ мѣстъ занимаетъ греческій языкъ.

Исторія введенія греческаго языка, какъ предмета изученія, въ наши учебныя заведенія такова. Безъ сомнѣнія и раньше въ Россіи были школы съ греческимъ языкомъ, но официально, такъ сказать, онъ становится извѣстными съ 16-го вѣка. Такъ извѣстно, что въ это время въ нѣкоторыхъ городахъ южной Руси были школы то съ греческимъ языкомъ, то съ латинскимъ. Между ними большою популярностью

пользовалась школа эллино-славянскаго и латино-польскаго письма, учрежденная въ Кіевѣ въ 1589 году. Въ 1649 г. ближній бояринъ Алексѣя Михайловича Ртищевъ основалъ въ Москвѣ школу съ греческимъ и латинскимъ языками. При царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ въ Москвѣ была учреждена школа только съ греческимъ языкомъ. Въ концѣ 17 вѣка была учреждена сначала эллино-греческая академія, а затѣмъ переименована въ славяно-греко-латинскую академію. Знаменитый споръ ученыхъ по вопросу, какому образованію дать предпочтеніе въ Россіи — греческому или латинскому, бывшій въ 1690 году, кончился въ пользу греческаго языка, но съ эпохой преобразованій Императора Петра I его значеніе стало ослабѣвать. Уставомъ 1828 года занятіе греческимъ языкомъ поощрялось особыми привилегіями, но введенъ онъ былъ какъ обязательный предметъ изученія въ немногихъ гимназіяхъ. Въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія уже въ 45 гимназіяхъ изъ общаго числа 74 изучался греческій языкъ. Въ 1852 г. греческій языкъ былъ уничтоженъ во многихъ гимназіяхъ, но съ 1864 года онъ снова появляется какъ обязательный предметъ во многихъ гимназіяхъ. Уставъ 1871 года уже прямо становится на сторону греческаго языка, дѣлая его, наравнѣ съ латинскимъ, общеобязательнымъ предметомъ въ нашихъ гимназіяхъ. Число уроковъ по греческому языку значительно увеличено, хотя всетаки было менѣе сравнительно съ латинскимъ. По уставу 1877 года снова число уроковъ по греческому языку было увеличено. По новымъ учебнымъ планамъ 1890 года число уроковъ нѣсколько уменьшено. Отсюда видно, что исторія введенія греческаго языка въ наши гимназій представляетъ нѣкоторое колебаніе какъ относительно признанія его за предметъ необходимый для изученія, такъ и относительно количества уроковъ потребнаго для его изученія. Между тѣмъ есть много важныхъ соображеній, по которымъ въ нашихъ гимназіяхъ слѣдовало бы дать предпочтеніе греческому языку сравнительно съ латинскимъ. Это положеніе сознавалось и ранѣе очень многими. Само министерство народнаго просвѣщенія, повидимому, не чуждо было этой мысли.

Такъ въ объяснительной запискѣ къ древнимъ языкамъ въ учебныхъ планахъ мин. нар. просв. 1871 года говорится: «если вообще чѣмъ-либо наша ученая школа должна отличаться отъ западно-европейской, то это именно относительнымъ предпочтеніемъ греческаго языка латинскому». Дѣйствительно, знакомство наше съ греками и ихъ вліяніе на насъ началось съ незапамятныхъ временъ. Извѣстно, что нашъ Крымъ еще задолго до Р. Хр. былъ заселенъ греческими колонистами. Безъ сомнѣнія, народы тогдашней Руси уже находились подъ вліяніемъ грековъ, входя съ ними въ торговыя сношенія и ведя войны. Христіанство здѣсь водворилось еще со временъ апостольскихъ. Съ образованіемъ Византійской имперіи Русь входитъ съ ней еще въ болѣе тѣсныя сношенія, ведя съ ней постоянно торговлю и дѣлая набѣги подъ самый Царьградъ. Благодаря такому сношенію, жители древней Руси были знакомы съ христіанскою вѣрою еще задолго до просвѣщенія свѣтомъ Христова ученія, а потому и приняли ее безъ особенной борьбы. Съ принятіемъ христіанства начинается особенное вліяніе на насъ Греціи, которое продолжалось, можно сказать, до прекращенія у насъ патріаршества. Греческіе патріархи, прилагая заботы къ просвѣщенію русскаго народа, всѣми силами старались удержать его въ православной восточной вѣрѣ, а поэтому были всегда противъ введенія у насъ латинскаго языка. Они понимали, что такое западъ, что тамъ за наука и какъ много можетъ повредить эта наука Россіи, еще юной въ отношеніи образованія. Давъ религію, Византія сообщила намъ все, что нужно было для развитія и поддержанія религіознаго чувства.

1) Переведены были священныя книги съ греческаго языка на славянскій. Переводъ сдѣланъ на столько дословный, что, по выраженію митрополита Евгенія, «онѣ, такъ сказать, сняты съ греческаго». Поэтому, знаніе греческаго языка значительно облегчаетъ пониманіе многихъ мѣстъ священнаго писанія.

2) Въ управленіи церковью наши пастыри сначала руководствовались греческимъ номоканономъ.

3) Первые пастыри церкви были греки, а митрополиты до монгольского ига присылались къ намъ изъ Греціи.

4) Всѣ названія служителей нашей церкви остались греческія, какъ-то: патріархъ, митрополитъ, архіерей, епископъ, іерей, діаконъ, пресвитеръ, игумень, монахъ и т. п.

5) Вся почти церковная утварь и одежды носятъ названія греческія, какъ-то: икона, иконостасъ, лампада, елей, миро, потиръ, епитрахиль, омофоръ, митра, скуфья и т. п.

6) Многія священныя пѣсни носятъ названія греческія, таковы: тропарь, кондакъ, икосъ, ирмосъ, катавасія, каѳисма, акаѳистъ, антифонъ и т. п.

7) Названія богослужебныхъ книгъ также греческія, таковы: евангеліе, біблія, ирмологъ, октоихъ, тріодъ, минея, псалтирь и т. п.

8) Церковные напѣвы также заимствованы изъ Греціи. Есть божественныя пѣснопѣнія, прямо имѣющія надпись «греческаго распѣва».

9) Названія службъ церковныхъ: литургія, литія, проскомидія, панихида, эктенія и т. п. также греческія.

10) До настоящаго времени византійская церковная живопись считается наиболѣе соотвѣтствующею духу православія, а сначала она находилась всецѣло подъ вліяніемъ Византіи. Благодаря этому, и теперь еще по сторонамъ главы Господа Саваоа пишется на иконахъ греческое выраженіе $\delta\ \omega\upsilon\rho$, а на иконахъ Богоматери $M\acute{\rho}\ \Theta\epsilon\omicron\upsilon$ ($M\acute{\eta}\tau\eta\rho\ \Theta\epsilon\omicron\upsilon$).

11) Въ Евангеліи и въ другихъ священныхъ книгахъ, а также во священныхъ пѣсняхъ, удержаны многія греческія слова, какъ напримѣръ: Лиоостротонъ, игемонъ, алекторъ, катапетасма краніево (мѣсто), дориносима и т. п. Названія святыхъ для насъ лицъ также греческія, каковы: ХристѸсъ, архангелъ, ангелъ, архистратигъ, апостоль и т. п.

12) При архіерейскомъ служеніи употребляются цѣлыя греческія фразы: $\kappa\acute{\upsilon}\rho\iota\epsilon\ \acute{\epsilon}\lambda\acute{\epsilon}\eta\sigma\omicron\nu$, $\epsilon\iota\varsigma\ \mu\omicron\lambda\lambda\acute{\alpha}\ \acute{\epsilon}\tau\eta$, $\delta\acute{\epsilon}\sigma\mu\omicron\tau\alpha$, $\tau\omicron\nu\ \delta\epsilon\sigma\mu\omicron\tau\eta\nu\ \kappa\alpha\iota$ Ἀρχιερέα ἡμῶν , $\kappa\acute{\upsilon}\rho\iota\epsilon\ \varphi\acute{\omicron}\lambda\alpha\tau\tau\epsilon$, $\acute{\alpha}\xi\iota\omicron\varsigma$.

13) Всѣ божественныя пѣснопѣнія, къ которымъ наше ухо привыкло съ дѣтскихъ лѣтъ, отличающіяся своеобразною

витіеватостію и своеобразными выраженіями,—всѣ онѣ взяты съ греческаго. Неясныя въ нихъ выраженія, представляющія для пониманія затрудненіе, легко объясняются, если обратиться къ ихъ первоисточнику — греческому языку.

14) Святые отцы и учителя церкви писали большею частью на греческомъ языкѣ. Поэтому, для ознакомленія съ ихъ сочиненіями нужно знаніе греческаго языка.

15) Просвѣтители славянъ Меодій и Кирилль при составленіи славянской азбуки руководствовались главнымъ образомъ алфавитомъ греческаго языка. Поэтому, и начертаніе, и произношеніе многихъ буквъ какъ славянскихъ, такъ и русскихъ, осталось греческое.

16) Нельзя не отмѣтить и того обстоятельства, что самымъ главнымъ и самымъ могущественнымъ средствомъ распространенія Слова Божія, былъ не языкъ еврейскій, на которомъ говорилъ Иисусъ Христосъ, и не языкъ латинскій, хотя онъ былъ языкомъ властителей тогдашняго міра, но то былъ греческій языкъ, сдѣлавшійся языкомъ общимъ для всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Этотъ чудный языкъ, благодаря развитію своихъ формъ, оказался болѣе чѣмъ какой либо другой способнымъ для распространенія и истолкованія Слова Божія.

17) Самый языкъ нашъ формировался и развивался, безъ сомнѣнія, подъ большимъ вліяніемъ греческаго языка. Христіанскія понятія вызвали необходимость въ заимствованіи новыхъ словъ. Такъ какъ славянскій языкъ до сихъ поръ не развивался письменно и, слѣдовательно, въ немъ не могли выработаться выраженія, способныя передавать высшія идеи, то и синтактическая сторона должна была всецѣло подчиниться вліянію греческаго языка.

Отсюда ясно, что первоначальное наше развитіе, духовное и нравственное, и вообще просвѣщеніе тѣсно связано съ міромъ греческимъ. Само собою понятно, что для того, чтобы понимать, чтò читается и поется при богослуженіи, и вообще давать себѣ отчетъ въ каждомъ словѣ, касающемся религіи, нужно хорошее знакомство съ греческимъ языкомъ.

Итакъ, въ дѣлѣ религіи, которая есть основа всего, для насъ, безъ всякаго сравненія, изученіе греческаго языка гораздо важнѣе латинскаго языка.

Если мы обратимся къ греческой литературѣ, то увидимъ, что трудно найти богаче и оригинальнѣе какую-нибудь другую литературу. Мы увидимъ, что Греція первая собрала и сформировала житейскіе принципы нравственности, анализировала чувства и страсти людей, поставила тѣ великіе вопросы матеріальнаго и духовнаго міра, которые и до сихъ поръ волнуютъ человѣчество. Самыя высокія идеи любви, справедливости, красоты, служащія идеаломъ современной намъ жизни, завѣщаны намъ греческимъ классическимъ міромъ. Греція въ высокой степени была одарена чувствомъ красоты и художественнаго творчества. До сихъ поръ ни одинъ народъ не могъ превзойти или вполнѣ достигнуть совершенства ихъ образцовыхъ произведеній. Древніе писатели Греціи писали немного, сравнительно съ современными намъ, но то, что они писали, представляется намъ вполнѣ зрѣлыми плодами человѣческаго ума. Въ нихъ не только каждая мысль, но и каждое слово обдуманно и взвѣшено. А если и встрѣчаются изрѣдка писатели, много писавшіе, какъ, напримѣръ, Аристотель и Платонъ, то и ихъ произведенія не носятъ характера торопливости и необдуманности, какъ многія сочиненія современныхъ намъ писателей. Греческіе литературные типы прекрасны по простотѣ своихъ чувствъ и жизни. Это типы здоровыхъ и сильныхъ духомъ людей, которые остаются великими даже въ своихъ несчастіяхъ. Съ такими типами въ высшей степени полезно знакомить какъ можно чаще нынѣшнюю изнервничавшуюся молодежь. Таковы типы Гомера, Софокла, Эхила, Эврипида и другихъ. Что можетъ быть величественнѣе Ахиллеса, который, когда ему предложено было выбирать или жизнь продолжительную и спокойную, но не столь славную, или жизнь кратковременную, но полную великой славы, предпочелъ послѣднюю и рѣшилъ немедленно отомстить за смерть своего друга, хотя зналъ, что послѣдствіемъ смерти его врага будетъ и его смерть. Какое терпѣніе и какая любовь къ оте-

честву другого героя Гомера Одиссея, который, не смотря на двадцатилѣтнюю разлуку съ родиной и своей семьей, не смотря на величайшія несчастія, которыя ему пришлось потерпѣть въ теченіе десятилѣтняго блужданія, терпѣливо относится къ своему положенію и жаждетъ только увидѣть хотя бы дымъ, поднимающійся изъ домовъ его родины, и не смотря на то, что ему предлагалось гораздо лучшее положеніе, чѣмъ на родинѣ, онъ не согласился остаться на чужбинѣ. Что можетъ быть благороднѣе Эдипа, который, претерпѣвъ величайшія превратности судьбы, подвергшись величайшимъ несчастіямъ, притомъ совершенно незаслуженно, остается все тѣмъ же сильнымъ и величественнымъ мужемъ до самой своей смерти. Прекрасны и въ высшей степени симпатичны и типы женщинъ. Какая долговременная вѣрность и любовь къ отсутствующему мужу изображена въ Пенелопѣ — этой красавицѣ — гречанкѣ! Какая трогательная и безкорыстная, доходящая до самопожертвованія любовь Антигоны къ своему умершему брату! Какъ мила и естественна Андромаха во время своего прощанія съ Гекторомъ, своимъ любимымъ мужемъ! Даже типъ прекрасной Елены, такъ изуродованный нынѣшними оперетками, остается идеальнымъ и привлекательнымъ. Она постоянно раскаивается въ своемъ проступкѣ, презираетъ себя, клянетъ, какъ виновницу величайшихъ несчастій, презираетъ трусость своего соблазнителя и остается такою же патриоткой, какъ и другія гречанки. Исторія Греціи представляетъ намъ также много примѣровъ великихъ умомъ и духомъ людей и замѣчательныхъ политическихъ дѣятелей. Какое безкорыстіе и какое идеальное подчиненіе законамъ мы видимъ въ Сократѣ, который всю свою жизнь посвятилъ на служеніе обществу, и, невинно осужденный на смерть, не согласился бѣжать изъ темницы, не желая нарушать законовъ своей страны. А какая простота въ этомъ геніальномъ человѣкѣ! Какая любовь къ юношеству! Его рѣчи о добродѣтели и нравственности таковы, какъ будто онъ жилъ во времена христіанства и былъ просвѣщенъ свѣтомъ Христова ученія. Какое отрѣшеніе отъ всѣхъ земныхъ благъ въ чудацкѣ—философѣ Діогенѣ! Какъ глубоко-

мысленно и справедливо большинство его мнѣній и рѣчей! Какую твердость въ преслѣдованіи своей цѣли мы видимъ въ Платонѣ, который трижды отправляется въ Сиракузы съ опасностью своей жизни только для того, чтобы своими совѣтами принести пользу властителямъ и народу. А какъ вѣрны и здравы его взгляды на нравственность и на воспитаніе!

Какой всеобъемлющій умъ, какая палата знаній, какая неутомимость въ трудѣ у Аристотеля, который всю свою жизнь посвятилъ изслѣдованію самыхъ разнообразныхъ вопросовъ и по различнымъ отраслямъ знанія написалъ весьма много сочиненій.

Какая твердость характера и патріотизмъ въ Демосеенѣ — этомъ краснорѣчивѣйшемъ ораторѣ Греціи, который, благодаря величайшимъ усиліямъ воли, достигъ своего искусства и всю свою жизнь старался поддержать упадающій духъ Греціи, громилъ съ каеэдры лѣность и апатію Аѳинянь, подвергаясь при этомъ величайшей опасности!

А сколько примѣровъ храбрости и беззавѣтной любви къ отечеству оставила намъ Греція! Недаромъ Греція составляла предметъ изумленія цѣлыхъ тысячелѣтій, да и до сихъ поръ возбуждаетъ всеобщій интересъ своими постановленіями, дѣяніями и твореніями. Такіе мужи, какими гордится Эллада, могущественные и словомъ и дѣломъ, естественно, могли образоваться подъ вліяніемъ различныхъ условій, а главнымъ образомъ воспитанія, о которомъ заботилось само государство.

Если обратить вниманіе на наслѣдіе, доставшееся намъ отъ Греціи, такъ сказать, для практической жизни, то мы еще болѣе изумимся генію грековъ и ихъ въ высшей степени развитому уму.

1) Почти всѣ науки и искусства, которыми теперь занимается и изучаетъ человѣчество, получили начало въ древней Греціи, и многіе изъ нихъ настолько развились, что современному человѣчеству приходится брать почти все готовое. На этомъ основаніи названія этихъ наукъ почти все греческія. При томъ почти каждая наука имѣетъ такихъ представителей, мнѣнія которыхъ и до сихъ поръ считаются

какъ бы закономъ. Таковы: Пифагоръ, Архимедъ и Эвклидъ въ математикѣ и физикѣ, Демокритъ, Гиппархъ и Птоломей въ астрономіи. (Всего замѣчательнѣе то, что нѣкоторые изъ греческихъ астрономовъ были по своимъ воззрѣніямъ очень близки къ нынѣшнимъ астрономамъ, не смотря на то, что не обладали современными усовершенствованными инструментами для наблюденія). Геродотъ, Фукидидъ и Ксенофонтъ въ исторіи, Аристотель, Платонъ и др. въ психологіи, логикѣ и естественной исторіи. Философія на столько была развита въ Греціи, что трудно даже перечислить дѣятелей на этомъ поприщѣ. Не излишне будетъ привести здѣсь мнѣніе Мищенко по этому предмету. «Умозрѣнія Платона и Аристотеля, говоритъ онъ, составляютъ краеугольный камень ново-европейской философіи. Основныя грамматическія и логическія категоріи установлены незыблемо Эллинами. Элементы Эвклида по настоящее время остаются образцовымъ руководствомъ по математикѣ. Начала научной медицины, естествознанія, астрономіи, механики заложены древне-эллинскими учеными, и имена Гиппарха, Гиппократа, Птолемея составляютъ такую же славу и гордость древней Эллады, какъ и имена Софокла, Эсхила, Геродота, Фукидида, Фидія, Праксителя, Апеллеса».

2) Почти всѣ научные термины заимствованы изъ греческаго языка. Различныя изобрѣтенія до сихъ поръ обозначаются греческими терминами. Благодаря этому оказывается одна научная терминологія у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ.

3) Пластика и скульптура въ Греціи достигли высокой степени совершенства. Въ этихъ произведеніяхъ греческое искусство стремилось достигнуть той совершенной красоты, которую оно всегда имѣло единственной цѣлью. Самыя лучшія статуи, которымъ мы удивляемся теперь въ музеяхъ и дворцахъ, достались намъ изъ древней Греціи. Греція насчитываетъ многихъ художниковъ. Между ними первое мѣсто занимаютъ Фидій, Поликлитъ, Скопасъ, Пракситель, Лисиппъ и др.

4) Въ тѣсной связи съ скульптурой находилось у грековъ искусство живописи. Писали картины частью на стѣнахъ, частью на деревянныхъ доскахъ. Были даже картинныя гал-

лереи (пинакотеки). Славными представителями этого искусства были Полигнотъ, Зевксисъ, Паррасій, Апеллесъ и др. Разказы о томъ, какъ лошадь Александра, царя македонскаго, увидя изображеніе Александра и его коня, сдѣланное Апеллесомъ на картинѣ, заржала, какъ Зевксисъ нарисоваль такъ живо виноградъ, что птицы прилетали клевать, и какъ Паррасій такъ живо изобразилъ полотно, что его соперникъ Зевксисъ хотѣлъ поднять его, думая, что подъ нимъ скрывается настоящая картина, доказываютъ, что и это искусство было у грековъ на верху совершенства и послужило основаніемъ нынѣшней живописи.

5) Не менѣ велики были греки въ архитектурѣ. Греческіе художники, при употребленіи самыхъ мелкихъ и, повидимому, малозначительныхъ архитектурныхъ частей, руководствовались какимъ-нибудь неизмѣннымъ закономъ. Греческая архитектура, имѣющая три главныхъ стилиа: дорійскій, іонійскій и коринтскій, послужила основаніемъ нынѣшнимъ архитектурнымъ работамъ. Сначала она примѣнялась при постройкѣ многочисленныхъ храмовъ Греціи. Господствовали по преимуществу стиль дорическій. Впослѣдствіи времени она стала примѣняться и къ частнымъ постройкамъ. По планамъ архитекторовъ стали строиться цѣлые города, и до сихъ поръ многія ихъ сооруженія считаются чудомъ искусства.

6) Начало театра и театральнаго искусства положено въ Греціи. Самое устройство нынѣшнихъ театровъ заимствовано изъ Греціи. Греческіе театры были огромныхъ размѣровъ сравнительно съ нынѣшними. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ помѣщалось до 30,000 и болѣе человекъ. Не смотря на громадное количество зрителей, духоты въ театрахъ не было, такъ какъ они были безъ крышъ. Въ случаѣ дождя, публика скрывалась или въ крытой галлерей, позади театра, или въ портикахъ ближайшихъ храмовъ. Греки смотрѣли на театръ очень серьезно и придавали ему громадное значеніе. Отъ актеровъ, кромѣ хорошей игры, требовалась прекрасная дикція. Главныя роли трагедіи первоначально играли сами авторы извѣстной трагедіи. (Замѣчательными трагиками были Эсхинъ,

Софокль и Эврипидъ, лучшимъ комикомъ Аристофанъ). Слова театръ, сцена, оркестръ, хоръ, парадизъ, такъ часто теперь употребляемыя, греческія.

7) Искусство краснорѣчія, или ораторское искусство, получило также начало въ Греціи. Оно всегда у грековъ было въ богатой чести. Еще въ гомеровскія времена ему придавали большое значеніе. Рѣчь Нестора для слушателей была слаще меда. Одиссей, благодаря своему краснорѣчію, такъ обворожилъ слушателей рассказами о своихъ странствованіяхъ, что они готовы были слушать его цѣлую ночь. Софисты создали полную теорію краснорѣчія и нѣкоторые изъ нихъ обучали съ большимъ успѣхомъ.

8) Въ военномъ дѣлѣ греки достигли высокой степени совершенства. Съ беззапятной храбростью они соединяли и умѣнье вести войны. Слава о нихъ, какъ о прекрасныхъ воинахъ, гремѣла по всему тогдашнему свѣту въ продолженіе долгаго времени. То вооруженіе, каксе извѣстно намъ изъ Илиады Гомера, образуетъ основу вооруженія и для позднѣйшихъ ополченій. Многое изъ ихъ вооруженія потеряло свое значеніе только съ изобрѣтеніемъ огнестрѣльнаго оружія. Теперешніе шлемы, латы, копья и т. п. — наслѣдіе отъ грековъ. Раздѣленіе войскъ на тяжеловооруженныхъ и легковооруженныхъ, на конницу и пѣхоту, раздѣленіе войска на отряды, фланги, сотни — все это сдѣлано было греками.

9) Мореплаваніе у грековъ достигло также, еще въ древнія времена, высокой степени совершенства. Сама природа страны способствовала этому. Въ высшей степени развитая торговля и особая пытливость ума постоянно заставляли грековъ обращать особенное вниманіе на это дѣло. Гомеровскій корабль былъ прототипомъ нынѣшнихъ судовъ и кораблей. Форма, составныя части и названія кораблей не представляютъ особенно рѣзкой разницы, сравнительно съ нынѣшними. Не смотря на первобытный способъ плаванія посредствомъ весель, быстрота греческихъ кораблей была очень значительна. Для этого на корабляхъ устраивалось нѣсколько палубъ, одна надъ другой, и каждая изъ нихъ снабжена была массою гребцовъ.

Изъ мифовъ о походѣ Аргонавтовъ и произведеній Гомера, Одиссеи и Илиады, видно, что греки еще въ очень древнее время ѣздили почти во всѣ извѣстныя въ то время страны.

10) Медицина у грековъ была поставлена также высоко. Греки къ врачеванію относились серьезно и добросовѣстно. Врачи занимали высокое положеніе. Въ составъ лѣкарствъ входили главнымъ образомъ различныя травы. Существовали также прижиганія и хирургическія операціи. Замѣчательными врачами считались Асклепій, (отсюда Эскулапъ), Гиппократъ аѳинскій, Галенъ и др. Въ нынѣшней медицинѣ встрѣчается масса греческихъ словъ. Названія болѣзней большею частію греческія, какъ напримѣръ: анемія, аневризмъ, геморрой, дифтеритъ, невралгія, катаррактъ, ларингитъ, дисентерія, холера, апоплексія, анестезія и т. п. Итакъ, и въ этомъ отношеніи сомнительно, чтобы латинскій языкъ былъ нужнѣе, чѣмъ греческій.

11) Миѳологія, такъ полно и прекрасно разработанная греками, служитъ до сихъ поръ интереснымъ предметомъ изученія. Кромѣ того, она давала и до сихъ поръ даетъ массу матеріала для ученыхъ, изслѣдователей, художниковъ, живописцевъ, поэтовъ и писателей. Безъ знанія греческой миѳологіи, многія статуи и картины въ музеяхъ и картинныхъ галлерейхъ для наблюдателей останутся непонятными. Многіе наши поэты, а въ особенности Жуковскій и Пушкинъ, очень хорошо знали греческую миѳологію и часто брали изъ нея сюжеты для своихъ стихотвореній. Слѣдовательно, для хорошаго, детальнаго пониманія ихъ стихотвореній требуется знакомство съ греческой миѳологіей. Наконецъ, безъ знанія миѳологіи, многія выраженія, употребляющіяся въ литературѣ и въ обыкновенномъ разговорѣ, будутъ непонятными. Между тѣмъ, такія выраженія очень распространены, какъ напримѣръ: «яблоко раздора», «муки Тантала», «Трудъ Сизифа», «неумолимая Немезида», «гомерическій смѣхъ», «смотреть Олимпійцемъ» и т. п. Вообще надобно сказать, что на греческую миѳологію нѣкоторые смотрятъ слишкомъ поверхностно, не понимая значенія мифовъ и ставя ихъ чуть-ли ненаравнѣ съ

сказками. Между тѣмъ всякій мнѣ имѣть свою основу то въ историческомъ событіи, то въ религіозномъ сознаніи народа, и во многихъ изъ нихъ скрываются великія идеи. Политизмъ образовался у грековъ также естественно, какъ и у многихъ другихъ первобытныхъ народовъ. Живя въ роскошной мѣстности, грекъ былъ очарованъ и пораженъ ея величіемъ. На каждую часть творенія онъ смотрѣлъ, какъ на личность себѣ подобную. Испытывая различныя силы природы, то грозныя, то благодѣтельныя, онъ призналъ ихъ своими властелинами и сталъ молиться имъ. Представляя ихъ человѣкообразно, онъ надѣлилъ ихъ и нѣкоторыми недостатками людей. Эта первобытная поэтическая религія была, такъ сказать, только народною. Лучшіе умы Греціи додумались до идеи о единомъ Богѣ, Богѣ всего рода человѣческаго.

Итакъ, вотъ какова была Греція, и вотъ какое наслѣдіе она оставила намъ! Конечно, современное человѣчество по праву гордится величайшимъ примѣненіемъ пара и электричества, но въ свою очередь и Греція, по справедливости, можетъ гордиться тѣмъ, что она родоначальница нынѣшнихъ изобрѣтеній и цивилизаціи. Не будь Греціи, наука, можетъ быть, не дошла бы теперь до тѣхъ ступеней, на которыхъ она находится. Да, наконецъ, и въ древней Греціи были такія изобрѣтенія, которымъ нельзя не подивиться. Таковы рычаги Архимеда, посредствомъ которыхъ онъ спускалъ въ воду и поднималъ на воздухъ громадныя корабли. Его выраженія «εὐρηκα» и *δός μοι, ποῦ στῶ, καὶ τὴν γῆν κινήσω* напоминаютъ о двухъ его величайшихъ изобрѣтеніяхъ, которыми съ успѣхомъ пользуется современное намъ человѣчество. Съ другой стороны, нельзя не отмѣтить и того обстоятельства, что многое, что было извѣстно древнимъ грекамъ, осталось для насъ неизвѣстнымъ. Такъ, напримѣръ, такъ называемыя циклопическія постройки, составляющія своего рода чудо древняго міра, и до сихъ поръ не разгаданы. Неизвѣстны также способы смѣшенія металловъ при ваяніи, практиковавшіеся у древнихъ грековъ, и какъ получался металлъ, называемый ἤλεκτρον. Неизвѣстно также, употреблялась ли греками куда-нибудь *νάφθα*

нынѣшняя нефть, добывавшаяся также изъ нѣдръ земли и имѣющая въ настоящее время такое обширное примѣненіе и т. п.

Греческій языкъ, называемый нѣкоторыми мертвымъ языкомъ, живъ и до сихъ поръ живетъ болѣе, чѣмъ другой какой либо языкъ. Не говоря про то, что весьма много греческихъ словъ встрѣчается въ Священномъ Писаніи и богослужебныхъ книгахъ (о чемъ упомянуто выше), употребленіе греческихъ словъ въ нашей обыденной жизни такъ обширно, что добрая половина словъ, которыя мы употребляемъ, принадлежитъ къ греческому языку. Съ утра до вечера, можно сказать, мы имѣемъ дѣло съ греческимъ языкомъ и употребляемъ греческія слова. Вотъ самыя употребительныя изъ нихъ:

Христось, Евангеліе, Библия, икона.

Термометръ, барометръ, хронометръ, гидрометръ, атмосфера.

Микроскопъ, телескопъ, стереоскопъ.

Телеграфъ, фонографъ, автографъ.

Телефонъ, герофонъ, аристонъ.

Типографія, фотографія, ксилографія, фототипія.

Библиотека, аптека, музей, музыка, театръ.

Трагедія, комедія, драма.

Архитекторъ, механикъ, технологъ.

Аристократъ, демократъ, плутократъ.

Руссофилъ, Руссофобъ, библиофилъ.

Гимназія, академія, лицей.

Меланхоликъ, холерикъ, флегматикъ.

Диалогъ, прологъ, эпилогъ.

Антологія, психологія, геологія.

Ода, идиллія, элегія, поэзія.

Программа, эпиграмма, монограмма.

Теорія, категорія, практика, политика, критика, лирика.

Каедрa, тронъ, порфира, діадема.

Ривма, тонъ, хоръ, мелодія.

Метафора, аллегорія, иронія, гипербoла, идея, фантазія.

Катастрофа, эпидемія, эпизоотія.

Парадоксъ, утопія, экстазь.

Характеръ, истерика, типъ.

Автономія, автохтонъ, монархія.

Анекдотъ, идіотъ, паразитъ.

Аэрометръ, аэролитъ, электричество, метеоръ.

Грамота, псевдонимъ, эиміамъ, бальзамъ, эпитафія.

Скептикъ, діагнозъ, симпатія, апатія.

Гармонія, органъ, симфонія, какофонія.

Тиранъ, идолъ, неофитъ.

Экономъ, трапеза, каминъ, лампа, лампада, нефть, нафталинъ, керасинъ.

Нѣкоторые города Россіи носятъ названія греческія: Херсонъ, Симферополь, Севастополь, Евпаторія и т. п.

Названія драгоцѣнныхъ камней большею частію греческія, какъ то: аметистъ, топазъ, берилль, смарагдъ, хризолитъ, ониксъ, сапфиръ и т. п.

Многія названія цвѣтовъ и растений также греческія, какъ на примѣръ: анемонъ, филодендронъ, аканеъ, рододендронъ, миртъ, маргаритка, геліотропъ, агаэантусъ, левкоя, кипарисъ, нарциссъ и т. п. Со многими изъ этихъ цвѣтовъ связаны у грековъ прекрасныя мифы.

Большая часть собственныхъ именъ, получаемыхъ нами при крещеніи, греческія. Каждое изъ этихъ именъ имѣетъ извѣстное значеніе. Таковы имена: Александръ, Алексѣй, Андрей, Евгенийъ, Стефанъ, Никаноръ, Николай, Ѳедоръ, Софія, Евпраксія, Гликерія и т. п.

Здѣсь указаны слова, какія пришли на умъ и которыя встрѣчаются очень часто. Всѣхъ же словъ, заимствованныхъ съ греческаго, насчитывается нѣсколько тысячъ.

Словомъ, по значенію, вліянію и развитію, нѣтъ въ мірѣ языка равнаго греческому. Его распространеніе до того было обширно въ древности, что почти вся Европа подчинилась его вліянію. Даже когда образовалось римское государство, то и тогда онъ былъ языкомъ ученыхъ и просвѣщенныхъ людей. Можно сказать, что греческая литература послужила краеугольнымъ камнемъ какъ для римской литературы, такъ и для литературъ восточныхъ народовъ. Литературы многихъ народовъ, какъ на примѣръ, сирійцевъ, армянъ, грузинъ, ара-

бовъ, и другихъ, суть не что иное, какъ рабское подражаніе греческой литературѣ.

Если бы мы стали сравнивать въ этомъ отношеніи грековъ съ римлянами, то увидали бы полнѣйшее превосходство первыхъ надъ послѣдними. Какъ богатъ былъ эпосъ греческій, такъ скуденъ эпосъ римскій. У римлянъ не было эпическихъ пѣсней, имѣющихъ хотя бы отдаленное сходство съ Гомеровскими рапсодіями. Въ ихъ произведеніяхъ нѣтъ той жизне-радостности, того довольства, какія мы видимъ въ произведеніяхъ грековъ. «Римская литература», говоритъ Момзенъ, относится къ греческой какъ померанцевыя деревья германскихъ теплицъ къ рощамъ апельсиновыхъ деревьевъ Сициліи: можно обоими любоваться, но нельзя и подумать объ ихъ сравненіи».

Мифологія римлянъ бѣдна не только сравнительно съ греческою, но и съ другими. Римъ не былъ самостоятеленъ ни въ наукахъ, ни въ искусствахъ. Главныя его силы были обращены на практическую дѣятельность и на государство.

Для насъ, русскихъ, изученіе греческаго языка важнѣе латинскаго еще и потому, что первыя свѣдѣнія о нашемъ дорогомъ отечествѣ мы почерпаемъ изъ греческихъ авторовъ. Для всякаго русскаго человѣка важно и интересно знать, кто въ старину жилъ въ нашей странѣ, какія мѣстности были сначала заселены, что это былъ за народъ, какіе были его нравы и обычаи, какова была сначала Россія. Изъ Аполлонія родосскаго и Пиндара мы узнаемъ о пресловутомъ походѣ за золотымъ руномъ Аргонавтовъ, бывшемъ приблизительно за 12 вѣковъ до Р. Хр. Здѣсь въ первый разъ встрѣчается упоминаніе объ южныхъ окраинахъ настоящей Россіи: Колхидѣ, нынѣшней кутаисской губерніи, Фазисѣ, нынѣшней рѣкѣ Ріонѣ, Босфорѣ Киммерійскомъ — проливѣ Эникале, Меотидскомъ озерѣ, нынѣшнемъ Азовскомъ морѣ. Упоминаются также и жители тогдашней Руси Тавры и Киммеріане. О послѣднихъ упоминаетъ также и Гомеръ, представляя ихъ страну мрачною, никогда не освѣжаемою солнцемъ. Замѣчательны также мифы о Прометей — этомъ страдальцѣ за родъ человѣческой, прикованномъ на долгое время къ Кавказу, а также о грифахъ-

звѣрхъ, стерегущихъ золото сѣвера въ Уральскихъ горахъ. Миѣи объ Аргонавтахъ и грифахъ свидѣтельствуютъ, что еще въ незапамятныя времена наша страна славилась, какъ мѣсто-нахожденіе золота. Затѣмъ отецъ исторіи Геродотъ, писавшій въ V вѣкѣ до Р. Хр., даетъ болѣе подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія о Скиѣи-древней Руси.

Его рассказы о южной Россіи, ея рѣкахъ, гилеяхъ — днѣпровскихъ плавняхъ, Скиѣахъ, могилахъ скиѣскихъ царей и проч. всецѣло подтверждаются современными намъ археологическими разысканіями. Подобныхъ извѣстій намъ не найти нигдѣ, и въ этомъ отношеніи нѣтъ важнѣе и болѣе для насъ изъ всѣхъ древнихъ авторовъ Геродота. Чтобы ни говорили различныя критики, въ родѣ Сейса и ему подобныхъ, относительно достовѣрности его сообщеній, онъ остается отцомъ исторіи и добросовѣстнымъ и вѣрнымъ бытописателемъ.

Хорошее значеніе греческаго языка очень важно еще для нашей археологіи. Нашъ Крымъ считается однимъ изъ замѣчательныхъ мѣстъ находженія памятниковъ античнаго искусства Греціи. Здѣсь найдено весьма значительное количество остатковъ классической древности Греціи, такъ какъ еще задолго до Р. Хр. тамъ были греческіе города.*)

Наша отечественная исторія тѣсно связана съ исторіей Византійской имперіи. Нашъ царскій дворъ съ давнихъ временъ постоянно находился въ родственныхъ отношеніяхъ съ греческимъ царскимъ дворомъ. Вообще надобно сказать, что западно-европейскія государства болѣе связаны съ Римомъ, мы же болѣе съ Греціей. Поэтому и изученіе греческаго языка для насъ важнѣе, чѣмъ латинскаго. «Изученіе древне-славянскаго языка во всѣхъ его памятникахъ», говоритъ Ламанскій, «изученіе славянскихъ древностей, филологіи, исторіи требуетъ

*) Археологія у насъ дѣло еще новое и намъ не слѣдуетъ относиться къ ней равнодушно, если матеріалъ мы имѣемъ, такъ сказать, подъ руками, хотя не слѣдовало бы ограничиваться только своимъ отечествомъ. Вѣдь считаютъ же почетнымъ нѣмцы, французы, авгличане и даже американцы имѣть археологическія школы въ Аѣинахъ и не жадѣютъ денегъ на раскопки и изученіе древностей.

прежде всего глубочайшаго изученія памятниковъ языка и письменности Византійской, имѣвшей на славяно-русскую образованность такое же могущественное вліяніе, какое имѣли латынь и папскій Римъ на большинство народовъ романо-германскихъ».

«Наука и исторія Греціи», говоритъ Куторга, «имѣетъ, именно для насъ русскихъ, особенный вѣсъ и значеніе: она служитъ къ точнѣйшему уразумѣнію нашей народности. У насъ религія, языкъ, государство и общество, и по своему духу, и по своему внѣшнему виду, различны съ западно-европейскимъ».

Почти всѣ великіе писатели и ученые болѣе цѣнили греческую литературу и любили заниматься ею.

Философъ Гербартъ въ основу наукъ ставитъ чтеніе Одиссеи и предпочитаетъ греческую литературу римской.

Гете въ «Вертерѣ» говоритъ: «мнѣ скорѣе нужно колыбельную пѣсню, и я нахожу ее цѣликомъ въ моемъ Гомерѣ: онъ часто убаюкиваетъ бушующую кровь мою».

Пушкинъ на переводъ Иліады Жуковскимъ пишетъ: «Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи; Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.»

Гоголь называетъ міръ древнихъ грековъ свѣтлымъ, полнымъ — раздольнымъ моремъ жизни.

Многіе, признавая превосходство греческаго языка, однако, утверждаютъ, что онъ труднѣе для изученія сравнительно съ латинскимъ. Но въ этомъ мнѣніи, смѣло можно сказать, кроется заблужденіе. Скорѣе есть данныя заключать, что онъ легче для изученія, чѣмъ латинскій. Въ нашихъ гимназіяхъ изученіе греческаго языка начинается съ 3-го класса при четырехъ недѣльныхъ урокахъ, и вотъ ученики, кончая курсъ гимназіи, настолько усваиваютъ этотъ языкъ, что переводятъ нисколько не хуже, а иногда даже лучше, чѣмъ съ латинскаго. Расположеніе словъ въ греческомъ языкѣ почти тоже, что и въ русскомъ. Длинные періоды съ глаголомъ на

концѣ, такъ затрудняющіе учениковъ при переводѣ съ латинскаго языка, встрѣчаются здѣсь очень рѣдко. Здѣсь только три склоненія, а въ латинскомъ пять. Здѣсь нѣтъ почти затрудненій въ распознаваніи рода именъ существительныхъ, между тѣмъ какъ въ латинскомъ правила о родѣ довольно обширны и при томъ со многими исключеніями. Со многими знаками и удареніями, встрѣчающимися въ греческомъ языкѣ, ученики знакомы по языку славянскому. Греческіе виды глаголовъ, за немногими исключеніями, соотвѣтствуютъ русскимъ видамъ глаголовъ. Переводъ русскихъ причастій и дѣпричастій на греческій языкъ не представляетъ затрудненій, не такъ, какъ въ латинскомъ языкѣ. Вообще, синтаксисъ греческаго языка гораздо проще, чѣмъ латинскій, и ближе къ русскому. Спряженіе глаголовъ и образованіе формъ, хотя и представляетъ трудности для учащихся, но и въ латинскомъ есть очень много глаголовъ, уклоняющихся въ *regi.* и *supinum.* Правописаніе въ греческомъ языкѣ, представляющее на первыхъ порахъ затрудненіе, пріобрѣтается навыкомъ. Итакъ, рациональнѣе бы было начинать изученія древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ съ 1-го класса греческимъ языкомъ, нежели латинскимъ. Греческій языкъ, какъ болѣе близкій намъ, отъ такой постановки много бы выигралъ въ изученіи. При такой постановкѣ дѣла можно бы было расширить программу чтенія греческихъ авторовъ. Что касается латинскаго яз., то его изученіе не особенно бы ослабилось. Третій и четвертый классы можно бы было посвятить на изученіе синтаксиса. Чтеніе нѣкоторыхъ авторовъ можно бы было сократить.

Въ заключеніе приведемъ слова Куторги, которыя подтверждаютъ высказанное выше мнѣніе: «Слѣдовало бы начинать ученіе не чуждымъ для насъ латинскимъ языкомъ, а болѣе сроднымъ и весьма намъ близкимъ языкомъ греческимъ и не щадить усилій для ближайшаго знакомства съ эллинскою образованностью. Изучая исторію древнихъ грековъ, мы изучимъ исторію своихъ, такъ сказать, духовныхъ праотцевъ».

Знамен. пед. и уч.: Архіеп. Антоній.

...Отъ духовнаго юношества преосв. Антоній требовалъ знаніе Писанія, и на экзаменахъ испытывалъ, насколько знакомы они съ твореніями св. отцовъ, показывая важность науки патристики прежде, чѣмъ она была введена. Воспитанники, жившіе на частныхъ квартирахъ, должны были ходить въ свои приходскія церкви и участвовать въ пѣніи и чтеніи, за чѣмъ и обязаны были слѣдить настоятели церквей. Такимъ образомъ наглядно изучалось богослуженіе.

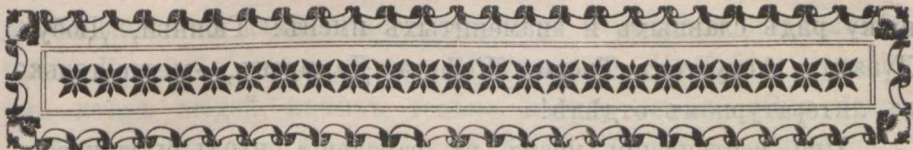
Лучшихъ учениковъ преосв. Антоній дарилъ въ Рождество и Пасху деньгами.

Когда преосвященный Антоній приходилъ въ семинарію, младшіе воспитанники окружали его, какъ пчелы, ловя его руки. Онъ гладилъ дѣтей по головѣ, со словами: «учитесь, дѣтки», и давалъ мальчуганамъ пяточки, приговаривая: «на калачикъ, на пирожокъ!»

Особенно усердно посѣщалъ пр. Антоній семинарію на первой, голодной недѣлѣ поста. По Воронежскому обычаю, въ прощенное воскресеніе къ нему приходили прощаться горожане и приносили большіе бѣлые хлѣбы, которые, изъ усердія къ любимому архипастырю, достигали громаднхъ размѣровъ (до $\frac{3}{4}$ аршина въ діаметрѣ). Эти хлѣбы владыка раздавалъ въ семинаріи. Любилъ также преосв. Антоній посѣщать семинаристовъ на прогулкѣ ихъ и, выходя изъ кареты, осыпалъ дѣтей пряниками, орѣхами, среди которыхъ попадались серебряные пяточки и гривеннички.....

Однажды, когда пришли къ преосвященному директоръ, инспекторъ и учителя гимназіи, онъ сказалъ имъ: «вы мои помощники: я одинъ ничего сдѣлать не могу. Я подобенъ стоящему на колокольнѣ. Зову. Но кто меня слышитъ? Насаждайте въ дѣтяхъ страхъ Божій. Запечатлѣвайте въ сердцахъ ихъ святую вѣру, любовь къ Церкви и ея уставамъ, любовь къ Царю и отечеству. Вотъ наше христіанское богатство!»

«Душеп. Чт.» 1895. 10.

Школьная жизнь

по воспоминаніямъ бывшихъ учениковъ *).

П. Козловскій, Екатеринославъ.

Воспитанникъ Нормальной школы въ 1832 г.

Къ старости у человѣка мѣняются не только вкусы, житейская обстановка, но, что самое печальное, мѣняются и друзья. Одни умирають, другіе оставляють насъ, третьи превращаются въ нашихъ враговъ. Къ моему счастью, у меня есть друзья, вѣрные мнѣ полстолѣтія. Я признателенъ имъ и за то, что они живы, и за то, что постоянны. Благодаря имъ, сознаю, что я уже старикъ. Когда мнѣ приходится встрѣтить кого-нибудь изъ старыхъ товарищей (а это бываетъ не такъ часто, какъ бы мнѣ хотѣлось), мнѣ кажется тогда, что мы бродимъ по нашему Латинскому кварталу, встрѣчаемъ всѣхъ нашихъ товарищей; благодаря имъ, я нахожу еще иныхъ друзей, — это тѣ чувства, которыя наполняютъ мое сердце.

Въ 1833 г. я поступилъ въ Нормальную школу. Въ это время она не блистала роскошью. Это было старое зданіе, безъ опредѣленнаго характера, смежное съ училищемъ Лудовика Великаго и образовавшееся изъ школы де-Плесси, во время первой имперіи, въ 1810 году. Судя по помѣщенію, школа была невелика; но первый поступившій въ нее ученикъ назывался Викторъ Кузень, а за этимъ великимъ именемъ я

*). См. «Гимн.» №. 6—7.

вижу рядъ славныхъ и знаменитыхъ именъ: Гюиньи, Дюбуа, Луазонъ, Августень Твери, Жофруа, Дамиронъ, — и это только въ литературномъ отдѣлѣ!

При поступленіи моемъ въ заведеніе, входъ былъ черезъ какія-то руины, поддерживаемыя двумя—тремя столбами. Здѣсь было жалкое помѣщеніе для привратника. Дворъ представлялъ аллею, образуемую съ одной стороны высокою каменною стѣною, а съ другой — скучными зданіями, напоминающими собою не то запущенныя казармы, не то больницу. Рядъ чахлахъ деревьевъ вдоль стѣны доказывалъ недостатокъ солнечнаго освѣщенія во дворѣ.

Во второмъ этажѣ помѣщалась наша столовая и двѣ комнаты для занятій, дурно освѣщенныя маленькими окнами, на антресоляхъ была квартира помощника директора и библіотека. Книги помѣщались на небольшихъ полкахъ; здѣсь стояли старыя соломенные стулья и сосновый столъ. Здѣсь Кузень читалъ свой воскресный курсъ. Въ первомъ этажѣ была большая зала для занятій, помѣщеніе воспитанниковъ первыхъ двухъ курсовъ и общая столовая. Третій курсъ словесниковъ занималъ верхній этажъ, подъ крышею. Мы здѣсь свободно размѣщались въ четырехъ комнатахъ: палата философовъ, палата словесниковъ, потомъ историковъ и, наконецъ, грамматиковъ. Бѣдные грамматики! Это были плохіе плоды перваго года, — тѣ, которые не выдержали испытанія. Они имѣли право только два года быть въ училищѣ, а за тѣмъ были опредѣляемы преподавателями низшихъ классовъ (6 и 7-го), на скудный окладъ. Мы глядѣли на нихъ, (да и онѣ сами, въ сердечной простотѣ) какъ на низшія существа. Зато теперь грамматики взяли верхъ.

Кузень, какъ членъ совѣта при Министерствѣ, завѣдывалъ нашею школою. За это онъ получалъ невзачетъ три тысячи франковъ. Онъ жилъ недалеко отъ насъ, въ Сорбонѣ, въ томъ самомъ помѣщеніи, гдѣ теперь подаренная имъ Министерству библіотека. Онъ былъ у насъ полновластнымъ господиномъ и дѣлалъ, что хотѣлъ, съ нашимъ уставомъ и съ нашими преподавателями. Собственно нашимъ директоромъ, ко-

торый жилъ съ нами и несъ заботы о порядкѣ и дисциплинѣ, былъ Гюиньо, переводчикъ «Символики» Крейцера, лучший изъ всѣхъ людей, какихъ только носила земля. Онъ былъ профессоръ, какъ и Кузень. Онъ былъ ученый въ нѣмецкомъ духѣ. Онъ зналъ все, чего не нужно знать, и преподаваніе его было наименѣе полезно. Его тѣсная квартира помѣщалась въ упомянутыхъ мною развалинахъ, служившихъ какъ бы переднею училища. Мы входили къ нему со страхомъ, потому что на немъ лежала обязанность приводить въ исполненіе распоряженія Кузена. Онъ часто не одобрялъ этихъ распоряженій, но все же исполнялъ ихъ, объясняя ихъ пространными доводами, которые приводили насъ въ недоумѣніе. Мы должны были, по его примѣру, подчиняться имъ. Разъ, однако, мы рѣшились сопротивляться. Кузень былъ сначала склоненъ къ ограниченію нашихъ отпусковъ, особенно по средамъ. Мы отправили депутатовъ къ членамъ совѣта, его товарищамъ, и я предполагаю, что г. Орфили, членъ отъ медицинскаго факультета, былъ за насъ, потому что, противъ нашего ожиданія, наши среды остались за нами. Былъ также у насъ и помощникъ директора, г. Жюмениль, человѣкъ дурно воспитанный, невѣжественный, но настолько смышленный, что понималъ свою ограниченность. Былъ у насъ и репетиторъ, назначенный изъ наименѣе способныхъ преподавателей училища Лудовика Великаго, человѣкъ очень глупый и рѣшительно бездарный; его должны были сдѣлать потомъ хоть экономомъ маленькаго провинціального училища, гдѣ онъ, я увѣренъ, приводилъ въ отчаяніе всю прислугу. Но я его очень любилъ; я любилъ и Жюмениля и Гюиньо; любилъ всѣхъ моихъ товарищей, глубоко уважалъ всѣхъ нашихъ профессоровъ; но больше всѣхъ на свѣтѣ я любилъ тогда Жана Бриза, который былъ повѣреннымъ моихъ думъ и чувствъ, моею гордостью, моимъ утѣшеніемъ; съ нимъ я проводилъ и рекреаціи и вакаціи. Онъ былъ крѣпокъ какъ бретонскій крестьянинъ, а я былъ большею частью болѣзненъ, и онъ, несмотря на свою суровость, былъ самымъ милымъ товарищемъ и самой лучшей въ мірѣ сидѣлкой.

Теперь, когда я кое-какъ описалъ вамъ домъ и ввелъ въ мой разсказъ Жана Бриза, я долженъ, въ интересъ строго фактической истины, предупредить васъ, что этотъ Жанъ Бризъ называется иначе, что можетъ быть онъ не былъ ученикомъ Ванской семинаріи и Нормальной школы и что теперь можетъ быть онъ не состоитъ членомъ Академіи. Кромѣ этихъ подробностей, во всемъ остальномъ разсказъ мой вѣренъ даже въ мелочахъ.

Мы знали и любили другъ друга въ Ванскомъ училищѣ. Ему было 20, мнѣ 15 лѣтъ, но я никогда не былъ ребенкомъ, хотя былъ потомъ молодымъ. Я учился, какъ и всѣ дѣти моего званія, чтобы быть врачомъ или присяжнымъ повѣреннымъ. Жанъ Бризъ, какъ и всѣ крестьяне, учился, чтобы быть священникомъ. Всѣ наши бретонцы съ трудомъ говорили по-французски, крѣпко держались своего материнскаго языка, были, что называется, клоареки, шуаны, приверженцы короля, древне-французскаго государства и древне-французскихъ порядковъ, люди, для которыхъ священникъ былъ главный вождь въ жизни, совѣтникъ и руководитель. Ихъ священники плохо знали по-французски и по-латыни, но это не мѣшало имъ быть людьми, искренне преданными вѣрѣ, часто — хорошими проповѣдниками, нерѣдко — святыми, иногда — даже апостолами. Таковъ былъ Жанъ Бризъ. Онъ былъ славою нашей школы. Въ его классѣ было принято добиваться второго мѣста и второй награды за сочиненіе, потому что первыя принадлежали всегда безспорно и твердо Жану Бризу. Первой наградой былъ крестъ съ розеткой (бантикомъ) въ петлицѣ, бѣлаго, зеленаго, краснаго цвѣта — смотря по классу, и мой другъ гордо носилъ на своей крестьянской одеждѣ свою награду.

Онъ оказывалъ превосходные успѣхи и въ риторикѣ, и въ философіи, но послѣдняя ему не нравилась. Ее читалъ г. Монье, преподававшій также риторикѣ, бывшій потомъ депутатомъ Законодательнаго Собранія, человекъ, можно сказать, святой, къ тому же очень умный человекъ, но имѣвшій

весьма важный для преподавателя философіи недостатокъ: онъ не зналъ, что такое философія.

— «У парижанъ, говорилъ онъ, есть какой-то молодой человекъ, по имени Викторъ Кузенъ, который достигъ еще большей утонченности мышленія, чѣмъ Ремигеръ. Но мы будемъ держаться философіи нашихъ отцовъ; право же это хорошая философія!»

Онъ диктовалъ намъ такъ называемыя Ліонскія тетрадки, заключавшія въ себѣ разнаго рода аргументы на всѣ тезисы метафизики и морали. Я сохранилъ въ моей памяти только опредѣленіе идеи; я приведу его здѣсь для тѣхъ читателей, которые имѣли несчастье не изучать «Ліонскихъ тетрадокъ». *Idea est representatio mera objecti circa mentem realiter praesentis.* Въ переводѣ это выходитъ: «Идея есть чистое представленіе предмета, дѣйствительно присутствующаго подлѣ ума». Правду сказать, это ровно ничего не означаетъ. Еще памяты мнѣ знаменитыя правила доказательства по *bagosso*; въ теченіе года было съ ними столько возни!

По субботамъ у насъ бывали такъ называемыя *sabbatines*, на которые допускалась и публика. Являлись обыкновенно старые адвокаты, которые стрѣляли въ насъ силлогизмами. Объяснялись, разумѣется, только по-латыни. Монье и его современники смотрѣли на французскій языкъ, какъ на языкъ, неспособный для выраженія философскихъ ученій.

Жанъ признавался мнѣ, что всѣ эти доводы, ничего не доказывающіе, ничего новаго не дающіе и не разъясняющіе, внушаютъ ему глубокое отвращеніе.

— «Я хотѣлъ бы мыслить, а вѣдь мы только болтаемъ!»

Онъ жаловался на Монье и всегда говорилъ при этомъ: «Счастье его и мое, что мы оба вѣримъ».

Тогда у него была крѣпкая вѣра. И все-таки онъ считывалъ на философію, что она разрѣшить ему нѣкоторыя сомнѣнія, которыя уже тогда начали его беспокоить. Но философія не освѣтила ему того, что было неизвѣстнымъ, и въ немъ началось мучительное колебаніе между желаніемъ и возможностью достигнуть блаженной вѣры.

Потерпѣвъ неудачу съ этой стороны, мы принялись разсуждать наудалую, безъ пути-дороги (à perte de vue), и нашъ постоянный припѣвъ былъ: «руководитель намъ нуженъ!»

Надѣясь поступить въ слѣдующемъ году въ семинарію, онъ говорилъ мнѣ: «Я тебѣ дамъ всѣ мои тетради. Я буду составлять для тебя лекціи по Богословію, по мѣрѣ того какъ самъ ихъ выслушаю. Ты у меня будешь богословомъ».

Мы не подвергали анализу и сомнѣнію ни божественность Спасителя, ни таинство искупленія, ни Пресвятую Троицу, ни мірозданіе. Намъ очень трудно было примирить нравственное зло съ божественнымъ совершенствомъ и всемогуществомъ. Первородный грѣхъ можно объяснить грѣхопадениемъ Адама, но чтобъ всѣ послѣдующія поколѣнія, непосредственно не участвовавшія въ согрѣшеніи Адама, были однако же причастны осужденію за него, — это намъ казалось противнымъ понятію о справедливости. А между тѣмъ первородный грѣхъ признать необходимо, чтобы потомъ принять вѣру въ искупленіе и въ таинства. Вотъ предметъ смуты для Бриза и для меня! Ученіе о благодати также смущало насъ. Можно ли согласить ее съ свободой? И если она получается даромъ, то какъ согласить ее съ справедливостью? Эти вопросы безпрестанно, такъ и этакъ вращались въ нашемъ умѣ. Случалось и такъ: кто-нибудь изъ насъ, вставши утромъ, находилъ рѣшеніе этого вопроса; тогда онъ бѣжалъ къ другому и при изложеніи своего рѣшенія находилъ, что оно не можетъ выдержать строгаго испытанія. Это было время перемежающихся порывовъ восторга и отчаянія. Къ этому еще присоединялась щекотливая для совѣсти мысль, не начинаемъ ли мы сомнѣваться. Мы полагали, что въ такомъ случаѣ должно прибѣгать къ молитвѣ.

— «Намъ нужно отупѣть!» Эти восклицанія наши были признакомъ гнѣва, почти возмущенія. И всегда одинъ припѣвъ: «Подождемъ семинаріи!»

Онъ поступилъ въ нее въ концѣ 1830 года.

Три дня іюльской революціи отвлекли меня отъ религиозныхъ вопросовъ, такъ какъ у меня былъ политическій темпераментъ. Къ проблемѣ примиренія первороднаго грѣха съ божественной правдой въ моемъ умѣ прибавилась еще и другая — примиреніе свободы съ общественнымъ порядкомъ*).

Жанъ не позволялъ себѣ развлекаться. «Пусть только не трогаютъ религіи!» говорилъ онъ. Это былъ бретонецъ въ полномъ смыслѣ слова, — бретонецъ, идущій прямою дорогою, не глядя ни направо, ни налѣво; это былъ быкъ, который знаетъ только свою борозду.

Въ семинарію я бѣгала каждую свободную минуту. На улицѣ Менэ только и можно было меня видѣть. Въ самое зданіе не пускали меня, какъ чужого этому міру, но я видѣлся съ Бризомъ на рекреационномъ дворѣ, гдѣ мы обмѣнивались интересовавшими насъ новостями.

— Ну что, дошли уже до того?

— Нѣтъ еще. Повторяютъ логику.

— Что теперь?

— Теперь проходимъ курсъ св. писанія.

— Такъ тутъ-то и о первородномъ грѣхѣ!

— Но вѣдь теперь профессоръ только еще устанавливаетъ текстъ, какъ основу ученія. Обсужденіе наступитъ послѣ.

Но и послѣ, разсужденія не было и не должно было быть. На самые горячіе, желанные вопросы моего бѣднаго друга отъ времени до времени отвѣчали отчасти, когда устанавливали различіе между догматомъ откровеннымъ, существованіе котораго доказывали, и догматомъ философскимъ, котораго смыслъ надо было уразумѣть и котораго истинность должно было доказать.

Преподаватель пользовался текстомъ св. Іеронима. Жанъ умѣлъ немного по-еврейски. Онъ взялъ у аббата Бера нѣсколько книгъ экзегетики. Два-три раза ему приходило на

*) Формула рѣшенія политической проблемы для Франціи помѣщена Ж. Синомомъ въ его статьѣ «Напоин—bey» въ журн. «La Lecture» 1890 г. т. 2.

мысль, что профессоръ основываетъ свои разъясненія на невѣрномъ переводѣ. Во время внутренней борьбы сомнѣнія являлись періодически и мучили моего друга. Зачѣмъ же и учитель, какъ не затѣмъ, чтобы помогать въ затруднительныхъ мѣстахъ ученія? Онъ не смѣлъ. Всѣ его товарищи доврчиво слѣдовали за преподавателемъ и были удовлетворены. Наконецъ онъ рискнулъ.

— *Liceat loqui, domine reverendissime?*

— *Do veniam.*

— Ваши доводы неопровержимы, если вѣренъ переводъ св. Геронима. Но вотъ еврейскій текстъ.

Профессоръ помолчалъ немного, между тѣмъ какъ я чувствовалъ (говорилъ Бризъ), что глаза всей аудиторіи устремлены на меня. Потомъ онъ заговорилъ кротко и печально.

— Господинъ аббатъ, вы имѣете прочесть семь псалмовъ покаянія, въ алтарѣ, на колѣняхъ, передъ св. Таинствомъ.

— Что же ты сказалъ и что сдѣлалъ?

— Что я сказалъ? Я сказалъ: *Gracias ago, quam maximas.* Теперь — что я сдѣлалъ: Я каюсь передъ Господомъ и молилъ Его усердно просвѣтить меня или же успокоить.

— Что же дальше?

— Дальше... Да что? Я и теперь вижу въ Вульгатѣ нѣкоторыя страницы, плохо переведенныя. Я долженъ опять спрашивать разъясненія.

И онъ опять спрашивалъ и былъ наказанъ. Наконецъ онъ сдѣлался для преподавателей подозрительнымъ, для товарищей ненавистнымъ. Эти грубые умы, все принимавшіе безъ изслѣдованія, съ покойною совѣстью, обвинили его въ гордости и «развращеніи». Онъ увидѣлъ, что церковная карьера потеряна. Но его въ это время интересовала не своя будущность, нѣтъ: его поглощала вопросъ объ истинѣ. Я страдалъ, какъ и онъ, столько же, сколько и онъ, страдалъ за себя и за него. Такимъ образомъ зима 1831 года была одною изъ самыхъ печальныхъ въ моей жизни. Я чувствовалъ смертную тоску. Меня спрашивали: «Что съ тобою?» И я не отвѣ-

чалъ. Ахъ эта страница изъ св. Іеронима — она была и днемъ и ночью у меня передъ глазами!

Въ августѣ, однажды утромъ, я только что возвратился отъ воскресной обѣдни и съ нетерпѣніемъ ждалъ полудня, чтобы итти въ семинарію повидаться съ Бризомъ, какъ вдругъ увидѣлъ его у себя. Онъ былъ блѣдень, но спокоенъ.

— Я бросилъ этихъ господъ, и теперь свободенъ!

Я сначала не понялъ его. Онъ долженъ былъ повторить мнѣ, что оставилъ семинарію и отказался въ будущемъ отъ священства. Онъ хладнокровно разсматривалъ свое теперешнее положеніе. Оно было ужасно: ни дневного прочитанія, ни надежды на помощь.

— Съ этихъ поръ придется жить у родныхъ, которые будутъ смотрѣть на меня, какъ на окаяннаго; но лучше же слыть имъ, чѣмъ быть. Впрочемъ, для моего лука есть у меня еще запасная тетива: въ среду открывается конкурсъ въ Реннѣ для поступления въ нормальную школу. Если скоро итти, можно какъ разъ успѣть. Тамъ, по крайней мѣрѣ, не станутъ наказывать меня за вопросы.

— Какъ, пѣшкомъ? (Разстояніе — 27 лье.)

— Да, сударь.

— Безъ денегъ?

— Кромѣ твоихъ. У тебя сколько?

— Десять франковъ.

— На пять дней довольно. Въ понедѣльникъ въ 8 часовъ увидимся. Можешь-ли одолжить мнѣ свою левитку.

Левитка у меня дѣйствительно была, — но грубая и до того широкая, что я, сухой какъ спичка, совершенно въ нее прятался. На него она оказалась въ обтяжку. Мы оба покатались со смѣху.

— Поспѣши-ка продать мою ряску черезъ г-жу Норманъ. Это мнѣ будетъ на проѣздъ въ Парижъ, если понадобится.

Г-жа Норманъ была моей квартирной хозяйкой. Сутана Бриза понадобилась для ея сына-священника. И вотъ Бризъ могъ ѣхать бариномъ въ Парижъ. Его приняли въ нормальную школу послѣднимъ, несмотря на его даровитость. Въ

слѣдующемъ году и я туда поступилъ и также послѣднимъ. Изъ нашихъ ваннскихъ преподавателей навѣрное ни одинъ туда не поступилъ бы. Вѣдныя люди! Они были хорошими священниками и даже хорошими преподавателями. Они учили тому, что знали; но они ничего не знали.

— Господинъ Галь обошелся со мною превосходно, говорить мнѣ Жанъ Бризъ.

Господинъ Галь былъ начальникъ семинаріи. Онъ былъ также главнымъ викаріемъ и дѣйствительнымъ членомъ епархіальнаго совѣта. Юношески бодрый, дѣятельный, поглощенный дѣлами по управленію, онъ судилъ о людяхъ лучше, чѣмъ они были, и ежедневно являлъ примѣры рѣдкихъ добродѣтелей.

Это святой человѣкъ былъ отважнымъ, выдающимся солдатомъ въ лагерѣ шуаковъ, во время нашихъ усобицъ. И онъ-то сказалъ Бризъ:

— Хорошо ты, братецъ, дѣлаешь, что насъ бросаешь. Да, брось нашу одежду, но сохрани вѣру. И въ міру можно быть христіаниномъ. Въ трудныя минуты избери меня твоимъ повѣреннымъ; я всегда буду тебѣ отцомъ.

И Бризъ со слезами на глазахъ прибавилъ:

«Онъ мнѣ и денегъ давалъ, да я сказалъ, что разсчитываю на тебя. Онъ разсмѣялся и обнялъ меня».

Я проводилъ его до Мальтруа, прихвативши часть ночи и спѣша, чтобы къ 6-ти часамъ поспѣть къ своему дѣлу. Въ слѣдующемъ году я имѣлъ большое огорченіе: я писалъ ему письма въ четыре страницы, писалъ часто, не смотря на то что пересылка письма изъ Ванна въ Парижъ тогда стоила 70 сантимовъ, а онъ отвѣчалъ мнѣ всего двумя письмами, хотя за пересылку я же платилъ. Онъ успокаивалъ меня относительно своего здоровья и ни слова о школѣ и о св. Геронимѣ. Я былъ огорченъ, я былъ раненъ, но послѣ я понялъ, что школа отняла у него все время и заняла все его вниманіе.

Въ сентябрѣ 1833 года я прибылъ въ Парижъ и когда выходилъ изъ дилижанса на улицѣ Сень-Гоноре, мой другъ уже былъ здѣсь, чтобы принять меня въ объятія. Мы съ

Бризомъ взяли мой чемоданъ и понесли его на улицу Матуренъ-Сенъ-Жакъ, въ студенческую гостиницу, и тамъ я водворился. Восемь дней спустя я былъ принятъ въ Нормальную школу и чувствовалъ себя счастливѣйшимъ изъ всѣхъ созданій.

У насъ было четыре профессора: Мабленъ — греч. языка, Жибо — франц. и латин. языка, Лебагитории и Тюилье — философіи.

Первое, что я узналъ сейчасъ, это то, что, несмотря на успѣшность моего конкурснаго испытанія, благодаря дару слова, — что мои товарищи знаютъ гораздо больше меня по всѣмъ предметамъ. Подобное же открытіе вскорѣ сдѣлали и преподаватели. Когда я показалъ г. Моблену мой переводъ изъ Телемана на греческій языкъ, онъ сказалъ: «Я не могу этого исправить: все сплошь солецизмы и варваризмы.» Такое же невѣжество я обнаружилъ въ исторіи и философіи. Только у г. Жибо я снискалъ милость, потому что зналъ достаточно по-латыни и по-французски; но я однажды осрамился по-французски, избравши романтическую рапсодію, которая ничего не стоила (*qui ne vaeait pas le diable*). Я погрузился въ грамматику и лексиконы, писалъ всякія переложенія, переводы, смотрѣлъ на себя какъ на худшаго изъ студентовъ, которому суждено преподавать гдѣ-нибудь въ низшихъ классахъ и умереть начальникомъ низшей школы. Такимъ меня считали всѣ преподаватели и мои товарищи. Карьера преподавателя была тогда до крайности унижена, но я, проникнутый чувствомъ долга, стремился искренне къ самообразованію. Трудно мнѣ приходилось! Никто и не подумалъ облегчить мнѣ мои занятія, чтобы пополнить мои пробѣлы за много лѣтъ. Я былъ въ числѣ негодныхъ и съ горечью вспоминалъ о моихъ наградахъ въ Ваннѣ и о моихъ неосновательныхъ надеждахъ.

Между тѣмъ, въ теченіе года, я приобрѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія. Это замѣтили преподаватели, и тѣ изъ нихъ, которые были ко мнѣ поблагосклоннѣе, стали обвинять за малоуспѣшность не меня, но испытательную комиссію, которая принимаетъ въ нормальную школу молодыхъ людей безъ надлежащей подготовки.

Какъ только немного сталъ я на ноги, то сейчасъ же подумалъ о душѣ. Здѣсь-то и ожидалъ меня Бризъ. Онъ первый годъ провелъ такъ же, какъ и я, но больше меня успѣлъ и теперь былъ въ числѣ первыхъ. Его религіозныя волненія не улеглись. Мабленъ и Жибо были скорѣе преподавателями языковъ, чѣмъ литературы. И тотъ и другой презирали философію и философовъ.

Г. Мабленъ былъ старый итальянецъ, котораго настоящая фамилія Маблини; я думаю, что онъ былъ когда-то священникомъ, но теперь совершенно объ этомъ позабылъ, погруженный цѣликомъ въ свой знаменитый трактатъ о греческомъ удареніи. Я какъ будто теперь вижу его грозное выраженіе лица, когда онъ, возвышая голосъ, говоритъ: «Всякій ударяемый слогъ получаетъ облегченное удареніе, если только онъ можетъ его получить». Была у него и другая страсть — іотація. Онъ излагалъ съ ученостью подавляющею и съ доводами неопровержимыми, что Эразмъ, только для облегченія ученикамъ экзаменнаго диктанта, отгѣнялъ произношеніе двухъ гласныхъ и многихъ дифтонговъ. Онъ начиналъ свой урокъ словами: «Сначала и а ргіогі надо забыть произношеніе Эразма».

Невозможно описать то презрѣніе, тотъ гвѣвъ, которые выражались въ его голосѣ, когда онъ произносилъ имя этого врага своего. Надо его слышать. Произношеніе Эразма! Да это отчаянная гадость!

Г. Жибо былъ не менѣе ученъ и не менѣе удивителенъ. Это была олицетворенная латынь. Онъ говорилъ и писалъ по-латыни, какъ на природномъ своемъ языкѣ. Я убѣжденъ, что Гастонъ Буассье не лучше его знаетъ по-латыни, но Буассье — тонкій литераторъ, а Жибо на счетъ литературы нѣсколько беззаботенъ. Для него письма Севинье — полу-грамотны, а В. Гюго заставлялъ его прыгать отъ негодованія. Но у него былъ талантъ, при которомъ нужно было имѣть много ума; онъ превосходно осмѣивалъ наши ученическія работы. Бѣдныя наши метафоры и всѣ литературныя украшенія — въ его критикѣ казались намъ такими же глупыми, какъ и ему. Мы должны были довольствоваться яс-

нымъ и точнымъ изложеніемъ, отказавшись навсегда отъ всякаго изящества.

Филиппъ Лебо зналъ до тонкости всѣ околичности всякаго историческаго факта. Возьмите какой угодно, самый ничтожный и малоизвѣстный фактъ — онъ и здѣсь, какъ у себя дома: сначала идетъ у него перечень общихъ курсовъ исторіи, гдѣ этотъ фактъ яснѣе всего обозначенъ и разъясненъ, потомъ идутъ спеціальныя труды, дальше — монографіи; потомъ онъ переходитъ къ источникамъ рукописнымъ, памятникамъ, *testimonia veterum et recentiorum*. Онъ зналъ всѣ каталоги нѣмецкіе. О самомъ событіи онъ не читалъ по той причинѣ, что и самъ его не зналъ. Десятилѣтній ребенокъ собьетъ его на фактахъ, но онъ собьетъ Академію надписей на библіографіи.

Онъ былъ учителемъ принца Лудовика Наполеона, и съ этой точки зрѣнія былъ бонапартистъ. Но онъ былъ сынъ друга и товарища Робеспьера, и съ этой стороны былъ онъ республиканецъ. Все-таки больше республиканецъ, чѣмъ бонапартистъ. Онъ былъ изъ тѣхъ республиканцевъ (я зналъ много такихъ республиканцевъ), которые говорятъ, что Лудовикъ Наполеонъ учредилъ имперію, чтобы дать болѣе прочности и практичности республиканскимъ идеямъ. Онъ скоро узналъ, что я республиканецъ, благоволилъ ко мнѣ за это и навѣрное научилъ бы меня исторіи, если бы самъ ее зналъ и если бы не встрѣтилъ неодолимаго къ тому препятствія въ моемъ невѣдѣніи самыхъ элементарныхъ основъ.

Мы столько мечтали о Жофруа, когда еще были въ Ваннѣ, и вдругъ Жофруа ушелъ изъ нормальной школы, а на его мѣстѣ Тюилье. Окончательно онъ подалъ въ отставку гораздо позднѣе, такъ что, по странной случайности, его преемникомъ въ званіи профессора философіи оказался именно я. Кузенъ по этому поводу сказалъ мнѣ, видя мое смущеніе: «Не смотрите на то, кому вы наследуете; поглядите, съ кѣмъ рядомъ будете работать». Это была единственная кафедра собственно философіи, потому что Дамаронъ преподавалъ исторію философіи. Кузенъ преподавалъ философію на 3-мъ курсѣ,

но въ цѣлой области философіи онъ избралъ Аристотеля, изъ Аристотеля его «Метафизику», а изъ Метафизики — VII главу 12-й книги. Жофруа былъ единственный профессоръ философіи, но онъ не преподавалъ ея, и я не понимаю, почему Кузенъ замѣнилъ его именно Тюилье. Онъ прежде былъ преподавателемъ въ училищѣ Лудовика Святого, учился по Ремигеру, дошелъ до Томы Рида, котораго комментировалъ намъ очень аккуратно и очень скучно. Можетъ быть у него былъ и умъ, но онъ обнаруживалъ на лекціяхъ только дилетантизмъ и хвастовство. Его сдѣлали ректоромъ, чтобы освободить насъ отъ него, а его мѣсто занялъ Адольфъ Гарнье, который былъ истинный и тонкій психологъ.

Полагаю, что онъ мало думалъ о Богѣ, по крайней мѣрѣ о Немъ никогда не упоминалъ, но зато о внѣшнихъ воспріятіяхъ, ощущеніи, памяти, инстинктахъ животныхъ зналъ все, во-первыхъ, что писано объ этомъ, а во-вторыхъ, онъ не былъ эхомъ: онъ былъ тонкимъ наблюдателемъ, который видитъ и яснѣе и дальше своихъ учителей. Онъ говорилъ ясно, методически, безъ соображенія и жара, всегда толково, иногда умно. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые прекрасно видятъ то, что у нихъ подъ ногами, но никогда не поднимаютъ головы, чтобы посмотреть, что тамъ надъ нами. Я готовъ забожиться, что онъ никогда не думалъ серьезно ни о божественности Христа Спасителя, ни о первородномъ грѣхѣ, ни объ искупленіи благодатью, ни о таинствахъ. Это не значитъ впрочемъ, чтобы онъ не имѣлъ готовыхъ отвѣтовъ на эти вопросы и на другіе, болѣе чуждые философіи. Онъ все зналъ. Это былъ его недостатокъ. Это единственный человѣкъ изъ тѣхъ, кого я зналъ, который навѣрняка могъ бы выдержать экзаменъ на бакалавра, не срѣзавшись ни по-гречески, ни по исторіи, ни по математикѣ, ни по физикѣ. Но онъ въ программахъ не встрѣчалъ вопроса о таинствѣ покаянія. Объ Иисусѣ Христѣ онъ думалъ, что это былъ монахъ, исполнявшій добросовѣстно свои обѣты. Если бы ему сказали, что есть воспитанники, Жанъ Бризь и Ж. Симонъ, которые проводятъ свою жизнь, ломая голову надъ тѣмъ, надо

ли вѣрить евангелію, онъ рекомендовалъ бы отправить ихъ въ домъ умалишенныхъ.

Да. Философія была и теперь въ такомъ же загонѣ, какъ засталъ ее Жофруа. Она занималась всѣмъ, кромѣ религіи, которая, между тѣмъ должна занимать подобающее мѣсто и въ философіи, равно какъ и въ жизни. Въ первый годъ мы повторяли то, чему учились въ среднихъ заведеніяхъ; во второй годъ слушали исторію философіи, греческій, латинскій и французскій языки; третій годъ былъ посвященъ подготовкѣ къ выпускному экзамену.

На 2-мъ курсѣ латинскій языкъ преподавалъ Риннъ, греческій — Гюиньо, французскій — Низаръ, исторію философіи — Дамиронъ и исторію — Мишле. Эти предметы обязательны были для всѣхъ. На 3-мъ году мы специализировались, такъ что философы напимѣръ имѣли только одного преподавателя, г. Кузена.

Въ цѣломъ заведеніи наилучше исполнялъ свое дѣло г. Риннъ. У него была программа, которой онъ слѣдовалъ шагъ за шагомъ, давая каждому вопросу соответствующее ему значеніе и мѣсто, каждый день съ совершенною точностью приближаясь къ концу курса. Все было исполнено по программѣ и исполнено хорошо, человѣкомъ очень образованнымъ, очень умнымъ, при наилучшемъ методѣ и ясномъ изложеніи. Отъ своего предмета онъ не позволялъ себѣ ни малѣйшаго уклоненія въ сторону. Ни одинъ изъ насъ не могъ сказать, что г. Риннъ думаетъ о предметахъ религіи, философіи, политики, даже греческой литературы. Это былъ человѣкъ точный, къ которому питали полное довѣріе въ его дѣлѣ, но никому и въ голову не придетъ поговорить съ нимъ по душѣ. Никто не обратился бы за этимъ и къ г. Гюиньо, но по другой причинѣ: знали напередъ, что отвѣтъ будетъ безконечно длиненъ и непроницаемо теменъ. Постоянное обращеніе съ символической сообщило ему такую широту воззрѣній, что она терялась въ безконечности. Двухъ вещей онъ не умѣлъ: оставить занятое разъ кресло и прекратить лекцію. Пришедши въ 8 часовъ утра, онъ читалъ иногда, пока насъ не

позовутъ обѣдать. Подумайте при этомъ, что мы бывали на работѣ съ 5-ти часовъ, съѣвши по куску сухого хлѣба, и вы поймете, что при всей прелести символики мы не особенно любили эти лекціи. Нечего было и думать о выполненіи программы; но мы хотѣли, по крайней мѣрѣ, изучить вѣкъ Перикла; куда! онъ не желалъ двинуться дальше Гомера. Положимъ, что содержаніе Илиады и Одиссеи неисчерпаемо богато, но вѣдь у насъ его и не касались; мы занимались вопросомъ, былъ-ли когда-нибудь на свѣтѣ Гомеръ, или же его удивительныя пѣсни были древней эпопеей, преобразованной и дополненной рапсодами и непосредственными пѣвцами. Еще по крайности еслибы ясно изложено было объ этомъ тонкомъ вопросѣ мнѣніе Фридриха Августа Вольфа. Его собственное ученіе было облечено въ такую массу примѣчаній, замѣчаній, дополненій, сопоставленій, что мы рѣшительно отказались отъ возможности уяснить себѣ хоть что-нибудь. Попробуйте-ка подобному человѣку предложить вопросъ о первородномъ грѣхѣ!

Изъ всѣхъ нашихъ преподавателей ближе всѣхъ по возрасту подходилъ къ намъ г. Низаръ. Ему не было еще и 30-ти лѣтъ. Тогда это былъ изящный человѣкъ, милый въ обхожденіи. При насъ онъ началъ свою профессуру, робко, съ затрудненіями. Мы знали, что послѣ отставки г. Ампера мѣста этого добивались В. Гюго и Сень-Бёвъ. Г. Гизо далъ его своему секретарю, котораго мы упрекали прежде всего въ томъ, почему онъ не В. Гюго и не Сень-Бёвъ, а потомъ — зачѣмъ онъ принялъ обязанности секретаря министра, будучи другомъ Армана Кареля и его сотрудникомъ въ «National». Мы не въ состояніи были понять, какъ это для него ничего не значатъ ни политическіе, ни религіозные вопросы, а только лишь вопросы литературы. Еще менѣе мы были въ состояніи понять, что Гизо поступилъ очень благоразумно, не допустивши къ этой каеедрѣ ни великаго поэта, ни великаго критика: первый, удостоивши дать намъ урокъ, говорилъ бы только въ своемъ направленіи и ничему бы насъ не научилъ, а второй, не смотря на свои успѣхи въ Лозанѣ, Лиежѣ и потомъ въ Нормальной школѣ, все же не былъ, собственно говоря, пре-

подавателемъ. Низаръ былъ по преимуществу преподаватель. Доктрина его была проста. Онъ ее любилъ пламенно. Онъ былъ равнодушенъ ко всему, кромѣ литературы. У него былъ здравый смыслъ и непоколебимое убѣжденіе. Онъ сильно противодѣйствовалъ легкой литературѣ, т. е. литературѣ послѣдователей В. Гюго. Смѣю сказать, что никакія усиленія съ нашей стороны не могли вовлечь г. Низара въ область теологіи. Въ Босюэтѣ онъ восхищался составомъ его языка.

Но добрый, кроткій, благоразумный Дамиронъ, истинный образецъ добраго человѣка и философа, образецъ преподавателя, преданнаго своему долгу, наукѣ, любящаго воспитанниковъ, не есть-ли это самый достойный довѣрія совѣтникъ для юности? Конечно. Это совѣтникъ, другъ, отецъ, а не учитель только. У него здравый смыслъ, но тѣсный кругозоръ. Онъ посѣтилъ всѣ школы, подробно осмотрѣлъ все помѣщеніе, сдѣлалъ точное описаніе всей подвижности и внимательно выслушалъ все, что тамъ говорилось, но выходя оттуда, онъ не зналъ доподлинно, изъ-за чего подняты всѣ эти вопросы.

Совсѣмъ другого рода человѣкъ Мишле. Сказать по настоящему — только и было въ заведеніи два знатока философіи: Кузень и Мишле. Нужды нѣтъ, что предметъ его была исторія. Онъ рассказывалъ событія съ изяществомъ, жаромъ, съ громадной эрудиціей и воображеніемъ. Его взгляды, его сужденія вдохновляли, наэлектризовывали аудиторію; въ то же время въ рассказѣ его изображалась доктрина, борьба идей, вѣчный міровой законъ, который выражался во взаимномъ столкновеніи эфемерныхъ, преходящихъ, личныхъ страстей.

— Это великій, это гениальный человѣкъ эпохи упадка! говорить о немъ Бризъ.

Онъ являлся всегда въ назначенный часъ, — являлся всегда улыбающійся, розовый, юный, не смотря на сплошную сѣдину своихъ густыхъ волосъ, съ своей легкой походкой. Мы тѣснились вокругъ него, чтобы позжать ему руку. Онъ осматривалъ насъ своимъ огненнымъ взоромъ. Садился рѣдко; большею частію, стоя у печки, заводилъ бесѣду будто безъ определенной цѣли, невзначай, но на самомъ дѣлѣ онъ крѣпко

управлялъ этого бесѣдою. Въ теченіе часу онъ оплодотворялъ наши умы. Иногда намъ казалось, что онъ ничему насъ не научилъ, потому что онъ не давалъ намъ обстоятельныхъ свѣдѣній по намѣченному вопросу; но онъ давалъ намъ возможность съ высоты принциповъ обсудить и понять вопросъ. Бризь говорилъ, что онъ выходилъ изъ этихъ лекцій наэлектризованнымъ, оглушеннымъ. Мишле былъ разнообразенъ, какъ и всякій философъ съ поэтической искрой. Онъ говорилъ намъ о католицизмѣ съ такимъ энтузіазмомъ, что Бризу казалось, будто онъ сидитъ у папскаго престола. На другой день энтузіазмъ профессора обращался въ сторону Лютера, которымъ низвергнуть римскій колосъ и спасено человѣчество отъ суетвѣрія и порчи. Тотъ, на кого Иванъ Бризь возлагалъ единственную надежду спасенія, усилилъ его болѣзнь до безнадёжности.

Когда Бризь былъ на 3-мъ курсѣ, подъ руководительство Кузена, а я на 2-мъ у Мишле, то всѣ наши разговоры я наполнялъ гимнами въ честь Мишле; мнѣ даже не снилось никогда ничего подобнаго. Жанъ оставался спокойнымъ, не переставая быть его почитателемъ. Я думалъ, что вниманіемъ его овладѣлъ Кузень. Я зналъ, что Мишле расположенъ къ нему дружески.

— Это эклектика! говорилъ съ грустью Иванъ.

— Ты ошибаешься: вотъ Кузень — такъ дѣйствительно настоящій апостоль эклектизма.

— Да: у Кузена я вижу теорію, у Мишле — осуществленіе. Кузень всегда на одной точкѣ. Я знаю, кто — Кузень: онъ — Савойскій священникъ. А скажи-ка мнѣ: Мишле — католикъ или протестантъ?

— Онъ — ни то, ни другое.

— Или онъ — и то и другое попеременно.

Этотъ приговоръ былъ суровъ, но все же нужно сознаться, что мы не нашли того успокоенія ума и сердца, котораго искали. Съ Кузеномъ говорить было невозможно. Его гнѣва мы бы не боялись; но его презрѣніе и насмѣшки лишали насъ присутствія духа. Когда онъ желалъ уклониться отъ

объясненій съ собесѣдникомъ, тогда онъ придирался къ его личности, притомъ съ такимъ высокомеріемъ и презрѣніемъ, что всякій чувствовалъ себя уничтоженнымъ, если не обладалъ равнымъ ему положеніемъ, талантомъ и правомъ, чтобы заставить его молчать. Вся жизнь его съ подчиненными представляла вѣчный монологъ, вѣчную проповѣдь. Мы знали его отвѣтъ, не спрашивая. Онъ признавалъ извѣстное соглашеніе (concordat) между философіей и религіей, подобно соглашенію 1801 года, котораго онъ былъ поклонникомъ. Ему нужды не было до того, вѣрять, или не вѣрять, исполняютъ религіозныя обязанности, или нѣтъ. Своихъ собственныхъ вѣрованій онъ не обнаруживалъ.

— Это дѣло моего духовника, говорилъ онъ съ вызывающимъ взглядомъ и улыбкою.

Лишь бы не преподавали какого-нибудь иновѣрнаго ученія (heterodoxe doctrine), лишь обладали бы формальное уваженіе къ церкви и ея служителямъ, а то онъ оставался довольнымъ и думалъ, что всѣ должны быть довольны. Онъ не считалъ себя сыномъ церкви, но не отвергалъ колѣнопреклоненій. Онъ не требовалъ, чтобы всѣ мы ходили къ обѣднѣ и вели себя тамъ прилично; но когда захотѣли опредѣлить къ намъ законоучителя, онъ остался непреклоннымъ и не допустилъ этого. Онъ собственноручно составилъ катехизисъ, потому что считалъ полезнымъ распространять и поддерживать католицизмъ; но подписать свое имя на этомъ катехизисѣ онъ отказался, потому что не хотѣлъ и не могъ публично исповѣдывать католицизмъ. Онъ сдѣлалъ популярное изданіе «Савойскаго священника» и написалъ къ нему краснорѣчивое предисловіе.

Когда мы, бывало, слушаемъ его воскресныя лекціи или его увѣщанія итти въ политикѣ рядомъ съ духовенствомъ, то чувствовали презрѣніе къ этой дипломатіи, понимая, что тутъ долженъ быть или полный разрывъ, или полное сыновнее подчиненіе, и часто повторяли въ душѣ слова Жофруа: «Вся философія помѣщалась тогда въ такой трущобѣ (trou), гдѣ не было воздуха и гдѣ задыхалась душа моя, тогда отчужденная отъ христіанства». Мы тоже задыхались, какъ Жофруа, ко-

того знали только по этой жалобѣ его. Что же онъ? Обрѣлъ ли истину, которой искалъ и по которой мы вздыхаемъ? Всѣ наши преподаватели, кромѣ его, имѣли инныя заботы, не тѣ, что у насъ. А онъ молчалъ. Принято было заниматься изслѣдованіемъ слѣдующихъ вопросовъ: «Существуетъ ли внѣшній міръ, или же онъ есть только личная форма нашего пониманія? Существуютъ ли Богъ и міръ отдѣльно другъ отъ друга, или же они различаются только нашимъ умомъ?» Слегка касались вопросовъ о твореніи, о пантеизмѣ, о будущей жизни. Но благодать, грѣхъ, искупленіе и все, что отсюда слѣдуетъ — это все для семинаристовъ. Одинъ нашъ добрый пріятель, когда мы говорили ему о нашемъ душевномъ безпокойствѣ, насмѣшливо сказалъ намъ: «Читайте письма Вольтера!»

Читая ихъ всю свою жизнь, онъ теперь членъ института.

Наша болѣзнь однако не была исключительнымъ случаемъ. Прежде всего — она не была рѣдкостью въ Бретани, а особенно въ Ваннѣ. Это было училище добраго стараго времени, столько же невѣжественное и довѣрчивое, какъ и самое это доброе старое время. Многіе наши преподаватели и нашъ принципаль Жегано были преподавателями въ этомъ же училищѣ еще до революціи. Послѣ смуты они опять получили свои мѣста на прежнихъ основаніяхъ, съ прежними идеями и методами; познакомившись съ новшествами, они старались предохранить отъ нихъ воспитанниковъ. Половина изъ нихъ были священники, остальные старались походить на духовныхъ, нося длинные кафтаны, *vestis talaris*, какъ прозвалъ ихъ Монье.

Воспитанники ихъ не читали писемъ Вольтера, ни въ школѣ, ни по выходѣ изъ нея. Тѣ изъ нихъ, которые не поступали въ семинарію, впадали въ практическое невѣріе, по принципу оставаясь христіанами и католиками, готовыми защищать католичество, когда на него нападали. Скептики отзывались о религіи съ видимымъ глубокомысліемъ: «Это хорошо для женщинъ».

Въ Нормальномъ училищѣ мы не встрѣчали подобной смѣси равнодушія къ религіи съ преданностію ея формамъ, но, въ огромномъ большинствѣ — чистое отрицаніе, а въ неболь-

шомъ числѣ — спокойную и открытую преданность религіи. Наши лѣтописи свидѣтельствуютъ, что это всегда такъ было. Мы читаемъ нашими школьными товарищами: траписти Жусса, парижскаго генеральнаго викарія Ботена, приходскихъ священниковъ Жогане, Рара, Маринье, доминиканца Гернштейма, трехъ езуитовъ (Оливы, Вердіе, Фару) и одного епископа. Отецъ Фару былъ начальникомъ училища въ Ваннѣ. Между нашими современниками не было собственно церковныхъ людей, но среди горячихъ вольтеріанцевъ нашлось три — четыре пламенныхъ католика. Мы были неизвѣстные, — неизвѣстные съ горячимъ желаніемъ вѣрить. Изъ всѣхъ товарищей мы одни были несчастны; или, если это слово здѣсь оскорбляетъ католиковъ, скажу, что мы были самые несчастные.

Мы исполняли всѣ обряды, какъ, впрочемъ, и всѣ дѣти нашего времени, даже въ Парижѣ. Иванъ Бризь — даже съ одушевленіемъ. Онъ страстно любилъ католическую догматику, но это не значить, что вѣровалъ. Въ смыслѣ философскомъ онъ находилъ ее глубокой; въ смыслѣ руководителя въ жизни онъ находилъ ее могучею; въ поэтическомъ отношеніи — достойнаго удивленія. Онъ былъ бы могучимъ проповѣдникомъ, еслибы остался вѣренъ своему первоначальному призванію. Я помню, какъ онъ вышелъ однажды по окончаніи лекціи Кузена, гдѣ читалъ вмѣстѣ съ нимъ 7-ую главу — 12-й книги «Метафизики» Аристотеля. «Желать, — чувствовать, думать, потомъ, надѣяться и вспоминать — вотъ для насъ величайшее счастье. Но у Бога нѣтъ ни воспоминанія, ни надежды, потому что онъ есть полнота дѣятельности и мышленія». Онъ любилъ повторять эти прекрасныя изреченія, которыя идутъ изъ дали вѣковъ и которыя такъ возвышаютъ наши мысли. Отсюда онъ переходилъ къ Глоссамъ св. Ѳомы, котораго изучалъ усидчиво, и онъ говорилъ, что ученіе Аристотеля и ученіе св. Ѳомы — все едино. *Deus est actus immanis*. Мы начинали понимать, что метафизика, достигшая такой высоты, производитъ на душу такое же дѣйствіе, какъ и самая высшая поэзія, съ тѣмъ превосходствомъ на сторонѣ философіи, что она даетъ чувство реальности, между тѣмъ какъ въ поэтиче-

скомъ одушевленіи все же невольно вспоминаешь, что это только мечта.

Затѣмъ, или съ его стороны, или съ моей слѣдовали возраженія. И первое возраженіе касалось того, что св. Тома, чтобы изяснить или выразить твореніе (идею творенія), прибѣгалъ къ тѣмъ же формуламъ, которыя проклинали, когда встрѣчали ихъ въ сочиненіяхъ Спинозы. Часто случалось, что мы заходили въ церковь Богоматери или же св. Северика, — не для того чтобы молиться, но чтобы думать въ величавой тишинѣ священнаго уединенія. Иногда мы видѣли молодого священника, проходившаго подъ безмолвными арками, и Бризь бросалъ вслѣдъ его завистливый взглядъ: «Если бы я былъ такимъ».

Мы увидали наши поиски, ища по сторонамъ свѣта и со-вѣта, которыхъ не нашли въ школѣ. Насъ не останавливали ни дурной пріемъ, ни разочарованія, ни безплодныя экскурсіи по отдаленнымъ глухимъ кварталамъ. Правду сказать, квартиру г. Жофруа мы держали прямо въ осадѣ.

Мы начали это дѣло правильно: сперва рѣшились представиться ему, надѣясь, что наше званіе воспитанниковъ Нормальной школы откроетъ намъ двери. Мы не были приняты. Жанъ былъ настойчивѣе меня и заходилъ нѣсколько разъ: все тотъ же отвѣтъ. Мы обратились къ посредничеству Дамирона. Дамиронъ, который былъ лучшимъ другомъ Жофруа, кротко отклонилъ нашу просьбу. Мы поняли, что онъ щадилъ и время, и здоровье своего друга. Мы рѣшились писать. Бризь написалъ прекрасное письмо, въ которомъ раскрылъ свое сердце; такой учитель, какъ Жофруа, не могъ не отвѣчать на подобное письмо. Онъ получилъ небольшую записку, исполненную доброжелательства; но все-таки Жофруа отказался быть нашимъ учителемъ и руководителемъ совѣсти.

Потомъ, уже бывши съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, я узналъ, что у него была болѣзненная щекотливость по вопросамъ религіи. Наши вопросы заставляли его страдать. Кромѣ того, у него не было времени. Онъ не зналъ, какого рода наши безпокойства: результатъ ли поверхностныхъ сомнѣній, или

же слѣдствіе страстныхъ умственныхъ изысканій. Онъ былъ добръ, хотя неоткровененъ. Онъ былъ весь преданъ своимъ друзьямъ, но недоступенъ для новой дружбы.

Разбитые въ этомъ пунктѣ, мы обратились къ духовенству. По вторникамъ мы стали посѣщать богословскія собранія. Бризъ упрямылся и ничего не выигралъ. Я представился г. Акаделю. Это имя вамъ, можетъ быть, неизвѣстно. Въ нѣкоторыхъ кружкахъ онъ слылъ тѣмъ, что называется въ евангеліи ловцами душъ. Онъ былъ тогда келаремъ лазаритовъ. Въ послѣдствіи онъ сдѣлался начальникомъ всего этого общества. Онъ принялъ меня хорошо и серьезно. Я говорилъ ему о Жанѣ; я рассказалъ ему нашу исторію.

Онъ начисто отказался принять Жана, — развѣ съ особеннаго разрѣшенія: онъ долженъ имѣть ручательство относительно надежности его характера; онъ такъ внезапно оставилъ семинарію, а между тѣмъ тамъ-то удобнѣе, чѣмъ въ міру, и обсудить и выяснить эти вопросы. Я же, напротивъ, доказывалъ, что другъ мой дѣйствовалъ здѣсь прямо и откровенно. Это былъ серьезный пунктъ разногласія между мною и почтеннымъ отцемъ. Что же касается меня, то онъ сказалъ, что сочтетъ за счастье принять на себя заботу о направленіи души моей и что онъ надѣется привести меня «къ вѣрѣ простыхъ душъ»; прибавилъ, что онъ не діалектикъ, не профессоръ, а всего лишь исповѣдникъ и что онъ готовъ сейчасъ же меня выслушать.

— Это не будетъ настоящею исповѣдью покаянія, поэтому о разрѣшеніи отъ грѣховъ не можетъ быть и рѣчи. Это будетъ дѣломъ случайной смиренной бесѣды.

Я пришелъ не для этого. Я сказалъ ему, что не могу рѣшиться на такой важный шагъ, который ведетъ къ соединенію, хотя я и чувствую пламенное желаніе и нѣкоторую надежду. Онъ сейчасъ же принялъ видъ врача, не желающаго насиловать довѣріе больного, и спросилъ меня, посѣщали ли я собранія аббата Лакордера.

— «Онъ завелъ ихъ для тѣхъ невѣрующихъ студентовъ, которые сожальютъ о своемъ невѣрїи,» сказалъ онъ. «Это

какъ разъ подходитъ къ вашему положенію. Сообщите мнѣ ваши впечатлѣнія и, хотя я не могу состязаться съ вами въ философіи,» прибавилъ онъ улыбаясь, «все же положитесь на мою опытность».

Тогда, въ 1832 г. Лакордеръ не имѣлъ еще славы великаго проповѣдника; онъ извѣстенъ былъ какъ другъ Ламене и его сотрудникъ въ журналѣ «L'avenir». Позднѣе, въ 1840 году, онъ возобновилъ орденъ Доминиканцевъ. Въ Ліонѣ онъ изучалъ право. Между студентами онъ отличался страстною враждою къ христіанству. Послѣ внезапнаго обращенія онъ вступилъ въ общество св. Сульпиція. Онъ получилъ санъ священника и выдавался среди ультрамонтанъ, главою которыхъ былъ Ламене. Этотъ Ламене былъ между ними философъ, Жербе — богословъ, Ку — ученый, Лакордеръ и Монталамберъ были апостолами и борцами, одинъ — какъ священникъ, другой — какъ перъ Франціи, оба — соединенные между собою любовью къ своему дѣлу и тѣсною дружбою. Тяжба такъ называемой свободной школы сдѣлала ихъ знаменитыми и любезными даже для противниковъ свободы, которую они провозглашали. Надо отдать должную честь этому времени: всякій благородный починъ встрѣчался доброжелательно. Съ противниками сражались, но любили ихъ. Отдавали справедливость врагамъ, что служить доказательствомъ высоты настроенія и силы.

Послѣ того, какъ Ламене торжественно порвалъ связь съ Римомъ, Лакордеръ прекратилъ дружбу съ нимъ. Когда Ламене, издававши «Paroles d'un croyant», началъ свою проповѣдь, Лакордеръ началъ свою проповѣдь христіанства въ собраніяхъ училища Станислава.

Училище это стояло тамъ же, гдѣ и теперь, но тогда оно не имѣло того значенія, какое приобрѣло въ послѣдніе годы. Это была въ своемъ родѣ семинарія или церковный пансіонъ, по учебному курсу ниже другихъ парижскихъ училищъ; но заведеніе это внушало христіанскимъ семействамъ больше другихъ довѣрія къ себѣ. Я преподавалъ здѣсь философію, всего нѣсколько недѣль, въ 1839 году. Часовня, въ которой Лакордеръ велъ свои бесѣды, вмѣщала не больше 400

человѣкъ. Пускали только молодыхъ людей. Въ назначенный часъ всѣ мѣста были заняты. Сидѣли, гдѣ могли; многіе стояли. Были горячіе приверженцы и противники. Всѣ были грустны и почтительны. Никому не приходило въ голову смотрѣть на это собраніе какъ на развлеченіе. Лакордеръ входилъ къ намъ маленькою дверью подлѣ ризницы, никѣмъ не сопровождаемый и не извѣщая о себѣ. Онъ былъ очень худъ; выразительная осанка, блестящіе глаза, выраженіе энергіи и сосредоточенности. Въ своемъ черномъ подрясникѣ онъ могъ быть принятъ за кого-нибудь изъ насъ. Стихаря не надѣвалъ. Онъ склонялъ колѣни предъ распятіемъ и, такъ постоявши, черезъ нѣсколько минутъ входилъ на кафедру. Говорилъ безъ подготовки. Вѣра говорила въ немъ. И юность говорила. Его мысли, чувства, страсти и самыя предразсудки были и нашими, только у него они управлялись вѣрою и любовію къ Богу. Его мысль прямо соотвѣтствовала мысли каждаго изъ насъ, однихъ — возмущая, въ другихъ возбуждая безграничную, пламенную любовь. Все говоренное относилось къ дѣлу. Никакихъ околичностей. Когда онъ оставлялъ кафедру, всѣ спѣшили выйти, и тутъ уже начинались разсужденія, горячія, страстныя. Въ аудиторіи господствовали одушевленное вниманіе и преданность. Въ первый разъ какъ я увидѣлъ его, то сказалъ Бризу, возвращаясь въ Нормальную школу: «Онъ будетъ монахомъ». Каждое воскресенье мы приводили множество новыхъ товарищей. Вообще они относились отрицательно. Эмиль Сене выразилъ свое недовольство очень рѣзко: «Ораторскіе приемы, блески остроумія и за всѣмъ этимъ — совершенная пустота». Такая оцѣнка меня возмущала. Я былъ все время растроганъ, иногда—какъ бы преображенъ. Бризъ былъ сдержанъ и сосредоточенъ. Онъ посѣщалъ вмѣстѣ со мною каждое собраніе и первый предложилъ, чтобы намъ вмѣстѣ посѣтить проповѣдника.

Чтобы видѣть его, нужно было далеко итти и прибѣгнуть къ покровительству. Онъ насъ очаровалъ. Онъ отвергъ наши заблужденія, но намъ позволилъ бывать у него. Мы заходили къ нему безъ особеннаго желанія возоб-

новлять разговоръ. Я былъ въ числѣ тѣхъ студентовъ, которые ходили къ Парижскому архіепископу просить его о переводѣ собраній изъ часовни Станислава въ храмъ Богоматери. Я пожалѣлъ потомъ, когда это уладилось. Въ церкви Богоматери я увидѣлъ великаго проповѣдника, но уже не было тамъ нашего учителя. Въ это время мы духовно какъ бы возвратились къ самимъ себѣ и перестали искать поддержки и руководства внѣ насъ. Школьные занятія, какъ и всегда бываетъ это къ концу года, съ приближеніемъ экзаменовъ поглотили все наше время. Я стоялъ теперь во главѣ моего отдѣленія и надѣялся перейти въ философію; надо было сдѣлать послѣднія серьезныя усилія. Я больше любилъ исторію, но недостатокъ первоначальной подготовки мѣшалъ спеціальнымъ по ней занятіямъ. Но метафизикой я занимался больше, чѣмъ надо, и далъ себѣ слово заняться потомъ вопросами общественнаго и государственнаго содержанія. Я никогда не имѣлъ сомнѣній по главнѣйшимъ вопросамъ естественной религіи и потому теперь, съ спокойною совѣстью, могъ заняться работою въ этой области. Я съ такимъ жаромъ изучалъ Платона и Аристотеля, что сдѣлался черезъ это близокъ Кузену.

У него не было любимцевъ, но были приближенные. Я полагаю, что у него была потребность вслухъ думать, а для этого нуженъ былъ слушатель. Слушатель умный лучше глупаго; но если не было умнаго, онъ довольствовался какимъ-нибудь. Бризь былъ его слушателемъ въ 1335 году, а я въ слѣдующемъ году.

Сначала для Бриза все шло прекрасно. Кузенъ видѣлъ, что его совершенно понимаютъ и былъ очень радъ. Онъ любилъ таланты и двигалъ ихъ, пока они ему не внушали опасеній. Между нимъ и Бризомъ бывали размолвки. Однажды Кузенъ сталъ хвалить Талейрана и сказалъ: «Я бы хотѣлъ сказать ему панегирикъ отъ имени академіи». Вышелъ довольно оживленный споръ, за который потомъ Бризь упрекалъ себя. «Но какъ же быть, когда этотъ Талейрамъ всю свою жизнь лгалъ и измѣнялъ!»

Подобныя сцены бывали нерѣдко. Однажды Кузень сталъ говорить ему о томъ, какъ онъ долженъ держать себя въ будущемъ году съ священникомъ и епископомъ. Тогда Бризъ вышелъ изъ границъ, говоря: «Я не сдѣлаю этого! Я не сдѣлаю этого! Я не скажу этого!»

— Какъ, сударь, развѣ я въ моемъ полку не хозяинъ?

— У меня нѣтъ и не будетъ другого хозяина, кромѣ совѣсти.

— Кто же думаетъ оскорблять вашу совѣсть? Я говорю только о правилахъ поведенія, благоразумнаго, сообразнаго съ видами министерства, выгодами государства. И я думаю, что вы имъ послѣдуете.

— «Я употреблялъ всѣ усилія, чтобы воспринять откровенную вѣру», говорилъ Бризъ. «Но я былъ смущенъ изслѣдованіемъ текста и ученія. Я не долженъ, не хочу и не могу притворяться. Надо, чтобы отецъ зналъ, кому онъ ввѣряетъ свое дитя». (Предполагалось назначить его преподавателемъ).

— Милостивый государь! Отецъ ввѣряетъ свое дитя государству. Онъ ввѣряетъ его мнѣ, вашему начальнику.

Этотъ разговоръ, который Бризъ передалъ мнѣ слово въ слово, былъ наканунѣ выпуска.

— А знаете ли, сказалъ Кузень: вѣдь я имѣю право вычеркнуть васъ изъ списка кандидатовъ!

Я полагаю, что онъ этого не сдѣлалъ, но помѣстилъ Бриза въ концѣ списка, такъ что тотъ не получилъ мѣста. Онъ серьезно заболѣлъ и впалъ въ крайнюю нужду. Кузень посѣщалъ его, помогалъ ему и по выздоровленіи предложилъ ему мѣсто лучшее, чѣмъ ему позволялъ его образовательный цензъ. Но Бризъ отказался, тщетно надѣясь найти работу въ журналахъ. Потерѣвъ окончательную неудачу и умирая съ голоду, онъ принялъ должность преподавателя въ институтѣ Жофре. Теперь онъ знаменитъ и обезпеченъ.

Возвращаясь вмѣстѣ изъ одного засѣданія, я говорю ему какъ-то: «А помнишь ты наши путешествія, чтобы найти руководителя?»

— Охъ, сказалъ онъ: «Еслибы я нашелъ его теперь, онъ былъ бы кстати и впору.»

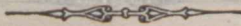
Руководитель! Счастливы люди, счастливы народы, которые обрѣли его».

Этими грустными словами оканчивается очеркъ Ж. Симона, характеризующій Жана Бриза. Потому особенно грустны эти слова, что въ нихъ выражается очень распространенное заблужденіе: предполагается возможнымъ для людей и народовъ найти иного истиннаго вождя въ жизни, кромѣ Христа Спасителя. Такое заблужденіе тѣмъ поразительнѣе, чѣмъ болѣе подверженный ему знакомъ съ философіей. Наблюденія въ области духовной жизни народовъ должны имѣть особенную убѣдительную силу для образованнаго француза, котораго умъ дисциплинированъ по системѣ ихъ національной, такъ называемой положительной философіи: духъ народовъ обнаруживаетъ склонность къ христіанству по преимуществу; культъ христіанскій не уменьшается, но возрастаетъ въ челоѣчествѣ; на убыль не пошло нигдѣ исповѣданіе І. Христа. Слѣдовательно, эта склонность есть одно изъ свойствъ коренныхъ природы челоѣческой. Далѣе: «крестъ сомнѣній», какъ и всякій крестъ другой, очень многіе несли до Жана Бриза и, судя по свойствамъ пытливаго челоѣческаго ума, будутъ нести и послѣ него; и тяжесть этой ноши облегчалась и теперь облегчается только І. Христомъ при посредствѣ церкви и никѣмъ больше. Задача для каждаго въ томъ, чтобы, оставаясь на своемъ мѣстѣ, въ своихъ природныхъ условіяхъ, границахъ, умѣть нести свой крестъ, — крестъ личный, иногда — и народный, иногда — и тяжкій крестъ сомнѣній. Попущеніемъ Господнимъ духъ нашъ очищается иногда сомнѣніями. Съ ними связаны бывають недоразумѣнія, временныя несогласія между христіаниномъ и ученіемъ церкви. Самый лучшій сынъ бываетъ не доволенъ временно руководствомъ своей матери, — можетъ быть лучшей изъ матерей; но все же онъ къ ней возвращается. Что удивительнаго, если у мыслящаго христіа-

нина возникаетъ иногда подобное же временное несогласіе съ матерью — церковью; но онъ долженъ когда-нибудь понять, что индивидуальный разумъ есть только часть разума вселенскаго, разума церкви, — что для него нѣтъ иного убѣжища, кромѣ церкви, нѣтъ иного вождя, кромѣ Христа Спасителя.

Еще можетъ возникнуть такой вопросъ: какой существенный интересъ для русскаго читателя — педагога представляетъ предлагаемая здѣсь исторія заблужденій двухъ французскихъ студентовъ въ тридцатыхъ годахъ, при тогдашней учебной и воспитательной обстановкѣ? Можетъ быть скажутъ, что это старая французская пѣсня, малоинтересная въ 1895 году для образованныхъ русскихъ людей. Появившіеся въ одномъ изъ русскихъ журналовъ отрывки изъ переписки покойнаго Одесскаго архіепископа Никанора свидѣтельствуютъ, что подобныя сомнѣнія не чужды нашимъ соотечественникамъ теперь. На вопросъ своего корреспондента, (преподавателя въ среднемъ учебн. заведеніи), какъ избавиться отъ огорчающихъ его сомнѣній по предметамъ изъ области вѣры, почившій святитель отвѣчалъ, что для нѣкоторыхъ мыслящихъ людей не-возможно вполнѣ избавиться отъ сомнѣній, что борьба съ ними есть родъ христіанскаго подвига — согласовать ежедневно съ добрымъ и благочестивымъ настроеніемъ вѣрующаго человека тѣ впечатлѣнія и мысли, которыя возбуждаются движеніемъ, ростомъ науки. Прибавимъ отъ себя. Молитва: «Утверди мя, Господи, на камени вѣры», мысленно произносимая во храмѣ во время пѣнія клиромъ символа вѣры, показываетъ необходимость для христіанина постоянной внутренней работы, чтобы обновлять и укрѣплять въ себѣ живую искреннюю вѣру и дѣйственную молитву.

Для русскаго читателя только что рассказанная исторія есть одинъ изъ случаевъ, доказывающій еще разъ тщетность надеждъ на философское образованіе и на помощь великихъ человѣческихъ умовъ въ качествѣ руководителей въ дѣлѣ вѣры.

„Gaudeamus“ проф. дух. ак. Д. Подгурскаго.

На другой день празднованія юбилея Киевской Духовной Академіи, 30 сентября 1869 года, во время обѣда, Д. А. Подгурскій, заслуженный проф. Академіи, прочелъ написанное имъ латинское стихотвореніе, въ родѣ подражанія извѣстной университетской кантатѣ:

Gaudeamus, olim qui
Juvenes eramus!
Senium nos tetigit,
Sed nequaquam domuit:
Ergo gaudeamus!

Vivat Academia!
Vivant professores!
Et qui coetaneis,
Nobis juncti studiis
Restant auditores!

Omnis vita est brevis,
Nostra plus quam brevis,
Nimium velocibus
Inopina passibus
Mors adest grandaevis.

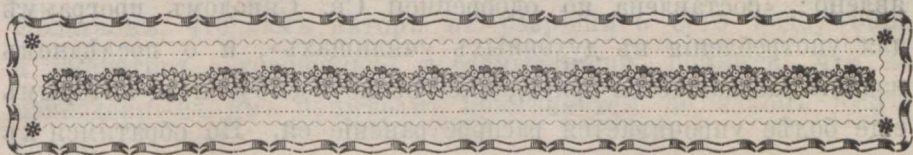
Ubi sunt, qui juxta nos
Quondam fluere?
Aegra trahunt corpora,
Aut naturae debita
Ante nos solvere.

Soli Deo gloria!
Nos hucusque stamus.
Senium nos tetigit,
Sed nequaquam domuit:
Ergo gaudeamus?

(Возрадуемся, мы, бывшіе нѣкогда юношами! Старость коснулась насъ, но еще не покорила. Итакъ, возрадуемся! Да здравствуетъ Академія! Да здравствуютъ профессоры! И тѣ, которые прежде были намъ сверстниками по ученію, а теперь насъ слушаютъ. Всякая жизнь коротка, а наша тѣмъ болѣе; слишкомъ быстрыми шагами нежданная смерть подходитъ къ старикамъ. Гдѣ тѣ, которые нѣкогда цвѣли подлѣ насъ? Они влачатъ немощное тѣло или прежде насъ заплатили долгъ свой природѣ. Богу единому слава! Мы еще стоимъ! Старость коснулась насъ, но не покорила. Итакъ, возрадуемся).

«Душев. Чт.» 1895. 10.

Критика.

Краткая церковно-славянская грамматика С. Миропольскаго.

Издание 7-е. 1892 г.

В. Я., Ревель.

Въ № 18 «Церковныхъ Вѣдомостей» за текущій годъ на страницѣ объявленій читаемъ слѣдующее оповѣщеніе: «поступила въ продажу Краткая церковно-славянская грамматика С. Миропольскаго. Изданіе 7-е. 1892 г. Одобрена для духовныхъ училищъ, для двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ и для учителей». Книжка эта извѣстна была мнѣ во второмъ изданіи, вышедшемъ въ 1877-мъ году, и признаюсь, не мало подивился я столь большому спросу на нее, такъ какъ она была не свободна отъ многихъ серьезныхъ недостатковъ. Тѣмъ съ большимъ любопытствомъ я заглянулъ въ 7-е изданіе ея, — 5 изданій въ 5 лѣтъ дѣло большое, — и съ меньшимъ изумленіемъ узрѣлъ тѣ же бьющія въ глаза недостатки, свидѣтельствующіе, что хотя авторъ и пользовался трудами другихъ, особенно извѣстною грамматикою Классовскаго, но не сумѣлъ приготовить легкой и удобоваримой пищи для начинающихъ, а напротивъ состряпалъ нѣчто тягостное, удручающее, ошеломляющее. Главное отличіе сего послѣдняго изданія книжки отъ второго состоитъ лишь въ томъ, что во 2-мъ изданіе по заглавному листѣ было за-

явлено: «составлена по одобренной Св. Синодомъ программѣ для употребленія въ духовныхъ училищахъ», и о послѣднемъ изданіи разглашается приведенное выше одобреніе, которымъ еще болѣе упрочивается распространеніе ея. Но обратимся къ самой грамматикѣ въ 7-мъ изданіи ея.

На первыхъ 6 страницахъ излагается «приготовительный курсъ»; въ немъ содержится церковно-славянская азбука, правила о чтеніи, произношеніе буквъ, перечисленіе словъ подъ титлами, свѣдѣнія о придыханіяхъ и удареніяхъ и числительное (лучше — числовое) значеніе буквъ. Кого и къ чему готовить почтенный авторъ? Умѣющій читать по-русски весьма скоро научится читать и по-славянски, такъ какъ буквы почти тѣже, а особенностей въ произношеніи — никакихъ. Перечисленіе титлованныхъ словъ и числовое значеніе славянскихъ буквъ нужны для справокъ, и мы не думаемъ, чтобы авторъ на первыхъ же урокахъ требовалъ заучиванія всего этого наизусть. Что касается приведенныхъ «правилъ чтенія», то удовлетворительное выполненіе ихъ требуетъ времени и долгаго упражненія, а посему они относятся скорѣе къ послѣдующимъ годамъ обученія. И такъ для «Приготовительнаго курса» ничего не остается, и мы имѣемъ громкое названіе безъ содержанія.

Перейдемъ къ курсу систематическому. Такъ какъ учащіеся приступаютъ къ славянской грамматикѣ уже ознакомившись предварительно со звуками и раздѣленіемъ ихъ по степени гласности и по органамъ произношенія на урокахъ русскаго языка, то представляется излишнимъ повторять тоже самое и въ славянскомъ учебникѣ. (1—2.)

Содержащіяся въ § 3-мъ «общія понятія объ измѣненіи звуковъ въ словообразованіи» не точны, запутанны и даже невѣрны.

а) По словамъ автора, «звуки церковно-славянскаго языка въ словообразованіи измѣняются по требованію благозвучія.» И учащіеся въ недоумѣніи, чѣмъ же благозвучнѣе слова: тварь, истокъ, трусь, чѣмъ творити, теку, трясти, отъ которыхъ, по мнѣнію автора, они произошли?

Полагаемъ, что самъ авторъ не разрѣшить сего недоумѣнія, а напротивъ, хорошенько поразмысливши, пойметъ, что къ приведеннымъ имъ примѣрамъ примѣняется не законъ благозвучія.

б) Примѣры усиленія и смягченія гласныхъ набросаны случайно и безпорядочно, и по нимъ вовсе нельзя составить понятія объ усиленіи и ослабленіи, для чего слѣдовало бы представить звуки въ восходящемъ и нисходящемъ порядкѣ. Авторъ смѣшиваетъ твердые гласные съ сильными, мягкіе со слабыми, и поучаетъ, будто звукъ *е* сильнѣе звуковъ *и* и *ь*.

в) Въ рядъ измѣненій гласныхъ зв. почему-то вставлено выпаденіе согласнаго зв.: палъ, вм. падлъ. Эта небрежность, содержащаяся еще во 2-мъ изд., красуется и въ 7-мъ. При семъ относительно палъ вм. падлъ считаемъ долгомъ разъяснить почтенному автору, что форма сіа относится не къ падати, какъ помѣчено имъ въ книжкѣ, а къ пасти; отъ падати же образуется форма падалъ, подобно какъ отъ просвѣща-ти просвѣщаль стр. 49, хотя и на сей страницѣ — опять та же ошибка.

г) Совершенно непонятно, какіе это «долгіе или составные звуки», упоминаемые въ пунктѣ д) разложеніе, о которыхъ вовсе не говорилось раньше. Изъ приведенныхъ примѣровъ имя, я-ти видно, что авторъ завелъ рѣчь о носовыхъ звукахъ; но развѣ носовые звуки суть вмѣстѣ и долгіе и составные? Долготы, какъ извѣстно, нѣтъ въ церковно-славянскомъ языкѣ, какъ и въ русскомъ, а къ составнымъ могутъ быть причислены также іотированные гласные.

д) Особенно несостоятельны свѣдѣнія о смягченіи гортанныхъ. По грамматикѣ, звуки *г*, *к*, *х* смягчаются передъ *и* въ свистящія *з*, *ц*, *с*. Но примѣры: друж—ити, возвелич—ити и велич—ити, душ—ити свидѣлствуютъ, что передъ *и* могутъ стоять и шипящія *ж*, *ч*, *ш*. Значитъ, правило несостоятельно. Сверхъ сего, авторъ по чему-то умолчалъ объ измѣненіи гортанныхъ въ свистящіе передъ зв. *ь* въ падежныхъ формахъ, вслѣдствіе чего ученикамъ придется машинально заучивать формы: пророцѣ, пророцѣхъ

если наставникъ не дерзнетъ исправить сію оплошность въ одобренномъ учебникѣ.

Въ раздѣленіи склоненій (стр. 13) авторъ нашъ крайне своеобразенъ. Вѣроятно, держась принципа, что муж. полъ имѣеть предпочтеніе передъ женскимъ, онъ предоставляетъ 1-е скл., какъ бы 1-е мѣсто, именамъ мужскаго рода. Ко 2-му скл. относятся у него имена средняго рода (на *o, e*), хотя во всѣхъ лучшихъ грамматикахъ этотъ разрядъ именъ сливается съ предыдущимъ въ одно склоненіе. Не уступаетъ нашъ авторъ именамъ женск. рода и 3-го мѣста, а предоставляетъ сію честь именамъ сред. рода на *a, o, я* съ наращеніями (?) въ косвенныхъ падежахъ, и уже на послѣдніа мѣста, 5 и 6-е, сажаетъ имена женскаго рода. Мы не станемъ говорить о незаслуженномъ невниманіи нашего автора къ именамъ женск. рода, которыя, по свойственной женскому полу консервативности, сохранили въ себѣ древнюю интенсивность звука, вслѣдствіе чего подверглись меньшимъ измѣненіямъ, чѣмъ имена муж. рода, и даже впослѣдствіи склонили ихъ въ свою сторону (въ образованіи множ. числа). На семь-то основаніи нѣкоторые грамматисты предоставляютъ именамъ женск. рода въ ряду склоненій 1-е мѣсто. *De gustibus non est disputandum*. Но мы считаемъ долгомъ опять выяснитъ почтенному автору, что причисляемая имъ къ 3-му скл. имена на *a, o, я* съ согласной основою (наращеніе — слово не научное) представляютъ собою остатокъ давней старины и по отношенію къ господствующимъ правиламъ въ склоненіи составляютъ группу исключеній, а потому должны быть рассмотрѣны по обзорѣ всѣхъ склоненій. Вообще мы посовѣтовали бы почтенному автору ознакомиться съ «Очеркомъ сравнительнаго ученія о звукахъ и формахъ др. цер. слав. яз.» Н. Некрасова, который авторитетомъ своимъ подкрѣпляетъ установившееся и принятое въ славянскихъ и русскихъ грамматикахъ дѣленіе существительныхъ на 4 склон.

Обращаемся къ склоненіямъ въ частности. 1-е скл. прим. 8. «Имена, оканчивающіяся на *нь*, имѣють род. ед. на не *вм. ня*: день — дне». По сему правилу выходитъ: отъ конь — кне,

отъ пепь — пие! Но авторъ нашъ въ примѣч. 9 вновь принимается за день и даетъ полное склоненіе сего слова, откуда явствуетъ, что оно принадлежитъ совсѣмъ къ другой группѣ словъ (по его счету къ 5-му скл.), къ каковой и причисляется оно въ другихъ грамматикахъ. Далѣе, къ формамъ отъ слова братіе, множ. ч., авторъ причисляетъ также и формы: братіею, братіи, какъ будто и эти послѣднія образовались по множ. числу!

II-е скл. прим. 2. «Употребляемыя во множ. ч. врата, чресла и пр. склоняются по примѣру чада». Но въ числѣ образцовъ слово чада не обрѣтается; оно содержится во 2-мъ изд. сего учебника, о чемъ забылъ самъ авторъ. Съ подобными образцами безопасности автора мы встрѣтимся еще не разъ.

III-е скл. прим. 1-е. «Косвенные падежи и прямые дв. и множ.» (а косвенные единственнаго?) «производятся отъ род-го, имѣющаго наращеніе и составляющаго основу склоненія». Невѣрно. Род-ный ед. не составляетъ основы, а въ немъ содержится основа и падежное окончаніе, которое измѣняется, смотря по падежу. — Перечисленіе окончаній: ча, тя, ля, ня, бя; бо, во, ко, хо, ло, мя грубо — механично, рассчитано на зубреніе и можетъ возбудить негодование въ учащихся. Отчего бы автору не перечислить относящихся сюда существительныхъ; ихъ не такъ много, а на нѣкоторые изъ приведенныхъ слоговъ имѣется лишь по одному слову: око, ухо, тѣло.

IV-е скл. прим. 1-е. Въ первый разъ приводятся примѣры смягченія гортанныхъ передъ *н* въ свистящіе: нозѣ, руцѣ и т. д., при чемъ дѣлается ссылка на § 3-й; но въ семъ § вовсе не говорится о смягченіи передъ *н*, а только передъ *и*; и слѣдуя сему послѣднему указанію учащійся будетъ склонять слова нога такъ: род. нози.. им. вин. и зв. множ. нози!

V-е скл. Представленныя въ образецъ сего склоненія слова: церковь и часть принадлежатъ къ разнымъ порядкамъ, чѣмъ и обуславливается несходство въ нихъ падежей

род. ед., дат., тв. и предл. мн. Если форма *церкы* не встрѣчается въ новомъ церк. слав. языкѣ, то симъ не устраняется принадлежность сего слова къ группѣ словъ съ основой на согласный зв. При семъ вновь считаемъ нужнымъ разъяснить уважаемому автору, что формы *матерь* и *дщерь* суть винит. пад. отъ имен-го *мати* и *дщи*, въ чемъ онъ можетъ убѣдиться хотя бы по извѣстному лексикону Гильдебранда, и что, повидимому, доселѣ неизвѣстно ему, такъ какъ онъ учитъ въ своей грамматикѣ, будто «*мати* и *матерь*» есть двойное окончаніе одной и той же формы.

Оставляя въ сторонѣ неясныя и запутанныя опредѣленія прилагательныхъ неопредѣленныхъ и опредѣлительныхъ, (проще называемыхъ краткими и полными) остановимся нѣсколько на измѣненіи прилагательныхъ.

Въ замѣткѣ къ склоненію слова *синь* (стр. 23) сказано: «оканчивающіяся на *чь*, *шъ*, *щъ* вмѣсто *я* имѣютъ *а*: *пища*.» А *ю* остается неизмѣннымъ, и дат. будетъ: *пищу*, *тощю*?!

Въ примѣч. 1-мъ къ склоненію слова *горній* (стр. 24) читаемъ: «Въ прилагательныхъ на *ий* съ шипящими зв. въ основахъ, *я*, *ю* и *ю* въ окончаніяхъ замѣняются *а*, *у*, *и*; напр.: *нищій* — *нищаго* (а не *яго*), *нищую* (а не *юю*)». Но вѣдь *юю* составляютъ окончаніе, и, слѣд., по сему прекрасному правилу должно быть: *нищуу*!

Прим. 3. Въ числѣ прилагательныхъ несклоняемыхъ ошибочно помѣщено *сугубъ*, которое измѣняется по родамъ и падежамъ.

§ 11. Степени сравненія прилагательныхъ. «Иногда въ сравн. степени на *йшій* окончаніе муж. р. *шій* и ср. шее опускается, образуется сокращенная форма сей степени: *честнѣй*, *честнѣйши*, *честнѣе*. По сему объясненію, женскій родъ долженъ остаться неизмѣннымъ: *честнѣйша*, а не *честнѣйши*. Авторъ, очевидно, забылъ, что краткая форма предшествуетъ полной, а не наоборотъ. — «Сравнит. степень: *святѣй*, *святѣйши*, *святѣе* склоняются по образцу именъ существ—хъ съ основами на шипящіе (*мечь*,

душа, ложе». Но образцовъ этихъ нѣтъ ни въ 7-мъ, ни во 2-мъ изданіи сего учебника. А если бы и находились они, то все же любопытно, какъ ученикъ сталъ бы составлять падежныя формы для муж. и средн. рода: род. меч—а, лож—а, слѣд.: святѣ—а? дат.: меч—у, лож—у, а потому — святѣ—у?

Мѣстоимѣнія, стр. 32. Послѣ склоненія оный замѣчено: «такъ же склоняются: мой, твой, свой, нашъ, вашъ». Вовсе не такъ; слѣдуя автору мы получимъ формы: мо—аго, мо—ыя, тво—ому и т. д.

§ 18. Въ основаніе для различенія видовъ глагола авторъ принимаетъ какую-то «опредѣленную продолжаемость», которая будто выражается видомъ совершеннымъ. Интересно знать, какими моментами авторъ точнѣе обозначить сію опредѣленную продолжаемость относительно приведеннаго имъ примѣра сѣсти и образующихся отъ него формъ: сяду, сѣлъ? Не лучше ли держаться общепринятаго и совершенно яснаго понятія «законченность дѣйствія»? — «Виды глаголовъ», по словамъ автора, образуются чрезъ усиленіе и ослабленіе (нераздѣльно и то и другое?) звуковъ глагольной темы и посредствомъ приставокъ, напр.: поити — напояти, родити — раждати, оставити — оставляти». Чѣмъ же именно выражается въ сихъ словахъ усиленіе и ослабленіе? На стр. 8-й, гдѣ приведены образцы усиленія и ослабленія гласныхъ, не сказано ни слова объ отношеніи звука *и* къ звукамъ *а* и *я*. Или, быть можетъ, авторъ согласится, что въ приведенныхъ имъ примѣрахъ — одно лишь усиленіе, соотвѣтственно большей, такъ сказать, интенсивности представленія въ словахъ: напаяти, рождати, оставляти?

Стр. 38. Рѣчь о тематическомъ *е*, явномъ и скрытномъ, на которомъ основывается дѣленіе глаголовъ на два спряженія, представляетъ нѣкоторый прогрессъ въ филологическихъ знаніяхъ почтеннаго автора сравнительно съ неумѣлымъ расчлененіемъ глаголовъ, допущеннымъ имъ во 2-мъ изд. сей книжки (отр. 46); но все же слова: тематическое явное

и скрытное *е* непонятны и преждевременны для начинающих; кажется, лучше было бы ограничиться указаніемъ на полное сходство въ семъ отношеніи славянскаго глагола съ русскимъ.

Спряженіе глагола, этой важнѣйшей части рѣчи, которую славянскій яз. наиболѣе отличается отъ русскаго, изложено въ разсматриваемой книженкѣ запутанно, не вразумительно и во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительно, съ немалымъ количествомъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о недостаточныхъ познаніяхъ самого автора въ предметѣ, по которому вышелъ изъ его рукъ столь быстро распространяющійся учебникъ.

1) Авторъ не ясно представляетъ себѣ различіе видовъ глагола, вслѣдствіе чего форма повелю оторвана отъ повелѣти и приставлена къ повелѣвати, какъ принадлежащее сему глаголу будущее простое. — Но особенно курьезно, что отъ повелѣвати образуется аористъ повелѣванъ, совершенно сходный съ преходящимъ, за исключеніемъ 3 лиц. ед. и мн. Мы попросили бы автора найти въ какой-либо другой книгѣ, кромѣ своей, формы: повелѣва, повелѣваша, разумѣва, разумѣваша. Поймите, г. Миропольскій, что «повелѣть» выражаетъ одно представленіе о дѣйстви, а «повелѣвати» другое о томъ же дѣйстви; этотъ особый отѣнокъ значенія удерживается во всѣхъ формахъ, происходящихъ отъ того и другого глагола; вѣдь, не напрасно же въ языкѣ существуютъ видовыя отличія, и особенно въ глаголахъ такого образованія, какъ разумѣти — разумѣвати, спросити — вопрошати, отвѣщати — отвѣщавати и т. д.

2. По какимъ соображеніямъ различаются: въ спряженіи глаг. быти будущее описательное (стр. 39), а въ спряженіи повелѣвати — будущее сложное 1-е и 2-е (стр. 42—43)? Чтобы не путать учениковъ, слѣдуетъ держаться одного какого-либо наименованія, не смотря на тотъ или иной вспомогательный глаголь.

3. Зачѣмъ придумано особое наклоненіе, желательное,

какового не существуетъ ни въ одномъ изъ болѣе солидныхъ учебниковъ по славянскому языку, какъ не встрѣчается оно и въ русскихъ грамматикахъ, — по той простой причинѣ, что въ языкѣ нѣтъ особыхъ формъ для его образованія? Приставка частицы *да* не можетъ считаться особой грамматической формой.

4. Вообще не можетъ не казаться странною и не смущать учениковъ масса подобранныхъ г. Миропольскимъ временныхъ формъ, — ихъ въ изъявит. накл. отъ 8 до 12, и въ условномъ 3 до 6, — особенно въ сравненіи съ простотою спряженія русскаго глагола. Почтенный авторъ нашъ, при составленіи своего элементарнаго учебника, не только не позаботился сблизить, въ цѣляхъ педагогическихъ, славянскій глаголь съ русскимъ, но какъ бы поставилъ особою для себя задачею больше разъединить, ихъ собравъ въ книжку свою всѣ формы, какія имѣются въ существующихъ грамматикахъ церк.-слав. языка (вѣроятно для полноты), и даже присочинивъ кое-что отъ себя (для оригинальности). Къ области вымысловъ автора отнесется, сверхъ вышеупомянутаго, три времени въ условномъ накл. Во 2-мъ изд. грамматики (стр. 52—53) различались въ условномъ: наст., прош. и буд.; въ послѣднемъ изданіи бывшее настоящее преобразовалось въ прошедшее 1-е, прошедшее заняло 2-е мѣсто, а будущее осталось въ прежнемъ чинѣ. Другія грамматики надѣляютъ условное двумя временами; но надежнѣйшій авторитетъ въ сей области, Н. П. Некрасовъ, принимаетъ только одну форму условнаго накл., низведенную нашимъ авторомъ съ 1-го мѣста, именно, причастіе на *лѣ* съ аористомъ *быхъ*. И просто, и ясно. — Что касается упрощенія въ изложеніи сложныхъ прошедшихъ формъ, то нельзя не согласиться съ грамматикою г. Смирновскаго, который называетъ ихъ описательными и отличаетъ одно отъ другого только цифрами 1-е и 2-е. Въ самомъ дѣлѣ, различіе въ значеніи между ними крайне незначительно; названіе «давно-прошедшее вр.» совершенно неприменимо къ русскому глаголу, а потому и относительно славянской формы оно остается лишь

простой мѣткой, въ родѣ цифры. Нельзя оставить безъ вниманія также и того, что оконченность дѣйствія, выражаемая временами, такъ называемыми прош.-совершеннымъ и давно прошедшимъ, находится во внутреннемъ противорѣчїи съ длительностью или продолжительностью дѣйствія, каковая обозначается несовершеннымъ видомъ, а потому и упомянутыя названія едва ли приличествуютъ сложнымъ прошедшимъ формамъ вида несовершеннаго. Впрочемъ, формы эти такъ рѣдко встрѣчаются въ церковныхъ книгахъ, что ихъ можно бы и вовсе не принимать въ расчетъ при составленїи, примѣрно, такого правила: «сложныя прошедшя времена употребляются преимущественно отъ глаголовъ вида совершеннаго (однократнаго); при подобномъ же замѣчанїи, на сколько облегчится славянское спряженіе!

А вотъ и нѣсколько правилъ относительно образованія глагольныхъ формъ.

На стр. 45 авторъ вѣщаетъ: «преходящее вр. производится отъ основы неопредѣленнаго прибавленїемъ къ ней *x* непосредственно, если основа на гласную: просвѣщанти — просвѣща — хъ». Но хот — яхъ отъ хотѣ — ти, мол — яхъ отъ моли — ти не подходятъ подъ приведенное правило и требуютъ его передѣлки. Сверхъ сего, считая въ формѣ нес — я — хъ двухъ *я* за соединительный, авторъ объявляетъ ученому міру новый, доселѣ неизвѣстный ему, соединительный гласный, проще же говоря, самъ заявляетъ о своемъ невѣжествѣ. Во 2-мъ изданїи сей книжонки замѣтка объ образованїи переходящаго вр. была также изъ рукъ вонъ плоха (стр. 55); но почтенный авторъ еще не дошелъ до упомянутаго открытїя; впрочемъ и здѣсь, на стр. 46, содержится не менѣе странное заявленїе, въ которомъ авторъ гласные *a* и *ъ* предъ *ти* (окончаніе неопр. накл.) въ нѣкоторыхъ глаголахъ считаетъ бѣглыми гласными, но отъ сего заявленїя въ 7-мъ изданїи отказался.

Стр. 46. «Будущее простое спрягается какъ настоящее изъяв., съ которымъ оно сходно по формѣ, иногда только съ приставкою слитнаго предлога». Какой смыслъ

въ подчеркнутыхъ нами словахъ? Тотъ ли, что будущее это «иногда спрягается съ приставкою», а иногда, значить, и не спрягается съ нею, и въ семь случаѣ что дѣлается съ приставкою? Или подчеркнутыя слова относятся къ непосредственно предшествующимъ, такъ что «будущее отличается отъ настоящаго иногда только приставкою» (а большею частью съ нимъ совпадаетъ?) Какъ ни связывай слова, а толку въ нихъ нѣтъ.

Стр. 44. Въ образцахъ причастій, рядомъ съ формою повелѣвая поставлено — ющъ, т. е. повелѣвающъ, какъ параллельная ей форма имен. ед. Но повелѣвающъ, какъ и прочія аналогичныя ей формы на ущъ, ащъ, ящъ, есть собственно винит. п. един. муж., а потомъ стоитъ не на мѣстѣ.

Стр. 45. Авторъ щеголяетъ заимствованнымъ у Н. П. Некрасова свѣдѣніемъ о суффиксѣ неопред. накл. ти, и совершенно не кстати для элементарнаго учебника.

Фонетики (для учителя?) мы уже не станемъ касаться, такъ какъ въ ней что ни слово, то недоразумѣніе, а часто и ошибка; но считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о славянскомъ синтаксисѣ. Всѣ остальные изъ употребляющихся въ школѣ славянскихъ учебниковъ занимаются преимущественно этимологіей, а синтаксиса или вовсе не касаются, или ограничиваются весьма немногими и рѣзко отличающимися отъ русскаго словосочиненія правилами. Г. Миропольскій восхотѣлъ предъявить «систематическій курсъ славянскаго синтаксиса», кратко повторяя въ немъ общія понятія о составѣ простаго предложенія, о сложномъ предложеніи и ставя родомъ сходное въ обоихъ языкахъ и не сходное. Оказалось сходнаго — преобладающее большинство, несходнаго — весьма немногаго; для ученика гораздо легче и полезнѣе самому припомнить правило русскаго синтаксиса — при встрѣчѣ съ подходящимъ къ нему явленіемъ въ славянской рѣчи, чѣмъ читать и учить запутанное изложеніе г. Миропольскаго объ извѣстномъ уже ему изъ русской грамматики. Не останавливаясь на странномъ различіи въ предложеніи

содержанія, формы и состава (§ 2.), приведемъ нѣсколько примѣровъ того, какъ излагаются синтаксическія правила.

Стр. 79. «Иногда прилагательное сказуемое согласуется не съ подлежащимъ, а съ подразумеваемымъ словомъ» (какимъ, какого рода?): благое ли убо бысть мнѣ смерть? Примѣръ сей соотвѣтствуетъ русскому: умъ хорошо, а два — лучшее, но само правило изъ рукъ вонъ плохо. — На стр. 80-й говорится объ опредѣленіяхъ хотя и безъ ошибокъ, но такъ спутанно и тягуче, что и знающему приходится вновь прочесть, чтобы ясно понять, о чемъ говорится; что же остается ученику, какъ не заучить въ долбяжку?

Относительно же того, какъ нашъ авторъ трактуетъ объ особенностяхъ церковно-славянскаго словосочиненія, приведу слѣдующіе два примѣра. Стр. 79. «Прилагательныя въ средн. р. множ. числа, поставляемыя подлежащими вмѣсто существительнаго, имѣютъ иногда сказуемое въ единств. ч.» Особенность, дѣйствительно, замѣчательная, вовсе не встрѣчающаяся въ русскомъ языкѣ. Напримѣръ... но примѣра-то и нѣтъ. Обращаемся къ 2-му изд. и находимъ (стр. 92) слѣдующій: вся, елика аще творить, умѣеть съ русскимъ переводомъ: «все, что онъ (праведный) дѣлаеть, совершится». Въ русскомъ переводѣ Библии, изданномъ по благословію св. Синода, этотъ стихъ псалма изложенъ нѣсколько иначе и не подходитъ подъ вышеизложенное синтаксическое правило. И не слѣдъ было вамъ, г. Миропольскій, отступать отъ одобреннаго высшею церковною властію перевода, подавая тѣмъ не хорошій примѣръ для духовнаго юношества. Хорошо хоть то, что вы наконецъ одумались и въ 7-мъ изданіи изгладили сей грѣхъ вашъ. Но поставленное вами правило все же остается и требуетъ примѣра для подкрѣпленія. А я совѣтовалъ бы вамъ отказаться и отъ самаго правила, такъ какъ оно вами самими измышлено.

На стр. 93 читаемъ слѣдующее о дательномъ самостоятельномъ: «Онъ имѣеть мѣсто (?), когда придаточное предл. имѣеть свое подлежащее, отдѣльное отъ главнаго предложенія,

и состоитъ въ томъ, что сказуемое придаточнаго предл. превращается въ причастіе неопредѣленной формы и ставится въ дательномъ безъ предлога. А что же дѣлается съ подлежащимъ, о которомъ нарочито упоминалось? какому измѣненію подвергается оно? какая судьба постигаетъ союзъ, которымъ обыкновенно сопровождается такое предложеніе въ его неизмѣненномъ видѣ? Почтенный авторъ почему то не заблагоразсудилъ повѣдать о семъ, предоставивъ, вѣроятно, догадываться самому учащемуся и выводить измѣненіе подлежащаго изъ приведеннаго примѣра.

Можно посоветовать автору при будущемъ изданіи книжки, для разнообразія, сказать о превращеніи подлежащаго и умолчать о сказуемомъ.

Сознаемся, мы слишкомъ долго занимаемъ книжкою г. Миропольскаго, не заслуживающею, собственно говоря, никакого вниманія. Но мы желали оказать посильную пользу духовнымъ училищамъ, чтобы наставники сихъ учебныхъ заведеній возымѣли смѣлость сдѣлать необходимыя исправленія въ этой одобренной и быть можетъ обязательной для нихъ учебной книгѣ.

ности. Наши юридическія занятія тотчасъ прекращаются, лишь только кто-нибудь подастъ поводъ къ войнѣ. «А на войнѣ», говоритъ гениальный поэтъ и авторъ, на котораго можно положиться*): «становится ненужнымъ» не только ваше многорѣчивое, кажущееся знаніе, но и сама «мудрость», которая управляетъ государственными дѣлами. «Дѣло ведется силою. Даже хорошаго оратора презирають, а не только какого-нибудь скучнаго болтуна». «Цѣнять суроваго воина», а ваше занятіе находится въ полномъ пренебреженіи. «Требуютъ удовлетворенія», говоритъ поэтъ, «оружіемъ, а не на судѣ у претора». Да, Сульпицій, занятія на форумѣ, по моему мнѣнію, должны уступить военнымъ, покойная жизнь должна уступить жизни, исполненной тревоженій, перо — мечу, какъ тѣнь — солнцу, и въ государствѣ должно быть первымъ занятіемъ то, благодаря которому оно само стало первенствовать надъ другими государствами.

(31.) Катонъ говоритъ, что мы преувеличили военныя заслуги Мурены и не обратили вниманія на то, что вся эта война велась съ людьми изнѣженными. Что касается меня, то я далеко не такого мнѣнія, и замѣчаніе Катона заставляетъ меня немного остановиться на немъ (хотя и не въ этомъ суть дѣла). Если всѣ войны, которыя мы вели съ греками, заслуживаютъ пренебреженія, то напрасно данъ триумфъ Курію за побѣду надъ царемъ Пирромъ, Т. Фламинину за побѣду надъ Филишомъ, М. Фульвію, побѣдившему этолійцевъ, Л. Павлу, смирившему царя Персея, К. Метеллу — побѣдителю Лжефилиппа и Л. Муммію, разбившему коринѳянъ; а если эти войны считаются весьма важными, и одержанныя въ нихъ побѣды славными, то зачѣмъ, Катонъ, презираешь ты азіатскіе народы и такого врага, какъ Митридатъ? Изъ исторіи я вижу, что римскому народу пришлось вести тяжелую войну съ Антіохомъ, и побѣдитель въ этой войнѣ, Л. Сципіонъ, доставилъ себѣ славу равную съ братомъ Публиемъ и приобрѣлъ себѣ такую же извѣстность прозваніемъ «Азіатскаго», какую тотъ — про-

---

*) Эний.

званіемъ «Африканскаго». (32.) Въ войнѣ съ Антиохомъ прославился твой дѣдъ М. Катонъ. Будучи такимъ, какимъ я тебя теперь вижу, онъ никогда не отправился бы на ту войну, если бы полагалъ, что ему предстоитъ сражаться съ людьми изнѣженными. Да, кромѣ того, если бы сенатъ не считалъ эту войну трудной и опасной, то навѣрное, не предложилъ бы Публию Африканскому отправиться въ качествѣ легата къ своему брату; а этотъ Публий не задолго передъ тѣмъ освободилъ государство отъ величайшей опасности, изгнавъ Ганнибала изъ Италіи и изъ Африки и побѣдивъ Кареагенъ. Если ты обдумаешь, что могъ сдѣлать Митридатъ, что онъ, на самомъ дѣлѣ, совершилъ и что это былъ за человѣкъ, то и самъ будешь считать его опаснѣе всѣхъ царей, съ которыми намъ приходилось вести войны. Хотя Л. Сулла былъ отважный и неустрашимый полководецъ и имѣлъ огромное и храброе войско, однако, перенеся всецѣло войну въ Азію, заключилъ съ Митридатомъ миръ. Л. Мурена, отецъ нашего Мурены, хотя сильно стѣснилъ его со всѣхъ сторонъ, однако не подавилъ его *) окончательно. Этотъ царь, употребивъ нѣсколько лѣтъ на составленіе плановъ и на приготовленіе войска, такъ возгордился, что мечталъ соединить Океанъ съ Понтомъ и свои войска съ Серторіевыми. (33.) Когда на эту войну были посланы два консула съ тѣмъ, чтобы одинъ изъ нихъ преслѣдовалъ Митридата, а другой защищалъ Виѳинію, то неудачи одного изъ нихъ и на сушѣ и на морѣ увеличили силу и славу царя; дѣла же другого, Лукулла, пошли такъ успѣшно, что нельзя припомнить войны болѣе значительной и веденной съ такимъ умѣньемъ и мужествомъ. Когда центръ войны сосредоточился у стѣнъ Кизика, и когда Митридатъ полагалъ, что этотъ городъ, будучи взятъ и разрушенъ, откроетъ ему путь въ Азію, Л. Лукуллъ достигъ того, что Кизикъ, городъ нашихъ вѣрнѣйшихъ союзниковъ, былъ защищенъ, и запасы царя истощились вслѣдствіе продолжительности осады. Далѣе, какъ ты думаешь? развѣ незначительно и неупорно было то мор-

*) Въ текстѣ игра словъ: *repressum, non oppressum reliquit.*

ское сраженіе при Тенедосѣ, — когда непріятельскій флотъ, воодушевленный надеждой и отвагой, съ своими смѣлыми полководцами, спѣшилъ въ Италію? Я не говорю уже о другихъ сраженіяхъ и осадахъ. Выгнанный изъ предѣловъ своего государства, Митридатъ однако имѣлъ такую силу, что, заключивъ союзъ съ царемъ Арменіи, возобновилъ войну съ новыми средствами и свѣжими силами. Если бы мнѣ нужно было говорить теперь о подвигахъ нашего полководца и нашего войска, то я могъ бы перечислить много славныхъ сраженій съ непріателемъ, но не о томъ теперь рѣчь.

(34) Я говорю: если бы слѣдовало пренебрегать этой войной и этимъ врагомъ, то римскій народъ не считалъ бы нужнымъ вести ее съ такою заботливостью, не велъ бы ее въ теченіе столькихъ лѣтъ и съ такою славой Л. Лукулль, и, наконецъ, не возложили бы на Гнея Помпея трудъ окончить эту войну. Изъ всѣхъ его безчисленныхъ сраженій самымъ упорнымъ и ожесточеннымъ, кажется, было то, которое онъ далъ самому царю. Митридатъ проигралъ эту битву и бѣжалъ за Босфоръ, куда не могло итти наше войско; но даже въ этомъ крайнемъ бѣдствіи и въ изгнаніи онъ сохранилъ царскій титулъ. Самъ Помпей, овладѣвъ его царствомъ и изгнавъ его изъ всѣхъ подчиненныхъ намъ странъ, все еще придавалъ высокую цѣну жизни Митридата, такъ что, овладѣвъ всѣмъ, чѣмъ тотъ располагалъ, отбивъ всѣ его нападенія, все еще не считалъ войну оконченной, до тѣхъ поръ, пока не услышалъ о смерти царя. И ты, Катонъ, презираешь этого врага, съ которымъ столько полководцевъ такъ долго вели войну? Когда онъ былъ уже изгнанъ изъ своего государства, все еще жизнь его цѣнилась такъ высоко, что только при извѣстіи о его смерти въ Римѣ рѣшили, что война, наконецъ, кончена. — И вотъ въ такой-то войнѣ легатъ Мурена показалъ свою храбрость, разсудительность и усердіе. Эта-то дѣятельность его и имѣетъ, при искательствѣ консульства, гораздо больше значенія, чѣмъ всѣ наши занятія на форумѣ.

(35.) «Но, вѣдь, изъ кандидатовъ на преторство первымъ былъ провозглашенъ Сервій!» — Да развѣ народъ ведетъ съ

вами дѣло по какому-нибудь обязательству, и развѣ однажды оказанное кому-нибудь предпочтеніе должно быть оказано тому же лицу и въ другихъ случаяхъ? Въ какомъ морѣ или заливѣ бываетъ столько волненій и переменъ въ теченіи, сколько тревоженій и непостоянства имѣетъ собраніе комицій? Часто стоитъ только пройти одному дню или одной ночи, какъ уже переменяется все, а иногда даже какой-нибудь незначительный слухъ измѣняетъ все настроеніе умовъ. Иной разъ случится что-нибудь такъ, какъ ты вовсе не могъ ожидать, и даже народъ удивляется такому исходу дѣла, какъ будто-бы онъ не самъ былъ виновникомъ этого.

(36.) Нѣтъ ничего ненадежнѣе черни, ничего непонятнѣе желаній народа, и ничего болѣе непостояннаго, какъ настроеніе народа въ комиціяхъ. Кто бы подумалъ, что М. Геренній могъ превзойти Л. Филиппа, человѣка умнаго, дѣятельнаго, всѣми любимаго и образованнаго? Кто бы подумалъ, что Кв. Катулла, отличающагося образованностью, мудростью и честностью, могъ превзойти Гн. Маллій? а Марка Скавра, мужа почтеннаго, превосходнаго гражданина и мужественнаго сенатора, могъ превзойти Кв. Максимъ? И не только не думали, что такъ будетъ, но когда это случилось, никто даже не могъ понять, почему это такъ произошло. Какъ бури часто поднимаются вслѣдствіе появленія извѣстнаго созвѣздія, а часто возникаютъ вдругъ безъ всякой видимой причины по какому-то непонятному закону, такъ и въ этой бурѣ народныхъ собраній иногда и понятно, чѣмъ она вызвана, а иногда она бываетъ такъ непонятна, что кажется вызванной случайностью.

(37.) Но если нужно привести основаніе, почему Мурена позднѣе Сульпиція получилъ на выборахъ въ преторы большинство голосовъ, то я скажу, что два обстоятельства повредили Муренѣ въ этомъ дѣлѣ (но зато они помогли ему потомъ при достиженіи консульства): одно — надежда на даровыя зрѣлища, которая возросла вслѣдствіе раздуваемыхъ слуховъ, благодаря усердію соискателей; другое то, что не прибыли еще въ Римъ тѣ, которые были свидѣтелями его гуманности и доблести, при исполненіи имъ обязанностей

легата въ провинціи. На его счастье оба эти обстоятельства благоприятствовали при достиженіи консульства: и войско Л. Лукулла, которое къ этому времени прибыло въ Римъ для участія въ триумфѣ, помогло Муренѣ на комиціяхъ, и блистательныя игры, которыхъ ожидали отъ него, когда онъ искалъ претуры, и которыя онъ далъ, сдѣлавшись преторомъ.

(38.) Неужели, по твоему, это мало способствовало ему къ достиженію консульства? А желаніе солдатъ? При выборѣ консула голосъ воиновъ имѣетъ силу, какъ самъ по себѣ, вслѣдствіе численности и вліянія ихъ въ своей средѣ, такъ и въ глазахъ всего народа. Такъ какъ на комиціяхъ избираются полководцы, а не толкователи словъ, то нельзя не придать значенія такому заявленію: «онъ меня раненаго ободрилъ, надѣлили добычей; подъ его предводительствомъ мы сражались и взяли непріятельскій лагерь; никогда не обременялъ солдата бѣльшимъ трудомъ, чѣмъ самого себя; насколько онъ храбръ, настолько же и счастливъ». Развѣ мало способствуетъ это популярности кандидата среди народа? Если въ нашихъ комиціяхъ сохранился такой предрассудокъ, что до сихъ поръ бѣльшее значеніе имѣетъ мнѣніе, поданное первой центуріей, то что же удивительнаго, что и Муренѣ много помогла всеобщая молва о его счастья?

Если же ты считаешь незначительнымъ то, что въ дѣйствительности имѣетъ весьма большое значеніе, и если голосъ городского населенія ставишь выше голоса военнаго сословія, то не порицай, по крайней мѣрѣ, великолѣпія его игръ и зрѣлищъ, которыя также принесли ему много пользы. Зачѣмъ мнѣ говорить, что высшій классъ народа и чернь весьма восхищались этими играми? Этому нечего удивляться, но для настоящаго случая этотъ фактъ имѣетъ значеніе, такъ какъ комиціи состоятъ изъ народа и черни. Поэтому, если пышность игръ доставляетъ большое удовольствіе народу, то ничего нѣтъ удивительнаго, что она возвысила Л. Мурену въ глазахъ того же народа.

(39.) Что же ты удивляешься невѣжественной толпѣ, если и мы сами посѣщаемъ игры, и онѣ привлекаютъ даже насъ,

людей занятыхъ, которые къ тому же въ своей дѣятельности можемъ имѣть не мало иныхъ удовольствій. (40.) Мой лучший другъ Л. Отонъ, человѣкъ смѣлый, вмѣстѣ съ наслажденіемъ, получаемымъ отъ зрѣлицъ, возвратилъ сословію всадниковъ и прежнее ихъ достоинство. Законъ, изданный по его предложенію, былъ весьма пріятенъ для всадниковъ, такъ какъ этому почтенному сословію онъ возвратилъ прежній блескъ и предоставилъ также наслажденіе театральными зрѣлищами. Вѣдь игры — повѣрь мнѣ — доставляютъ наслажденіе даже тѣмъ, которые стараются скрыть это, не говоря уже о тѣхъ, которые открыто сознаются въ томъ. Это я самъ испыталъ при исканіи должности: у меня также былъ соискатель, дававшій народу сценическія игры. Хотя въ качествѣ эдила я три раза давалъ игры, всетаки я былъ встревоженъ играми Антонія; и ты, когда тебѣ не удалось устроить ихъ, полагаешь, что тебѣ не послужило во вредъ то обстоятельство, что Мурена выложилъ серебромъ всю сцену, и ты смѣешься (надъ этой напрасной роскошью).

(41.) Но пусть все это имѣетъ одинаковое значеніе: пусть гражданское поприще равносильно военному, пусть голосъ солдатъ имѣетъ такое же значеніе, какъ и голосъ городскихъ жителей, пусть все одно — давать ли великолѣпныя игры, или совсѣмъ не устраивать ихъ. Но думаешь ли ты, что и въ самой претурѣ нѣтъ никакой разницы между твоимъ и его жребіемъ?

Его жребій былъ таковъ, какого желали для тебя всѣ твои родственники, а именно: ему досталось разбирательство городскихъ дѣлъ. Важность этого рода занятій доставляетъ славу, а правосудіе, которое онъ можетъ проявить здѣсь, доставляетъ расположеніе народа. Въ этой должности мудрый преторъ (какимъ былъ Мурена) побѣждаетъ нерасположеніе справедливостью приговоровъ и снискиваетъ благосклонность снисходительнымъ выслушиваніемъ жалобъ. Для достиженія консульства представляетъ большія выгоды занятіе такой должности, при исполненіи которой, кромѣ игръ, составляютъ популярность еще честность и обходительность.

(42.) Каковъ же былъ твой жребій? печальный, жестокой: тебѣ досталось разбирательство дѣлъ о расхищеніи государственныхъ денегъ, что вызываетъ, съ одной стороны, слезы и печаль, съ другой — ябеды и доносы. Тебѣ пришлось принуждать судей, удерживать ихъ противъ ихъ желанія; осужденъ былъ писецъ, и это возстановило противъ тебя все ихъ сословіе; надѣлы Суллы подвергнуты порицанію, чѣмъ были оскорблены многіе храбрые ветераны Суллы и часть гражданъ; налагались строгія наказанія; а знаешь: вѣдь кому оказываютъ милость, тотъ о ней забываетъ, а кому причинять огорченіе, тотъ помнить. Наконецъ, ты не хотѣлъ отправляться въ провинцію. Я не ставлю тебѣ этого въ упрекъ, такъ какъ и самъ такъ же поступилъ, когда былъ преторомъ и консуломъ; но управленіе провинціей доставило Муренѣ расположеніе многихъ и хорошую репутацію. Дорогой онъ произвелъ наборъ войска въ Умбріи. Такъ какъ государство дало ему возможность явиться услужливымъ при наборѣ рекрутъ, то онъ, пользуясь этимъ, привлекъ на свою сторону много трибъ, которыя состояются изъ муниципальных городовъ Умбріи. Въ Галліи, благодаря его справедливости и распорядительности, многіе изъ нашихъ откупщиковъ взыскали тѣ деньги, получить которыя уже отчаявались. Ты между тѣмъ не оставался безъ дѣла: ты былъ защитою для друзей (я признаю это), но не забывай, что, вѣдь, пренебрегающіе управленіемъ провинціями теряютъ въ нѣкоторой степени расположеніе своихъ друзей.

(43.) Такъ какъ я, судьи, сказалъ, что Мурена и Сульпицій обладаютъ одинакими правами на консульство, а различны лишь роды ихъ дѣятельности въ провинціи, то теперь уже яснѣ выскажусь, въ чемъ уступалъ Муренѣ мой другъ Сервій и, хотя уже поздно, скажу вамъ то, что я не разъ говорилъ ему самому наединѣ еще прежде его кандидатуры. — Часто я говорилъ тебѣ, Сервій, что ты не умѣешь искать должности. При жалобахъ на интриги соискателей ты въ сенатѣ говорилъ и дѣйствовалъ мужественно и неустрашимо. Но я замѣчалъ тебѣ, что ты кажешься скорѣе сенаторомъ,

смѣло ратующимъ противъ несправедливости, нежели разумнымъ кандидатомъ. Угрозы обвиненіемъ, къ которымъ ты обыкновенно прибѣгалъ до выборовъ, свидѣтельствуешь о твоёмъ гражданскомъ мужествѣ, но они вмѣстѣ съ тѣмъ удаляютъ отъ кандидата надежду на полученіе должности и ослабляютъ усердіе друзей. Не знаю, отчего это происходитъ, но уже не разъ замѣчали, что кандидатъ, задумавшій обвиненіе, теряетъ надежду на полученіе должности.

(44.) «Что же слѣдуетъ изъ этого? Развѣ не должно судомъ преслѣдовать незаконные поступки?» — Конечно, слѣдуетъ, но иное время должно быть для исканія должности, иное для преслѣдованія нарушителей законовъ. Мы привыкли видѣть, чтобы кандидатъ, въ особенности, на консульскую должность шель на форумъ и на Марсово поле съ большими надеждами, съ большою увѣренностью и въ сопровожденіи множества родныхъ и знакомыхъ. Не хорошо, если кандидатъ ищетъ повода обвинить другихъ соискателей — (это предвѣстникъ неудачи), или если онъ разыскиваетъ свидѣтелей, вмѣсто того, чтобы располагать на свою сторону избирателей. Я не даю предпочтенія угрозамъ передъ ласками, выраженію неудовольствія передъ изъявленіемъ сочувствія, особенно, когда по новому, нелѣпому обычаю обѣгаютъ всё дома и по наружному виду кандидатовъ дѣлаютъ заключеніе о томъ, сколько у каждаго изъ нихъ увѣренности и средствъ, необходимыхъ для успѣха его кандидатуры. (45.) «Развѣ ты не видалъ того кандидата печальнымъ и упавшимъ духомъ? Онъ отчаивается получить должность и слагаетъ оружіе». Можно слышать еще вотъ что: «знаешь ли, вонъ тотъ помышляетъ объ обвиненіи, подкапывается подъ соискателей и ищетъ свидѣтелей для подтвержденія своего обвиненія? Я буду поддерживать другого, такъ какъ этотъ самъ отчаивается въ успѣхѣ». При такомъ слухѣ о кандидатѣ, даже близкіе друзья отшатываются отъ него и перестаютъ содѣйствовать ему. Они или бросаютъ его дѣло, или все свое вліяніе и содѣйствіе прилагаютъ въ случаѣ, ежели онъ подвергнется обвиненію. Кромѣ того не надо забывать, что кандидатъ не можетъ

употребить на исканіе должности всѣ свои способности, направить на это всѣ заботы, всю свою дѣятельность и энергію, если въ то же время онъ старается еще обвинить своего соперника. Составить планъ обвиненія — дѣло не легкое: нужно не мало усилій, чтобы подобрать обвинительные пункты, на основаніи которыхъ можно бы было изгнать изъ государства человѣка, да къ тому-же такого, который пользуется значеніемъ въ государствѣ, который самъ можетъ постоять за себя и найти защиту у своихъ сторонниковъ и даже у людей, совершенно чуждыхъ ему. Мы всѣ соединяемся, чтобы отстранить опасность отъ такого человѣка — и, вообще, если только мы не явные враги, — оказываемъ самыя дружескія услуги лицамъ, которыя подвергаются уголовнымъ обвиненіямъ, хотя бы они были для насъ совершенно чужими. (46.) Испытавъ самъ трудности достиженія консульства, защиты и обвиненія, я убѣдился, что для всего этого нужно много настойчивости, труда и энергіи. Я держусь мнѣнія, что человѣкъ въ одно и то же время не можетъ готовить обвиненія и надлежащимъ образомъ заботиться о своей кандидатурѣ. Не многіе могутъ достигнуть одной изъ этихъ двухъ цѣлей, а обѣ одновременно никому не по силамъ. Если, по твоему, ты достаточно сдѣлалъ для осуществленія той и другой цѣли, (когда отъ роли соискателя должности перешелъ къ роли обвинителя,) то ты сильно ошибся. Развѣ прошелъ хотя одинъ день съ тѣхъ поръ, какъ ты взялся за обвиненіе, котораго бы ты не употребилъ всецѣло на эти планы? Ты требовалъ закона о неправильномъ домогательствѣ должности, хотя въ этомъ законѣ не было надобности, такъ какъ существовалъ строгій законъ Кальпурнія. Желаніе твое было удовлетворено. Но вновь изданный законъ*) усилилъ бы твое обвиненіе, если бы обвиняемый тобой былъ виновенъ; изданіе же его повредило твоей кандидатурѣ. (47.) Для раздавателей денегъ ты потребовалъ болѣе тяжелыхъ наказаній, вслѣдствіе чего бѣдный классъ озлобился на тебя. По отношенію къ нашему сословію ты потребовалъ изгнанія; сенатъ сдался на

---

*) Lex Tullia.

твои требованія и, по твоей инициативѣ, постановилъ, хотя и неохотно, для всѣхъ довольно тяжелыя условія. Установлено наказаніе за неявку подѣ предлогомъ болѣзни; это сдѣлано противъ желанія большинства, такъ какъ теперь приходится или являться въ судъ въ ущербъ своему здоровію, или, въ случаѣ неявки, потерпѣть наказаніе. Кто же внесъ эти законы? Внесъ ихъ тотъ, кто самъ повиновался рѣшенію сената и твоему желанію, однимъ словомъ, тотъ, для кого они менѣе всего были выгодны. А мало, ты думаешь, повредило тебѣ твое предложеніе, которое сенатъ отвергъ благодаря мнѣ? Ты требовалъ тогда общей подачи голосовъ, т. е. возобновленія Маниліева закона; этимъ ты требовалъ, чтобы всѣ имѣли одинаковое вліяніе, достоинство и значеніе на выборахъ. Люди почтенные, уважаемые въ своихъ и въ сосѣднихъ муниципіяхъ, были недовольны тѣмъ, что этотъ законъ уничтожалъ различіе по достоинству и вліянію. Ты желалъ также, чтобы судьи выбирались обвинителемъ (а не преторомъ), чтобы, такимъ образомъ, скрытая ненависть гражданъ, которая теперь сдерживается и безмолвствуетъ, могла обрушиться на каждого честнаго гражданина. Все это расчищало тебѣ путь къ обвиненію, но заграждало дорогу къ консульству.

(48.) Успѣху твоей кандидатуры былъ нанесенъ другой сильнѣйшій ударъ, о которомъ я предостерегалъ тебя. Объ этомъ много и убѣдительно говорилъ умный и краснорѣчивый Гортензій. Мнѣ приходится говорить, находясь въ менѣе выгодномъ положеніи: говоря послѣднимъ, я долженъ въ своей рѣчи остановиться не на одномъ какомъ-нибудь обвинительномъ пунктѣ, но высказать общее впечатлѣніе, какое я вынесъ изъ всего этого дѣла; къ тому-же до меня говорилъ знаменитый М. Крассъ, человѣкъ весьма достойный и обладающій даромъ слова. Итакъ, судьи, я буду говорить о томъ же самомъ, но, насколько могу, постараюсь не наскучить вамъ.

Сервій! Какой ударъ, по твоему мнѣнію, нанесенъ твоей кандидатурѣ тѣмъ, что, во время всеобщаго страха, какъ бы Катилина не сдѣлался консуломъ, ты составлялъ обвиненіе, совершенно забывъ о своей кандидатурѣ. (49.) Мы видѣли,

какъ ты подкалывался подь соискателей; ты былъ грустенъ, друзья твои тоже не веселы; видѣли твои розыски, видѣли, какъ ты составлялъ протоколы и отводилъ въ сторону свидѣтелей, подписавшихъ обвинительный актъ. Все это обыкновенно показываетъ, что надежды кандидата слабѣютъ. Съ другой стороны, всѣ видѣли, что Катилина бодръ и веселъ, окруженъ толпой буйныхъ юношей, доносчиковъ и убійцъ; надежда на солдатъ и обѣщанія моего товарища по должности*) сдѣлали его слишкомъ самоувѣреннымъ; его окружала толпа арретинскихъ и фезуланскихъ колонистовъ, среди которыхъ особенно рѣзко выдавались люди, пострадавшіе во времена Суллы. Его лицо дышало яростью, глаза выдавали преступность, рѣчь отличалась наглостью. Казалось, что консульствомъ онъ заручился еще дома; Мурену онъ презиралъ, Сульпиція же считалъ своимъ обвинителемъ, а не соискателемъ, и, угрожая расправиться съ нимъ силой, вмѣстѣ съ тѣмъ грозилъ государству. — (50.) Не требуйте, чтобы я напомнилъ вамъ о томъ, какой страхъ внушилъ бы Катилина всѣмъ благонамѣреннымъ людямъ и до какого довелъ-бы отчаянія всѣхъ гражданъ, если бы былъ избранъ консуломъ; вы сами это легко можете представить. Помните, какъ раздавались рѣчи этого безбожнаго гладіатора, которыя онъ произносилъ у себя дома; онъ говорилъ, что нельзя найти вѣрнаго защитника для несчастныхъ, кромѣ того, который самъ несчастенъ; раненые и несчастные не должны вѣрить обѣщаніямъ невредимыхъ и счастливыхъ: поэтому тотъ, кто желаетъ возвратить утраченное и отнятое, пусть обратитъ вниманіе на то, какими долгами онъ обремененъ, чѣмъ владеетъ и на что осмѣливается; безстрашнымъ и способнымъ на всякое злодѣйство долженъ быть тотъ, которому предстоитъ сдѣлаться вождемъ несчастныхъ. (51.) Вы помните, что когда распространился слухъ объ этомъ, то, по моему предложенію, было издано постановленіе сената объ отмініи комицій, (ожидаемыхъ на слѣдующій день), чтобы можно

---

*) Консула К. Антонія Гебрида.

было заняться вопросомъ о замыслахъ Катилины. И вотъ, на слѣдующій день, при полномъ составѣ сената, я велѣлъ Катилинѣ дать отчетъ по поводу сдѣланныхъ мнѣ донесеній. Онъ, какъ всегда откровенный до безстыдства, не сталъ оправдываться, но сталъ давать показанія и при этомъ запутался. Тогда именно онъ сказалъ, что государство имѣетъ два гѣла: одно дряхлое и съ слабой головой, другое могучее, но безъ головы. Если бы это послѣднее оказало ему (Катилинѣ) услугу, то, при его жизни, оно имѣло бы голову. Ужаснулся весь сенатъ и однако не постановилъ рѣшенія настолько строгаго, чтобы оно соотвѣтствовало преступности Катилины, такъ какъ при этомъ одни изъ сенаторовъ были настолько смѣлы, что ничего не боялись, другіе же боялись всего. Тогда Катилина вырвался изъ сената, открыто ликуя, хотя ему совѣмъ не должно бы выйти оттуда живымъ, въ особенности, послѣ того, какъ онъ въ томъ же самомъ сенатѣ, нѣсколько раньше, отвѣтилъ доблестному Катону, официально грозившему ему судомъ, что, если на него раздуютъ пламя пожара, то онъ потушить его не водой, а развалинами государства. (52.) Встревоженный этой угрозой и зная, что Катилина привелъ на Марсово поле вооруженныхъ людей, я пришелъ туда подъ крѣпкой охраной и въ широкомъ (бросающемся въ глаза) панцырѣ, который надѣлъ не для того, чтобы онъ меня прикрывалъ, — вѣдь я зналъ, что Катилина поражаетъ не въ бокъ или животъ, но, какъ разбойникъ, въ голову или шею, — но, чтобы это замѣтили всѣ благонамѣренные и, когда замѣтятъ консула въ страхѣ и опасности — какъ это и случилось — поспѣшили бы къ нему на помощь и защиту. — Итакъ, Сервій, всѣ, видя тебя въ соискательствѣ слабымъ, Катилину-же полнымъ надеждъ, и желая отстранить отъ государства эту заразу, тотчасъ же обратились къ Муренѣ.

(53.) На выборахъ имѣетъ большое значеніе расположеніе народа, въ особенности, если кандидатъ человѣкъ достойный и обладаетъ большими шансами на проведеніе своей кандидатуры. У Мурены почтенный и уважаемый отецъ и такіе

же предки; онъ провель скромно свою юность, прославился въ должности легата, заслужилъ одобреніе за судопроизводство въ должности претора, при исполненіи которой играми онъ приобрѣлъ народное расположеніе; наконецъ, онъ съ честью управлялъ провинціей. Консульства онъ домогался съ большимъ стараніемъ, не отступая предъ угрозами другихъ, но и самъ, въ свою очередь, никому не угрожая. Послѣ всего этого развѣ удивительно, что увѣренность Катилины въ достиженіи консульства послужила лишь на пользу Муренѣ?

(54.) Теперь осталась третья часть рѣчи — вопросъ объ обвиненіи Мурены въ незаконномъ искательствѣ. Это обвиненіе совершенно опровергнуто тѣми, которые говорили раньше меня, но, въ силу желанія Мурены, я долженъ повторить это опроверженіе. Здѣсь я дамъ отвѣтъ своему хорошему знакомому, славному Постуму, о показаніяхъ раздавателей денегъ и о захватѣ суммъ, назначенныхъ для подкупа трибъ; благородному и честному юношѣ Сервію Сульпицію дамъ отвѣтъ объ угощеніи всадническихъ центурій; Катону же, человѣку, исполненному истиннаго благородства и достоинствъ, отвѣчу на послѣдовавшее отъ него обвиненіе; коснусь также и постановленія сената, которое было издано по моей инициативѣ.

(55.) Но сначала, хоть въ краткихъ словахъ, я пожелаю на судьбу Мурены, которая такъ волнуетъ меня. На основаніи несчастій другихъ и ежедневныхъ своихъ заботъ и трудовъ, я прежде считалъ счастливыми тѣхъ, которые, не имѣя честолюбивыхъ стремленій, предалися досугу и спокойной жизни, теперь же я до того потрясенъ столь ужасными опасностями, которымъ неожиданно подвергся Мурена, что не въ силахъ въ достаточной степени сожалѣть объ общемъ нашемъ положеніи, о результатѣ его общественной дѣятельности и вообще его участи. Сдѣлавъ послѣ ряда почестей, которыми пользовались его предки, попытку возвыситься еще на одну степень, онъ при этомъ подвергся опасности лишиться даже того, что самъ приобрѣлъ, а именно — потерять званіе сенатора. (56.) Хотя все это неприятно, но прискорбнѣе всего то, что Мурену обвиняютъ тѣ, которые, вовсе не питая къ нему

ненависти, изъ простыхъ обвинителей стали его врагами. Не говоря уже о С. Сульпиціи, котораго, какъ мнѣ понятно, подстрекаетъ не какая нибудь обида, ненесенная ему Л. Муреной, но соперничество въ кандидатурѣ на консульство, — Мурену обвиняетъ другъ его отца К. Постумъ, старинный со-сѣдъ и другъ, который могъ бы привести много доказательствъ дружбы и не могъ бы указать никакого повода къ враждѣ; затѣмъ, его обвиняетъ Сервій Сульпицій, сынъ одного изъ друзей, который всѣмъ отцовскимъ друзьямъ долженъ бы служить опорой; наконецъ, — Маркъ Катонъ ни въ чемъ никогда не расходился съ Муреной и котораго умъ и способности имѣють своимъ назначеніемъ, съ одной стороны, приносить пользу многимъ, хотя бы и чужимъ для него лицамъ, и, съ другой стороны, обрекать на гибель всякаго врага государства.

(57.) Итакъ, во-первыхъ, я отвѣчу Постуму, который, будучи кандидатомъ на преторство, не понимаю, какимъ образомъ, сталъ добиваться консульства, какъ сѣдокъ на скаковомъ конѣ, который врывается на ристалище четверней. Когда его соискатели, не дѣлая подарковъ, чтобы достигнуть претуры, достигли ея, онъ оставилъ свою кандидатуру, принужденный уступить ихъ достоинству; если же кто-нибудь изъ нихъ достигъ-бы должности посредствомъ подкупа, то онъ долженъ былъ бы отыскать себѣ друга, который преслѣдовалъ бы его обиду энергичнѣе, чѣмъ свою собственную....*)

(58.) Теперь я перехожу къ М. Катону, который даетъ основаніе и силу всему обвиненію. Его обвиненіе имѣетъ столько значенія и вѣса, что я опасаясь болѣе факта его обвиненія, чѣмъ выставленныхъ имъ обвинительныхъ пунктовъ. Такъ какъ мнѣ приходится разбирать эти послѣдніе, то я, судьи, прежде всего, прошу васъ о томъ, чтобы ни его достоинство, ни ожидаемое имъ трибунство, ни прославленная строгостью жизнь его не принесли какого-нибудь вреда

*) Опроверженіе обвиненій, представленныхъ Постумомъ и младшимъ Сульпиціемъ, Цицеронъ изложилъ только словесно и опустилъ въ письменной обработкѣ рѣчи.

Муре́нѣ; наконецъ, чтобы послѣднему не послужили во вредъ также тѣ качества Катона, которыхъ назначеніе — повторяю — оказывать пользу многимъ. П. Африканъ былъ два раза консуломъ и отвелъ двѣ грозы, направлявшіяся на наше государство — Карфагенъ и Нуманціи, — когда обвинялъ Л. Котту. Онъ (обвинитель) обладалъ блестящимъ краснорѣчіемъ, пользовался величайшимъ довѣріемъ у народа, честностью и авторитетомъ, какой только можно было пріобрѣсть тогда въ римскомъ государствѣ, сохраненномъ благодаря ему. Я часто слышалъ отъ стариковъ, что обаяніе личности такого обвинителя послужили на пользу Л. Коттѣ. Мудрые люди, тогда завѣдывавшіе судопроизводствомъ, не желали, чтобы обвиняемый проигралъ процессъ: чтобы, такимъ образомъ, не казалось, что онъ осужденъ вслѣдствіе чрезмѣрнаго авторитета противника.

(59.) Развѣ римскій народъ — какъ это засвидѣтельствовано исторіей — не избавилъ Сервія Гальбу отъ твоего прадѣда Марка Катона, человѣка очень вліятельнаго и мужественнаго, прилагавшаго все свое стараніе, чтобы погубить его? Какъ народъ, такъ и мудрые, дальновидные судьи въ нашемъ государствѣ никогда не были на сторонѣ вліятельныхъ обвинителей.

(60.) Я не желаю, чтобы на рѣшеніе дѣла оказывало вліяніе могущество обвинителя, его особенное значеніе, авторитетъ и расположеніе, какимъ онъ пользуется у народа. Пусть все это имѣетъ силу для оправданія невинныхъ, для оказанія помощи людямъ слабымъ и несчастнымъ, но пусть это остается въ сторонѣ, когда обвиняемымъ угрожаетъ большая опасность. Если кто либо скажетъ, что Катонъ не сталъ бы обвинять безъ достаточнаго на то основанія, тотъ поставитъ въ невыгодныя и несправедливыя условія лицъ, обвиняемыхъ въ уголовномъ преступленіи: пожалуй, будетъ принято за общее правило, что сужденіе обвинителя для обвиняемаго должно имѣть значеніе предварительнаго приговора.

Я не хочу, Катонъ, порицать твои принципы, въ силу моего особенно хорошаго мнѣнія о твоихъ качествахъ, но въ

нѣкоторомъ отношеніи я, можетъ быть, могу исправить твои воззрѣнія и освободить тебя отъ ошибокъ. «Въ немногомъ ты погрѣшаешь», говоритъ почтенный наставникъ доблестному мужу*), «но всетаки погрѣшаешь, и я могу направить тебя на путь истинный. И я могу по истинѣ сказать, что ты ни въ чемъ не погрѣшаешь, и намѣренъ не направлять тебя на путь истины, а только слегка поправить. Сама природа создала тебя для роли человѣка честнаго съ твердой волей, умѣреннаго, великодушнаго, справедливаго — вообще, добродѣтельнаго во всемъ значеніи этого слова. Но ты усвоилъ ученіе неумѣренное и не знающее снисхожденія, жестокое и суровое болѣе, чѣмъ требуетъ того жизнь и естественное чувство. (61.) Такъ какъ мнѣ приходится держать эту рѣчь не передъ невѣжественной толпой и не передъ какимъ-нибудь сборищемъ грубой черни, то я немного позволю себѣ распространиться объ увлеченіяхъ образованнаго сословія, не чуждыхъ какъ вамъ, такъ и мнѣ. Знайте, что тѣ высокія нравственныя качества, которыя мы видимъ въ Катонѣ, принадлежатъ исключительно ему; а что иногда мы въ немъ порицаемъ, то это у него не природное, а внушенное воспитателями. Былъ одинъ очень образованный человѣкъ, по имени Зенонъ, послѣдователи ученія котораго называются стоиками. Его убѣжденія и правила такого рода: мудрый человѣкъ никогда не долженъ быть склоннымъ къ снисхожденію; онъ никогда и никому не прощаетъ проступка; никто, по его мнѣнію, кромѣ глупцовъ и легкомысленныхъ людей, не обнаруживаетъ состраданія; не должно позволять разжалобить себя; одни мудрецы красивы, если даже они въ дѣйствительности и безобразны, и при бѣдности они богаты, они цари, хотя бы и были въ тяжеломъ рабствѣ; мы-же, простые смертные, не принадлежатъ къ числу мудрецовъ, не что иное, какъ безродные бродяги, изгнанники, враги и, наконецъ, безумцы; всѣ проступки одинаковы, всякій проступокъ — безбожное злодѣйство, и задушившій безъ надобности пѣтуха грѣшитъ не меньше человѣка, задушившаго своего

---

*) Фениксъ—Ахиллу.

Изъ этого однако не слѣдуетъ, что школа должна быть полна воплей и ударовъ, а должна быть полна бдительности и вниманія со стороны учащихся и учащихся. Ибо что другое школьная дисциплина, какъ не до-вѣрчивое обращеніе, чрезъ которое ученики должны сдѣлаться истинными учениками?

2. Потому образователь юношества долженъ знать а) цѣль, б) матерію и в) форму дисциплины, чтобы ему не быть въ неизвѣстности о томъ, почему, когда и какъ должно примѣнять правильную строгость.

3. (Цѣль дисциплины.) То, думаю я, прежде всего вѣрно, что школьную дисциплину должно примѣ-нять противъ неисправныхъ учениковъ; однако не потому, что они допустили неисправности (то, что произошло, уже не можетъ быть уничтожено), но для того, чтобы они въ будущемъ больше не допу-скали. Слѣдовательно, дисциплина должна быть примѣняема безъ горячности, гнѣва или ненависти, съ такою чистотою и откровенностью, чтобы тотъ, противъ кого она примѣняется, понималъ, что она примѣняется для его же блага, и есть только выраженіе отеческой заботливости начальниковъ, и чтобы онъ потому строгость принималъ также, какъ принимаютъ пред-писанное врагомъ горькое лѣкарство.

4. (2. Предметъ, въ отношеніи къ которому дисциплина должна быть примѣняема. Не къ обу-ченію.) Но строгая дисциплина примѣняется не для достиженія успѣховъ въ обученіи, а для нравственнаго поведенія. Обученіе, когда оно пра-вильно поставлено (какъ уже показано), уже само по себѣ заключаетъ въ себѣ прелесть для душъ, такъ какъ собствен-ною пріятностью привлекаетъ и увлекаетъ всѣхъ (исключая ненормальности). Если этого не бываетъ, то виною тому не учащіяся, а учащіе. Когда мы не умѣемъ искусствомъ при-влекать души, то напрасно стали бы примѣнять силу. Удары и побои не въ состояніи внушить любовь къ наукамъ, а какъ разъ наоборотъ вызываютъ отвращеніе къ нимъ. Потому, какъ

скоро замѣчаютъ болѣзненное отвращеніе къ обученію, то оно должно быть уничтожаемо духовными средствами и кроткими мѣрами, вмѣсто того, чтобы усиливать его рѣзкостью. Примѣръ такого благоразумія даетъ намъ само небесное солнце. Оно не сходитъ тотчасъ въ первую весну на молодыя и нѣжныя растенія и не жжетъ ихъ съ самага начала своимъ жаромъ; но оно сначала постепенно и незамѣтно согрѣваетъ ихъ, укрѣпляетъ ихъ и затѣмъ уже изливаетъ на нихъ свою полную силу для того, чтобы созрѣли ихъ плоды и сѣмена. Подобнымъ же образомъ поступаетъ садовникъ, съ молодыми и нѣжными растеньицами обращающійся нѣжно и не примѣняющій къ нимъ скребка и ножа, такъ какъ они еще не выносятъ ранъ. И когда у музыканта разстроились струны цитры, арфы или лиры, то онъ не бьетъ по нимъ кулакомъ или палкою и не бросаетъ инструментъ объ стѣну, но онъ до тѣхъ поръ примѣняетъ свое искусство, пока они настроются. Точно такимъ же образомъ должны мы снисходить къ душамъ, чтобы внушить имъ спокойное настроеніе и любовь къ занятіямъ науками, если не хотимъ изъ равнодушныхъ сдѣлать упрямцевъ и изъ тупоумныхъ прямо олуховъ.

5. (Какъ побуждать къ занятіямъ.) Если же иногда нужно прибѣгать къ средствамъ поощренія, то это лучше сдѣлать другимъ способомъ, чѣмъ ударами: то чрезъ болѣе рѣзкое слово, то чрезъ порицаніе передъ другими, то чрезъ указаніе на другихъ съ похвалою: «смотри, какъ тотъ или другой внимателенъ, какъ онъ все правильно понимаетъ! а ты сидишь, какъ дубина!» Иногда можно поощрять насмѣшками: «посмотрите на простофилю — такой легкой вещи ты не понимаешь! Гдѣ ты опять блуждаешь своими мыслями?» Могутъ быть введены также недѣльные или по крайней мѣрѣ мѣсячныя соревнованія для приобрѣтенія мѣста или похвалы, такъ и въ другомъ мѣстѣ это уже показано. Только затѣмъ нужно смотрѣть, чтобы это не обращалось въ пустую игру и шутку безъ результатовъ; а чтобы любовь къ похвалѣ и боязнь порицанія и отставанія возбу-

ждали ревность во всѣхъ отношеніяхъ. Потому, прежде всего необходимо, чтобы присутствовалъ учитель, чтобы дѣло велось серьезно и безъ прикрасы, чтобы лѣнивымъ былъ дѣлаемъ выговоръ, прилежные же были хвалимы передъ всѣми.

6. (Дисциплина должна быть примѣняема въ отношеніи нравственности.) Болѣе строгая дисциплина должна быть примѣняема къ тѣмъ, въ которыхъ заключаются нравственные недостатки: 1) безбожіе, выражающееся въ богохульствѣ, необузданности и въ другихъ явныхъ преступленіяхъ заповѣдей Божіихъ; 2) упрямство и намѣренная злость, когда кто-нибудь распоряженія учителя или начальника оставляетъ безъ вниманія и намѣренно и своевольно пренебрегаетъ тѣмъ, что онъ долженъ дѣлать; и 3) гордость и высокомеріе, а также зависть и лѣность, когда ученикъ, къ которому товарищъ обращается съ просьбою, отказывается помочь ему.

7. (И почему это?) Проступки перваго рода оскорбляютъ величіе Божіе, втораго — потрясаютъ основаніе всѣхъ добродѣтелей (смиренія и послушанія), третьяго — тормозятъ и замедляютъ быстрые успѣхи занятій. Что противъ Бога, то злодѣйство, которое должно быть искупаемо самымъ строгимъ наказаніемъ; что кто-нибудь дѣлаетъ противъ людей и самого себя, то несправедливость, которая должна быть исправляема соответствующимъ наставленіемъ; погрѣшность же противъ Прискіана¹⁾ есть ошибка, уничтожаемая выговоромъ. Однимъ словомъ: дисциплина должна имѣть цѣлью во всѣхъ и чрезъ все, возбуждать благоговѣніе передъ Богомъ, услужливость людямъ и ревность къ работамъ и отправленіямъ жизни, которыя чрезъ постоянное упражненіе должны быть укрѣпляемы.

8. (Форма дисциплины, заимствованная отъ небеснаго солнца.) Самую лучшую форму дисциплины показываетъ намъ солнце небесное, которое всему, что растетъ, 1) во всякое время даетъ свѣтъ и теплоту, 2) ча-

сто посылаетъ дождь и вѣтеръ, и 3) изрѣдка громъ и молнію, хотя и эту не пользу.

9. (Какъ ее примѣнять.) Въ подражаніе ему школьное начальство должно стараться приучать юношество къ исполненію своихъ обязанностей.

1) (1.) Чрезъ постоянные примѣры всего того, къ чему приучаютъ, при чемъ сами начальствующіе являются живымъ образомъ. Безъ этого все остальное бесполезно.

2) (2.) Чрезъ поучающее, увѣщающее и иногда также порицающее слово; при чемъ учитель долженъ заботиться о томъ, чтобы всегда — поучаетъ ли онъ, или напоминаетъ, или приказываетъ, или порицаетъ — было ясно, что это дѣлается съ отеческою заботливостью, чтобы все созидалось и ничего не разрушалось. Когда ученикъ не видитъ такой цѣли и когда онъ твердо не убѣжденъ въ ней, то онъ легко можетъ дойти до пренебреженія дисциплиною и до ожесточенія противъ нея;

3) (3) наконецъ однако, если кто-нибудь такого несчастнаго духовнаго склада, что кроткій способъ обращенія оказывается недѣйствительнымъ, тогда нужно приступать къ болѣе сильнымъ средствамъ, чтобы испытать все, пока его не будутъ считать совершенно неспособною къ обработкѣ почвою и не потеряютъ всякія надежды. Быть можетъ въ отношеніи иного человѣка понынѣ имѣетъ значеніе то, что говорится: «фригіецъ можетъ быть исправляемъ только палкою»²⁾. И если сила такого наказанія не подѣйствуютъ на того, къ кому оно примѣняется, то оно принесетъ пользу другимъ тѣмъ, что внушитъ страхъ. Только нужно остерегаться при всякомъ поводѣ угрожать и примѣнять это крайнее средство, чтобы обнаруженія важнѣйшихъ проступковъ не были израсходованы крайнія средства противъ него.

10. (Сущность сказаннаго.) Сущность сказаннаго и того, что еще нужно сказать, сводится къ слѣдующему: школьная дисциплина должна вести къ тому, чтобы намъ въ тѣхъ, кого воспитываемъ для Бога и для церкви, образовать,

постоянно поддерживать и укрѣпить то душевное состояніе, подобное тому, которое Богъ требуетъ отъ своихъ дѣтей — чтобы они радовались съ трепетомъ (Пс. 2, 11), чтобы они со страхомъ и трепетомъ совершали свое спасеніе (Фил. 2, 12) и всегда радовались въ Господѣ (тамъ же 4, 4), чтобы они любили и боялись своихъ воспитателей и чтобы они не только охотно поддавались руководительству учителей, но и сами добровольно стремились къ тому же. Это душевное настроеніе не можетъ быть производимо другими средствами, кромѣ тѣхъ, которыя нами уже указаны, именно добрымъ примѣромъ, любезнымъ словомъ и прямымъ и откровеннымъ обращеніемъ. Рѣзкая же строгость можетъ быть примѣняема только изрѣдка и въ видѣ исключенія и съ тѣмъ, чтобы строгость по возможности разрѣшалась въ любовь.

11. (Сравненіе къ сказанному.) Пояснимъ сказанное еще однимъ примѣромъ: кто когда-нибудь видѣлъ, чтобы золотоковачъ какое-нибудь искусственное изображеніе приготовилъ одними только ударами? Навѣрное никто не видѣлъ. Такія изображенія лучше выливаются, чѣмъ выковываются. И когда въ изображеніи окажется что-нибудь лишнее, то прилежный художникъ не отрубааетъ его молотомъ, но выравниваетъ тихими ударами молоточка или скребетъ напильникомъ или снимаетъ клещами, но всегда осторожно; наконецъ же всегда шлифуетъ и полируетъ. И мы могли бы допустить, что образъ живаго Бога, разумное существо можно воспитывать слѣпымъ свирѣпствомъ?

12. (Другое.) Но также рыбацкъ, который съ большимъ неведомъ отправляется въ глубокія воды ловить рыбу, не только привѣшиваетъ къ неводу олово, которое его погружаетъ въ воду и тянетъ ко дну, но онъ привязываетъ также легкіе куски пробки, удерживающіе противоположный край на поверхности воды. Подобнымъ же образомъ также тотъ, кто съ юношествомъ отправляется на ловли добродѣтелей, долженъ его, съ одной стороны, строгостью принудить къ страху и смиренному послушанію, и съ другой стороны, привѣтливостью

побудить его къ любви и веселости. Счастливы учителя, которые то и другое объединяютъ вмѣстѣ! Счастливо юношество, порученное имъ!

13. Сюда принадлежитъ также сужденіе выдающагося челоуѣка, Эйльгарда Любинуса, доктора богословія, заключающееся въ предисловіи къ его новому завѣту въ греко-латинонѣмецкомъ изданіи, гдѣ онъ трактуетъ объ исправленіи школъ и говоритъ: «Второе требованіе состоитъ въ томъ, чтобы все, что требуется отъ юношества, оно дѣлало не по принужденію, а по возможности добровольно и по собственному побужденію, съ извѣстною душевною радостью. Поэтому я рѣшительно остаюсь при мнѣніи, что рѣчи и побои, орудія для рабовъ, а не для свободно-рожденныхъ, въ школѣ вовсе не должны быть примѣняемы, а должны быть совершенно удалены и допустимы только для рабовъ и для несчастныхъ людей съ холопскимъ образомъ мыслей. Такіе въ школѣ легко узнаются по ихъ признакамъ и должны быть скорѣе удаляемы изъ школъ³⁾, и не только по вялости ихъ естественныхъ способностей, которая по большей части свойственна холопамъ, но также по причинѣ соединенной съ нею испорченности; ибо когда они усвоятъ себѣ ученіе и искусство, то это обратится только въ орудіе низости, будетъ бритвою въ рукахъ бѣснующихся, которою они убьютъ и себя и другихъ. Имѣются другіе роды наказанія для примѣненія къ свободнымъ дѣтямъ и свободно настроеннымъ душамъ.

Глава XXVII.

О четверичномъ дѣленіи школы соотвѣтственно степенямъ возраста и развитія.

1. (Мудрости дѣтей міра должны подражать дѣти свѣта.) Ремесленники для своихъ учениковъ на-

значають известное число лѣтъ (два, три года или болѣе, до семи лѣтъ, смотря по трудности или сложности ремесла), въ продолженіе которыхъ совершается ученіе, послѣ чего всякій, по изученіи всего, относящагося къ искусству, изъ ученика дѣлается подмастерьемъ и, наконецъ, мастеромъ. Тоже самое должно быть установлено въ отношеніи школьнаго обученія, т. е. для искусствъ, наукъ и языковъ должно быть назначено известное время ученія, чтобы въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ оканчивалось все обученіе и изъ этихъ мастерскихъ гуманности выходили истинно образованные, истинно нравственные и истинно богобоязненные люди.

2. (Для дѣла образованія человѣка должно быть опредѣлено все время юности, 24 года.) Для достиженія этой цѣли, я для образованія юношества назначаю все время юности (такъ какъ приходится изучать не только одно искусство, а совокупность свободныхъ искусствъ вмѣстѣ съ всѣми науками и нѣкоторыми языками) отъ дѣтства до зрѣлаго возраста, слѣдовательно, 24 года, которые должны быть раздѣлены на опредѣленные періоды, и именно по указанію самой природы. Опытъ показываетъ намъ, что человѣческое тѣло приблизительно до 25 лѣтъ и не далѣе достигаетъ своей полной вышины, и послѣ въ немъ только прибавляется сила. Мы должны думать, что божественное Провидѣніе человѣческой природѣ потому назначило медленный ростъ (гораздо большія тѣла животныхъ въ нѣсколько мѣсяцевъ или, по крайней мѣрѣ, въ одинъ или два года достигаютъ полной величины), чтобы человѣку было дано больше времени приготовиться къ отправленіямъ жизни.

3. (Раздѣленіе на четыре школы.) Эти годы постепеннаго жизненнаго возростанія мы желаемъ раздѣлить на четыре отдѣльные ступени: дѣтство, отрочество, юношество и зрѣлое юношество, при чемъ для каждой ступени назначаемъ шесть лѣтъ и особую школу, именно:

- I. для дѣтства — материнская школа.
- II. для отрочества — элементарная, или народная школа,
- III. для юношества — латинская школа, или гимназія,
- VI. для зрѣлаго юношества — академія и путешествія.

Материнская школа должна быть въ каждомъ домѣ; народная школа въ каждомъ обществѣ, каждой деревнѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ; гимназія въ каждомъ городѣ и университетъ въ каждой странѣ или провинціи.

4. (Школьныя работы различаются не по матеріалу, а по формѣ.) Въ этихъ, хотя и различныхъ школахъ, должно быть преподаваемо однако не различное, а одно и то же различнымъ образомъ, именно все, что въ состояніи дѣлать человекъ человекомъ, христіанина христіаномъ, ученаго ученымъ, но по степени возраста жизни и предшествующей подготовки, ибо науки по законамъ этого естественнаго метода не отрываются другъ отъ друга, а всѣ преподаются одновременно, какъ дерево растетъ одновременно во всѣхъ частяхъ своихъ, какъ въ этомъ году, такъ и въ слѣдующемъ и такъ до тѣхъ поръ, пока оно будетъ жить, даже чрезъ сто лѣтъ.

5. (Различіе школъ на основаніи формы упражненій.) Однако здѣсь тройкое различіе: во-первыхъ, что въ низшихъ школахъ все изучается въ болѣе общемъ видѣ и въ очеркахъ, въ высшихъ же больше въ частностяхъ и подробнѣе; подобно тому, какъ дерево въ продолженіе каждаго новаго года выпускаетъ больше сучьевъ и вѣтвей, болѣе крѣпнетъ и приноситъ больше плодовъ.

6. Во-вторыхъ, что въ материнской школѣ по преимуществу упражняются внѣшнія чувства, чтобы они привыкли правильнымъ образомъ обращаться съ предметами и различать ихъ. Въ народной школѣ

упражняются внутреннія чувства, сила воображенія и память, вмѣстѣ съ ихъ органами рукою и языкомъ чрезъ чтеніе, письмо, рисованіе, пѣніе, счисленіе, мѣреніе, взвѣшиваніе и затверженіе въ памяти. Въ гимназій развивается пониманіе и сужденіе о всѣхъ чувствами воспринятыхъ предметахъ, посредствомъ діалектики, грамматики, реторики и другихъ реальныхъ наукъ и искусствъ. Академія наконецъ внушаетъ по преимуществу то, что имѣетъ отношеніе къ волѣ¹⁾; отдѣльные факультеты находятся между собою въ гармоніи: благородный характеръ воспитываетъ богословіе, разсудокъ развиваетъ философія, тѣлеснымъ жизненнымъ отправленіямъ учитъ медицина и внѣшнія блага обезпечиваетъ юриспруденція.

7. (Основаніе этой постепенности.) Въ томъ и состоитъ истинный методъ правильно образовать души, чтобы предметы сначала представлялись внѣшнимъ чувствамъ, съ которыми они приходятъ въ непосредственное соприкосновеніе. Затѣмъ должны быть пробуждаемы внутреннія чувства, чтобы они научились снова выражать внѣшнимъ воспріятіемъ напечатлѣнные образы вещей и представлять ихъ себѣ и именно, какъ внутри чрезъ возобновленіе въ памяти, такъ и внѣшнимъ образомъ, при посредствѣ рукъ и языка. Когда все это подготовлено, тогда только вступаетъ въ дѣйствіе разсудокъ — все чрезъ подробное наблюденіе сравнивается между собою и взвѣшивается, чтобы основательно познать отношенія всѣхъ вещей, изъ чего получится истинное пониманіе и правильное сужденіе о нихъ. Наконецъ, воля (средочіе человѣка и руководительница всѣхъ его дѣйствій) должна приучиться свое господство съ правомъ простираетъ на все. Образовывать волю до пониманія вещей (какъ образовывать разсудокъ до силы воображенія и силу воображенія до чувственности) потерянный трудъ²⁾. И это однако дѣлаютъ тѣ, которые еще до знакомства дѣтей съ чувственными предметами преподаютъ имъ логику, поэтическое искусство, реторику и этику и которые потому поступаютъ такъ

же, какъ еслибы двухлѣтнее дитя, едва ступающее нетвердыми шагами нѣсколько шаговъ, стали учить танцамъ. Мы твердо убѣждены въ положеніи, что мы вездѣ должны слѣдовать природѣ, какъ руководительницѣ, и какъ она свои силы раскрываетъ одну за другою, примѣчать содѣйствіе ея.

8. (Одни образовываются здѣсь, другіе тамъ.) Третье различіе будетъ состоять въ томъ, что низкія ступени, материнская и народная школа будутъ воспитывать юношество обоюго пола, латинская же школа по преимуществу юношей, стремленіе которыхъ идетъ дальше знанія ремесль, и, наконецъ, академіи будутъ воспитывать тѣхъ, которые сами хотятъ быть учителями и руководителями другихъ, чтобы у церкви, школы и государства никогда не было недостатка въ подходящихъ органахъ управленія.

9. (Четверичное дѣленіе школы соотвѣтствуетъ четыремъ временамъ года.) Эти четыре рода школъ удачно можно сравнить съ четырьмя временами года. Материнская школа есть радостный май, украшенный разнообразнымъ благоуханіемъ всходовъ и цвѣтовъ. Народная школа представляетъ собою лѣто, приносящее полные колосья съ нѣкоторыми скороспѣлыми плодами. Гимназія можетъ соотвѣтствовать осени, которая собираетъ обильные плоды и на полѣ, и въ саду, и въ виноградникѣ и складываетъ въ сокровищницу духа. Университетъ, наконецъ, изображаетъ намъ зиму, которая учитъ разнообразному пользованію собранными плодами, чтобы было что-нибудь на готовѣ для прожитія послѣдующей жизни.

10. (И деревьямъ, растущимъ на четырехъ ступеняхъ.) Такой способъ воспитанія юношества можно сравнить также съ садоводствомъ. Шестилѣтнія дѣти, воспитанныя отцовскою и материнскою заботливостію, могутъ быть сравнены съ деревцами, осторожно посаженными, пустившими крѣпкіе корни и начинающими выпускать вѣточки внѣ себя. Мальчики двѣнадцати лѣтъ подобны молодымъ деревьямъ, покрывающимся сучьями и листьями; что въ нихъ заключается, еще не видно, но скоро обнаружится. Осьмна-

дцатилѣтніе юноши, знающіе уже языки и науки, подобны дереву въ полномъ цвѣтѣ, которое для глазъ представляетъ пріятное зрѣлище и носу даетъ благоуханіе, и въ пищу общаетъ вѣрные плоды. Молодые люди двадцати четырехъ или — пяти лѣтъ, окончившіе академическій курсъ занятій, наконецъ представляютъ дерево, сплошь покрытое плодами, которые пора срывать и употреблять съ пользою.

Однако это должно быть изложено подробнѣе.

XXVIII. Глава.

Идея материнской школы.

1. (Прежде всего должно искать начальныя основанія вещей.) Что дерево должно имѣть въ видѣ главныхъ сучьевъ, то оно уже въ первые годы выпускаетъ изъ своего ствола, такъ что послѣ ему остается только расти. Чѣмъ, слѣдовательно, мы подобнымъ же образомъ желаемъ снабдить человѣка на всю жизнь, то должно быть привито ему уже въ этой первой школѣ. Что это возможно, будетъ ясно, когда мы переберемъ всѣ роды того, что достойно быть познаннымъ. Все это я кратко перечислю въ двадцати пунктахъ.

2. (I. Перечень того, что достойно быть познаннымъ.) Такъ называемая метафизика, конечно, полагаетъ здѣсь начало. Малымъ дѣтямъ сначала все представляется въ общихъ запутанныхъ чертахъ; они замѣчаютъ, что то, что они видятъ, вкушаютъ, ощущаютъ, есть нѣчто; но они не выдѣляютъ, что оно такое въ частности; только уже позднѣе прибавляется это различеніе. Они, слѣдовательно, начинаютъ понимать общія выраженія: нѣчто, ничто, есть, нѣтъ, такъ, иначе, гдѣ, когда и т. д. Сходно, несходно и т. д., и это несомнѣнно основныя понятія метафизики¹⁾.

3. II. Что касается физики, то дитя въ продолженіе шести лѣтъ можетъ быть доведено до того, что будетъ знать,

что такое вода, земля, воздухъ, дождь, снѣгъ, ледъ, камень, желѣзо, дерево, растеніе, птица, рыба, скоть и т. д. Также оно можетъ научиться знать названія и употребленіе членовъ своего тѣла, по крайней мѣрѣ внѣшнихъ. Это въ данномъ возрастѣ жизни легко изучается и образуетъ собою грубые начатки естественно-научнаго знанія.

4. III. Въ оптикѣ дитя получаетъ начальныя знанія, когда узнаетъ и научается называть свѣтъ, темноту, тѣнь, также различіе главныхъ цвѣтовъ: бѣлый, черный, красный и т. д.

5. IV. Въ астрономіи начало состоитъ въ томъ, что дитя узнаетъ, что называется небомъ, солнцемъ, луною, звѣздами, и когда оно замѣчаетъ, что они ежедневно восходятъ и заходятъ.

6. V. Въ географіи полагаются первыя основанія, когда дѣти научатся понимать, что такое гора, долина, поле, рѣка, деревня, мѣстечко, городъ, смотря по расположенію мѣстности, гдѣ они родились.

7. VI. Хронологіи полагается основаніе, когда дитя понимаетъ, что такое часъ, день, недѣля, годъ и т. д., далѣе зима, лѣто и т. п., наконецъ, вчера, завтра, послѣзавтра и т. д.

8. VII. Для исторіи полагается начало, когда дитя можетъ вспоминать и сообщать, что недавно случилось, что тотъ или другой по тому или другому дѣлу сдѣлалъ; конечно, это можетъ быть только дѣтское.

9. VIII. Ариѣметика пускаетъ свои первые корни, когда дитя различаетъ, что называется много и мало; когда оно можетъ считать до десяти; когда оно замѣчаетъ, что три больше, чѣмъ два, что отъ присоединенія единицы къ тремъ получается четыре и т. д.

10. IX. Дитя усвоило элементы геометріи, когда оно знаетъ, что называется большимъ и малымъ, длиннымъ и короткимъ, широкимъ и узкимъ, толстымъ и тонкимъ; также, что называется линіею, крестомъ, кругомъ и т. д.,

и когда оно видитъ, что вещи измѣряются пядью, локтемъ или саженью и т. д.

11. X. Также въ статикѣ можетъ быть положено начало, когда дитя видитъ, что вѣсами взвѣшиваютъ вещи, или когда оно само своею рукою научается пробовать, тяжела ли или легка вещь.

12. XI. Первое наставленіе въ механикѣ дѣти получать, когда имъ позволяютъ и также побуждаютъ всегда что-нибудь предпринимать, одинъ предметъ переносить то сюда, то туда, ставить то такъ, то иначе; строить и ломать, складывать и разнимать, какъ дѣти въ данномъ возрастѣ дѣлаютъ это съ удовольствіемъ. Такъ какъ эти вещи ничто иное, какъ усилія вдохновенныхъ головъ къ искусственному произведенію различныхъ предметовъ, то имъ не должно препятствовать, а, напротивъ, должно ихъ поддерживать и съ осторожностью руководить.

13. XII. Діалектика разсудка уже здѣсь даетъ себя знать и пускаетъ всходы, когда дитя, замѣчая, что чрезъ вопросы и отвѣты ведется разговоръ, приучается также само что-нибудь спрашивать и давать отвѣты. Его нужно только руководить правильно спрашивать и отвѣчать непосредственно на вопросы²⁾, чтобы оно приучалось при данной темѣ сосредоточиваться на ней своими мыслями.

14. XIII. Дѣтская грамматика будетъ въ томъ состоять, чтобы правильно произносился родной языкъ, т. е. чтобы раздѣльно выговаривались звуки, слоги и слова.

15. XIV. Начатки реторики будутъ состоять въ подражаніи тропамъ и фигурамъ, встрѣчающимся въ родномъ языкѣ; въ особенности же сюда относится подходящая жестикауляція при говореніи, вмѣстѣ съ свойственною рѣчи интонаціею, именно, чтобы при спрашиваніи послѣдніе слоги произносились громче, при отвѣчаніи тише и т. п. Этому учить, такъ сказать, природа сама; и когда при этомъ встрѣчается уклоненіе, то оно осмотрительнымъ руководствомъ можетъ быть легко исправлено.

16. XV. Къ развитію вкуса къ поэзіи послужить то, когда дѣти въ самомъ раннемъ возрастѣ заучиваютъ много стиховъ, по преимуществу нравственнаго содержанія, безразлично, будутъ ли они ритмическіе или метрическіе, какъ въ какомъ языкѣ обычно.

17. XVI. Первыми начатками музыки будетъ то, когда дитя научится пѣть болѣе легкое изъ псалмовъ и духовныхъ пѣсней, что достигается чрезъ еженедѣльную молитву.

18. XVII. Первыя начала науки о домашнемъ хозяйствѣ (экономіи) дитя усвоить вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ узнаетъ названія лицъ, изъ которыхъ состоитъ семейство, именно, кто называется отцомъ, матерью, служанкою, работникомъ и т. д.; подобнымъ же образомъ названія частей дома, сѣни, кухня, спальня, конюшня и т. д., какъ и домашней утвари, столъ, ключъ, ножъ, метла и т. д., вмѣстѣ съ ихъ употребленіемъ.

19. XVIII. О политикѣ меньше можно внушить понятій, такъ какъ кругозоръ этого нѣжнаго возраста едва простирается за предѣлы дома; но и здѣсь кое-что улавливается дѣтьми, именно когда они замѣчаютъ, что одни собираются въ ратгаузъ и называются ратсгерами и что въ особенности, одинъ изъ нихъ называется бургомистромъ, чиновникомъ, нотаріусомъ.

20. XIX. Но нравоученіе здѣсь особеннымъ образомъ должно получить твердыя основанія,³⁾ если мы желаемъ, чтобы благовоспитанному юношеству добродѣтели были какъ бы прирождены, напр.:

(1) умѣренность чрезъ соблюденіе мѣры питанія и недопущеніе пищи сверхъ утоленія голода и жажды.

(2) Чистота за столомъ, въ одеждѣ и даже содержаніе въ чистотѣ куколъ и игрушекъ.

(3) Почтительность къ высшимъ и начальствующимъ.

(4) Повиновеніе приказанію и запрещенію, всегда радостное и точное.

(5) Добросовѣстная правдивость⁴⁾ во всѣхъ обнару-

женіяхъ, когда ребенку никогда не позволяютъ лгать или обманывать ни въ шутку, ни серьезно (такъ какъ дурная шутка, наконецъ, можетъ обратиться въ серьезное преступленіе).

(6) Справедливости они учатся, когда не прикасаются ни къ чему чужому противъ воли собственника, когда ничего чужого не берутъ, не задерживаютъ у себя, не скрываютъ, когда никому не причиняютъ страданій, никому не завидуютъ и т. д.

(7) Наоборотъ ихъ должно учить любви⁵), чтобы они всегда были готовы жертвовать изъ своего достоянія, когда видятъ кого-нибудь въ нуждѣ, и это они должны дѣлать добровольно. Это-то преимущественно христіанская добродѣтель, которая болѣе всего рекомендована намъ Духомъ Христовымъ и къ которой въ особенности въ нынѣшній холодный старческій возрастъ міра воспламенять сердца благотворно для церкви.

(8) Также необходимо приучать дѣтей къ работамъ и постояннымъ занятіямъ серьезно ли или въ видѣ игры, чтобы праздность была для нихъ противна.

(9) Они должны учиться не всегда болтать и высказывать, что на умъ придетъ, но также съ разсужденіемъ молчать, когда дѣло того потребуетъ. Это именно тогда, когда другіе говорятъ, когда присутствуютъ уважаемыя личности или когда дѣло требуетъ молчанія.

(10) Въ особенности въ этомъ первомъ возрастѣ жизни они должны быть приучаемы къ терпѣнью, которое необходимо для нихъ въ продолженіе всей жизни, для обузданія эффектовъ прежде чѣмъ они успѣютъ пустить корни и развиться; они должны учиться въ жизни своей руководствоваться разумомъ, а не минутнымъ возбужденіемъ, гнѣвъ лучше обуздывать, чѣмъ давать ему волю.

(11.) Услужливость и готовность служить другимъ есть выдающееся украшеніе для юношества, а также на всю жизнь для человѣка. Потому въ ней они должны быть упражняемы уже въ первомъ возрастѣ жизни, чтобы они никогда не опускали случая при надобности послужить другимъ.

(12.) Къ этому должна присоединяться извѣстная ровность внѣшняго обращенія, чтобы они ничего не дѣлали неловко или неуклюже, а все съ соблюденіемъ приличія. Сюда принадлежатъ формы почтительной просьбы, когда они въ чемъ-нибудь нуждаются, и благодаренія, когда имъ сдѣлано доброе дѣло; приличные поклоны, цѣлованіе руки и т. п.

21. XX. Въ религіи и богобоязненности, наконецъ, шестилѣтнія дѣти могутъ быть доведены до того, что могутъ знать наизусть главы катехизиса, основанія христіанской вѣры и насколько возрастъ позволяетъ, также понимать и примѣнять въ практической жизни. Они должны пріучиться, по чувству благоговѣнія передъ Высшимъ Существомъ, не дѣлать никакого зла, видя вездѣ присутствіе Божества и боясь Его, какъ правосуднаго Карателя за зло, любя, почитая, призывая и православляя Его, какъ благаго Мздовоздавателя за добро, ожидая отъ Него милосердія и въ жизни и смерти, и не опускать дѣлать добро, что угодно Ему, и такимъ образомъ жить какъ бы передъ очами Божиими.

22. (Полезьа для юношества отъ такого воспитанія.) Тогда о дѣтяхъ христіанъ можно сказать то, что евангелистъ говоритъ о Христѣ: Онъ преуспѣвалъ въ премудрости и возрастѣ и въ любви у Бога и человѣковъ. (Лук. 2, 52.)

23. (Почему здѣсь не можетъ быть сдѣлано болѣе подробныхъ предписаній.) Это цѣли, задачи материнской школы. Развить это въ подробностяхъ и показать въ табеллярныхъ обзорахъ, то и сколько должно быть пройдено въ отдѣльные годы, мѣсяцы и дни (какъ это мною рекомендуется для народной и латинской школѣ) здѣсь невозможно и именно по двоякому основанію. Во-первыхъ потому, что для родителей при ихъ домашнихъ дѣлахъ невозможно такъ точно придерживаваться порядка, какъ въ общественныхъ школахъ, гдѣ нѣтъ другого дѣла, кромѣ образованія юношества. Во-вторыхъ потому, что разсудокъ и способность къ ученію у дѣтей обнаруживаются не равномѣрно, у одного раньше, у другого позднѣе. Встрѣчаются дѣти, которыя въ два года и

дщерь ли имаши, положи на ней грозу свою и зблуденіи ея от телесных, да не посрамиши лица своего, да в послушаніи ходят . . . Любиа же сына своего учацаи ему раны, да послѣди о нем возвеселишисъ. Казни сына своего измлада, і порадуетис о нем в мужествѣ... воспитаи дѣти с прещеніем, обрящещи от них покои и благословеніе, не смѣйся игры творя к нему в малѣ, в малѣ бо осклабитис, а в велици по болиши скорбя, і последи я осколигши твориши души твоей, и не даи же ему власти во юности, но сокруши ему ребро, донелиж ростеть, да ожесточавъ не повинеттися, и будет ти от него досаженіе и болѣзнь души и тцета домови, и погибель имѣнію, і укоризна отъ сусѣдъ, и посмѣхъ предъ враги, і предъ властели платаж, и до досада зла» (ст. 61—62)*).

Отсюда видно, что Домострой придаетъ большое значеніе тѣлесному наказанію, вѣритъ въ педагогическое значеніе жезла. Не слѣдуетъ, однако, изъ этого дѣлать тотъ выводъ, какъ дѣлали это многіе, что древняя русская педагогія отличалась крайней жестокостью. Правда, нравы были далеко не мягкіе, но и въ самомъ Домостроѣ не разъ слышатся слова любви и кротости, которыя такъ часты въ другихъ древне-русскихъ сборникахъ: «обучая дѣтей, надо любить ихъ и беречь».

Проф. Ключевскій**) говоритъ даже, что «педагогическій жезлъ былъ больше метафизическій, чѣмъ реальній. Великое значеніе приписывалось ему только въ планахъ, ради логической стройности и послѣдовательности. О жезлѣ, кажется, охотнѣе писали, чѣмъ примѣняли къ дѣлу.

Государь дома являлся воспитателемъ всей семьи: онъ долженъ былъ учить и жену, и дѣтей, и домочадцевъ «не красти, не блясти, не солгати, не оклеветати, не завидѣти, не обидити чюжаго, не претис всуе, не осужати, не бражничати, не просмѣивати, ни помнити зла, не гнѣватис ни на кого, і к болшимъ быти послушну и покорну, а к среднимъ любовну, а к меншимъ і ко убогимъ привѣтну і милостиву (глава 25, ст. 69)».

*) Срав. соотвѣт. мѣста въ Измарагдахъ. Гл. XII Ист. р. ц.

**) См. рѣчь его «Два воспитанія» 1893 г.

«А людей у себя держи дворовыхъ добрыхъ, чтобы были рукодѣльны, и кто чего достоинъ, и такому рукодѣлію учи, а не воръ бы былъ, ни бражникъ, не зерщикъ, не тать, ни разбойник, ни блудник, ни всякому злу не творец. всякой бы человекъ у доброго господаря первое наученъ страху Божию, потомъ всякой добродѣтели, въжеству, и смиренію, і доброму промыслу, і домовному строенію» (глава 26, ст. 70).

Надо заботиться и о матеріальномъ благосостояніи слугъ: «А государь и государыня людей своихъ жаловали бѣ и поили, кормили, и покоили, и одѣвали, и въ теплѣ бы жили, и во всякомъ покоѣ и во благоденствѣ всегда».

Домострой даетъ совѣты, чтобы все въ жизни семейной и общественной дѣлалось въ любви, тишинѣ, мирѣ и согласіи. Онъ предписываетъ милосердіе. «Подобаетъ убо мужемъ поучати женъ своихъ с любовью, і благоразсуднымъ наказаніемъ, жены мужіи своихъ вопрошаютъ о всякомъ благочиніи, како душа спасти, і Богу і мужу угодити и дом свои добрѣ строить, и во всемъ мужу покорятися, что онъ накажетъ, то с любовью і со страхомъ внимати і творити по его наказанію, и по сему писанію» (глава 23, ст. 85).

Остальныя главы «Домостроя» заключаютъ въ себѣ различные хозяйственные совѣты. Здѣсь говорится о всѣхъ сторонахъ хозяйства съ величайшею подробностью, доходящею до мелочей.

«Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну» (64-я глава) написано Сильвестромъ для своего сына Аноима и его жены. Его называютъ еще малымъ Домостроемъ, такъ какъ оно представляетъ извлеченіе или сокращеніе большого Домостроя. Завѣщаніе это, между прочимъ, очень хорошо характеризуетъ личность самого Сильвестра. Подобно Владиміру Мономаху, который въ своемъ поученіи рассказываетъ дѣтямъ о своей жизни, и Сильвестръ въ подкрѣпленіи своихъ наставленій указываетъ своему сыну на свою собственную жизнь. «Ты видѣль, сынъ мой, говоритъ онъ, какъ я жилъ въ этомъ житіи, во благословеніи и страхѣ Божиемъ, въ простотѣ сердца и церковномъ прилежаніи, всегда пользуясь божественнымъ пи-

саніемъ ; какъ, Божию милостію, я отъ всѣхъ былъ почитаемъ и всѣми любимъ, какъ всякому я старался угодить въ потребныхъ случаяхъ и рукодѣліемъ, и службою, и покорностью, а не гордынею, ни прекословіемъ. Не осуждалъ я никого, не осмѣивалъ, не укорялъ и ни съ кѣмъ не бранился ; приходила отъ кого обида, терпѣлъ ради Бога и на себя вину полагалъ, и чрезъ то враги дѣлались друзьями. Не пропускалъ я никогда церковнаго пѣнія отъ юности моей и до сего времени, развѣ только по немощи. Никогда не презрѣлъ ни нищаго, ни страннаго, ни печальнаго, развѣ только по невѣдѣнію ; заключенныхъ въ темницы и больныхъ посѣщалъ, плѣнниковъ и должниковъ, по силѣ, выкупалъ, голодныхъ по силѣ кормилъ. Рабовъ своихъ всѣхъ освободилъ и надѣлилъ, и иныхъ выкупалъ изъ рабства и на свободу отпускалъ... Видѣлъ ты, чадо, какъ многихъ сиротъ, рабовъ и убогихъ, мужскаго пола и женскаго, и въ Новгородѣ и здѣсь въ Москвѣ, я вспоилъ и вскормилъ до совершеннаго возраста и научилъ, кто къ чему былъ способенъ ; многихъ грамотѣ, писать и пѣть, иныхъ иконному письму, иныхъ книжному рукодѣлію, однихъ серебряному мастерству, другихъ всякому рукодѣлію, а иныхъ научилъ всякой торговлѣ. А мать твоя многихъ дѣвицъ и вдовыхъ и убогихъ воспитала въ добромъ наказаніи, научила рукодѣлію и всякому домашнему обиходу... Самъ знаешь, что не богатствомъ жилъ я съ добрыми людьми, а правдою, да ласкою, да любовью, а не гордостью, и безо всякой лжи*).

Домострой игралъ несомнѣнную и громадную роль въ XVI и XVII вв. и даже гораздо позже ; но давая на все подробныя и точныя правила, онъ заключалъ жизнь въ очень тѣсныя рамки, мѣшалъ ея свободному развитію. Вліяніе школы-семьи было непрерывное, постоянное ; но древняя русская школа — семья не способствовала всестороннему развитію личности, порой подавляла ее, и въ этомъ ея важный недостатокъ.

*) Приведено у И. Порфирьева. Исторія русской словесности. Казань. 1886. Древній періодъ ч. I ст. 555.

Подведемъ теперь итогъ сказанному.

Изъ краткаго обзорѣнія древне-русскихъ сборниковъ: Пчель, Прологовъ, Златоустовъ, Измарагда и Домостроя мы пришли къ тому заключенію, что они имѣли въ древне-русской жизни высокое педагогическое значеніе. Они были проводниками христіанскихъ идей о любви, милосердіи, послушаніи. Въ постоянномъ чтеніи ихъ русскіе книжники почерпали силы для благочестивой и нравственной жизни. Основная цѣль почти всѣхъ древне-русскихъ сборниковъ — доставить назидательное чтеніе — пришлась по вкусу и потребностямъ древне-русскихъ читателей; вотъ почему эти сборники неоднократно переписывались и имѣли большое распространеніе въ древне-русскомъ обществѣ. Пчелы, напр., признаютъ, что источникъ и мать мудрости есть добродѣтель, что учить надо правомъ, примѣромъ добродѣтельной жизни, а не словомъ только, что ученье должно быть пріемлемо съ радостью, должно быть пріятно и интересно учащимся. Самая афористичность Пчель приходилась по вкусамъ и по силамъ нашимъ предкамъ, которые безъ труда запоминали мысли изъ Пчель и при случаѣ пользовались ими, проводили ихъ въ жизнь.

Прологи и патерики настойчиво проводили христіанское ученіе о любви къ Богу и ближнему и своей идеализаціей монашества способствовали у насъ развитію монастырей, бывшихъ въ древности разсадниками просвѣщенія.

На педагогическія возрѣнія и убѣжденія нашихъ предковъ весьма вліяла Библія и св. отцы церкви, но особеннымъ вліяніемъ, почетомъ и авторитетомъ пользовался І. Златоустъ, сочиненія котораго во множествѣ списковъ, въ видѣ т. н. Златоустовъ, обращались въ древней Руси и были не только хорошо знакомы нашимъ книжникамъ, но и дали толчекъ русскимъ педагогическимъ сочиненіямъ, которыя во многомъ подражали соч. І. Златоуста «о воспитаніи дѣтей».

І. Златоустъ прямо высказываетъ убѣжденіе, что зло вкореняется велѣдствіе дурного воспитанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно высказываетъ свою вѣру въ могущество воспитанія «не отъ естества приходитъ людямъ зло, но своею волею

злы бываемъ». Какъ высоко цѣнился въ русской письменности I. Златоустъ видно изъ того, что въ древне русскихъ сборникахъ, особенно Измарагдахъ, есть немало статей приписываемыхъ I. Златоусту, въ дѣйствительности же принадлежащихъ русскимъ авторамъ.

Сборникъ Измарагдъ былъ въ частомъ домашнемъ употребленіи и былъ интересно и поучительно составленъ. Измарагдъ представляетъ намъ отраженіе умственныхъ интересовъ болѣе грамотной среды древне-русскаго общества, а неизвѣстный его составитель является однимъ изъ лучшихъ представителей древней Руси. Въ Измарагдѣ настойчиво проводится мысль, что для духовнаго спасенія необходимо книжное ученіе и что спасеніе получается не за исполненіе внѣшнихъ обрядовъ религіи, но за добродѣтельную жизнь и любовь къ ближнему. Эта любовь есть основаніе христіанской жизни.

Домострой представляетъ кодексъ правилъ домашней жизни, которымъ руководились не только въ XVI и XVII вв., но и гораздо позже. Это — зеркало нашего древняго быта; поэтому педагогическія взгляды Домостроя имѣютъ для насъ большое значеніе. Домострой по преимуществу воспитывалъ волю старшаго и въ этомъ отношеніи соотвѣтствовалъ точно задачамъ русской жизни, проявленнымъ исторіей, которая и вся можетъ быть резюмирована, какъ медленный и постоянный процессъ выработки твердой воли. Предписанія Домостроя, хотя по временамъ отличаются суровостью и имѣютъ указанные нами недостатки, въ общемъ направлены къ благой цѣли — твердому и прочному устроенію русской семьи, какъ основы всего русскаго государства.

Источники и пособія. Главнымъ источникомъ служилъ Домострой по списку Императорскаго Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ. Москва. 1882. — Пособіями были: И. Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII ст.

Москва 1872 г. — Порфирьевъ И. Исторія русской словести, ч. I. Древній періодъ Казань 1886 г. — Некрасовъ. Изслѣдованіе о происхожденіи древне-русскаго Домостроя.

Глава XIV.

Юго-западные братства и школы.

(XVI и XVII в.)

Извѣстно, что монгольское иго способствовало раздѣленію Руси на юго-западную и сѣверо-восточную. Историческая судьба каждой въ теченіе трехъ вѣковъ была не одна и та же. Юго-западная Русь, вошедшая въ составъ великаго княжества Литовскаго, своимъ просвѣщеніемъ, стремленіемъ къ образованію, заведеніемъ школъ, типографій значительно опередила сѣверо-восточную, чему немало способствовали близость Литвы къ Западной Европѣ и Польшѣ; съ послѣднею она при Ягеллѣ соединилась въ одно государство (1386 г.), а потомъ при Сигизмундѣ Августѣ была присоединена и окончательно (1569 г.).

Умственное и религиозное движеніе XV и XVI в. въ Западной Европѣ, отразившееся на Польшѣ, имѣло вліяніе на Юго-Западную Русь. Лица, принадлежавшія къ высшему дворянству, начиная съ XV в., нерѣдко получали образованіе въ Прагѣ, Краковѣ и другихъ городахъ, гдѣ существовали университеты и академіи, совершали путешествія по Европѣ и такимъ образомъ усвоивали европейскіе обычаи и нравы.

Чтобы крѣпче привязать Русь къ себѣ, Польша составила планъ сдѣлать ее латинскою, уничтожить въ ней православную вѣру, русскій языкъ и народность. Важнѣйшимъ орудіемъ для исполненія этого плана явились иезуиты, которымъ Августъ открылъ свободный доступъ въ Польшу. Они тотчасъ же начали дѣятельную пропаганду

латинства, писали сочиненія противъ православія, но главное могучее орудіе, силу котораго они лучше, чѣмъ кто бы то ни было, оцѣнили, было воспитаніе юношества. Для воспитанія ревностныхъ приверженцевъ католической церкви и дѣятельныхъ противниковъ православія они заводили въ различныхъ важнѣйшихъ польскихъ и русскихъ городахъ училища. Для простого же народа придумали и осуществили унію (1596 г.). Но со времени люблинской уніи и появленія въ литовско-русскихъ областяхъ іезуитовъ, въ средѣ наиболѣе дальновидныхъ южно-русцевъ явилось сознание въ неотложной необходимости научнаго образованія, явилось сознание, что то «вельми много зашкодило панству русскому, же не могли школь и наукъ посполитыхъ розширяти и оныхъ не фундовано: бо коли бы были науку мѣли, тогда бы за невѣдомостію своею не пришли до таковыя погибели», потому что православные «не маючи своихъ наукъ, у науки Римскія свои дѣти давати почали, которые зъ науками и вѣры ихъ навыкли, и такъ мало по малу науками своѣми все панство Русское до вѣры Римской привели*)». Результатомъ такого сознанія было заведеніе школъ въ Острогѣ, Брестѣ, Вильнѣ, Могилевѣ и др. городахъ.

Лучшіе русскіе люди тогдашняго времени сознавали, что іезуиты обладаютъ могучимъ средствомъ и что съ ними можно бороться только равнымъ оружіемъ. Поэтому нѣкоторые наиболѣе образованные и знатные русскіе вельможи, еще до введенія уніи, начали заботиться объ основательномъ образованіи въ духѣ православія. Такими энергичными защитниками православія явились въ Литвѣ князь Курбскій и князь Константинъ Острожскій. Курбскій и лично, и письменно убѣждалъ богатыхъ лицъ не отдавать дѣтей въ іезуитскіе коллегіумы, а воспитывать ихъ въ духѣ православія на прилежномъ изученіи св. отцовъ и учителей церкви.

Князь Константинъ Острожскій открылъ высшее училище

---

*) Привед. у С. Голубева. Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его подвижники, т. I ст. 413.

въ Острогѣ (1580 г.), завелъ при немъ типографію, въ которой было напечатано много книгъ богослужебныхъ и учительныхъ; стараніями его была издана въ Острогѣ (1580—1581 г.) первая полная славянская Библия. «Со скорбію видѣлъ князь Острожскій, говоритъ М. А. Максимовичъ*), какъ іезуиты, пригнѣбленные королемъ Баторіемъ для распространенія «свободныхъ наукъ» въ Польшѣ, заткали ее своею хитромысленною паутиною и водворили въ ней вѣрогоненія, проявившіяся такъ сильно въ правленіе Жигимонта III Вазы». Князь К. Острожскій, подобно отцу своему, славенъ былъ военными подвигами, неоднократно поражалъ орды татарскія, насылая на нихъ и подвластное ему казачество Украинское. «Но не военные дѣла составили ему имя въ исторіи. Онъ стяжалъ себѣ славу, какъ великій поборникъ православія, какъ защитникъ и утѣшитель православнаго западно-русскаго народа, когда настало гоненіе на православіе со стороны латинства».

Отъ пастырей духовныхъ онъ требовалъ преимущественно двухъ качествъ: святости жизни и знанія священнаго писанія, и выражалъ желаніе, чтобы способнѣйшіе иноки учились по-славянски, по-гречески и по-латыни**), Много писали также о богатствѣ и пышности его двора, но лучшимъ украшеніемъ при его Острожскомъ дворѣ были, конечно, училище и типографія, заведенныя имъ въ Острогѣ. Острожское училище было первою на Руси греко-латинскою школою для преподаванія «вызволненныхъ или вольныхъ наукъ» по примѣру училищъ западно-латинскихъ. Острожское училище, основанное въ 1580 г., въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ изданіяхъ того времени именовалось даже «академіею», въ чемъ справедливо видятъ намѣреніе князя создать высшее учебное заведеніе. Что во всякомъ случаѣ училище не имѣло уже характера элементарной школы, это видно и изъ другого ея названія «Школа

*) См. Собраніе сочиненій т. I. Отд. истор. Кіевъ 1876 г. ст. 177.

**) См. Запись кн. Острожскаго Конст. Конст. на преобразование Дерманскаго монастыря въ общежительный. 1602 г. Памятникъ, издан. временною комис. для разбора древнихъ актовъ, т. IV ст. 34.

гречкая (греческая) у Острогу»; о томъ же самомъ свидѣ-
тельствуется и установленный для нея курсъ наукъ.)

Въ острожскомъ училищѣ преподавались съ самого осно-
ванія его греческій языкъ, чего не бываетъ въ школахъ эле-
ментарныхъ. Ректоромъ его былъ образованный человекъ
того времени, посѣщавшій европейскіе университеты, экзархъ
александрійскій Кирилль Лукарьскій. Заботясь о просвѣщеніи,
князь Острожскій собственноручно писалъ сенатору Поцѣю,
«чтобы позаботиться между прочимъ о закладаніи школъ и
наукъ вольныхъ, а звлща для цвиченя духовныхъ, пыльно
потреба, жебыхъ мо мѣли ученые пресвитеры и казюдѣ до-
брые; бо за тымъ, ижъ наукъ нѣтъ, великое грубіанство въ
нашихъ духовныхъ умножилось»*).

Должно быть, подобно острожской школѣ завелъ у себя
школу и двоюродный братъ кн. Острожскаго кн. Юр. Юр.
Слуцкій, такъ какъ Антоній Поссевинъ въ своихъ донесеніяхъ
папѣ Григорію XIII (1581 г.) говоритъ, что «князья Острож-
скій и Слуцкій имѣютъ свои типографіи и училища, въ коихъ
сей расколъ питается (т. е. наша православная вѣра)». Изъ
первыхъ питомцевъ Острожскаго училища особенно памятенъ
доблестный гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный, настоя-
ніемъ котораго въ 1620 г. была восстановлена Кіевская митро-
полія, четверть вѣка сиротѣвшая безъ пастыря.

Но высшее сословіе не долго могло поддерживать борьбу
съ латинствомъ: молодое поколѣніе увлеклось польскою обра-
зованностью и даже сыновья Курбскаго и Острожскаго при-
няли католическую вѣру. Его мѣсто заняли южно-русскія
братства.

На основаніи такъ называемаго «магдебургскаго права»,
которымъ пользовались многіе города, ремесленные и купеческіе
цехи составили общины и каждая община имѣла свое особое
устройство, свой судъ и управленіе. Эти общины получили
названіе «братствъ» и группировались около извѣстныхъ мона-
стырей и церквей, принимая ихъ въ свое вѣдомство. Первые

*) Максимовичъ. Т. I ст. 182.

братства, возникшія еще въ XV в., были львовское (1439) и виленское (1458 г.); потомъ образовались: кievское, луцкое, могилевское, оршанское, брестское и др.

За образецъ и основаніе, при учрежденіи церковныхъ братствъ, приняты были примѣры христіанской жизни первыхъ временъ и многочисленныя заповѣди Спасителя и апостоловъ — любви, какую должны имѣть другъ къ другу. На такую мысль, въ учрежденіи братствъ, прямо указывали восточные патріархи и польскіе короли. Давая грамоты на основаніе того или другого братства, патріархи многократно приводили въ нихъ слова Спасителя и апостоловъ, заповѣдующія христіанамъ имѣть между собою любовь; вотъ почему и братства въ грамотахъ назывались «братствами любви и милосердія».

Вся дѣятельность братствъ, носящая характеръ благотворительно религіозный, ограничивалась исключительно ихъ заботами о благолѣпіи церквей, участіи въ избраніи духовныхъ лицъ и контролѣ надъ ними, обязательномъ присутствіи братчиковъ при торжественныхъ церковныхъ службахъ. О борьбѣ братствъ съ иновѣріемъ въ это время не было и помина. Но съ восьмидесятыхъ годовъ XVI в. въ исторіи братствъ происходитъ крупный переворотъ: они вступаютъ въ новую фазу своего развитія, вызванную наступательнымъ движеніемъ католицизма. Братства реформируются въ религіозно-оборонительныя учрежденія, выступаютъ дѣятельными защитниками православной вѣры и русской народности и возникаютъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ православію угрожала наибольшая опасность. Такими городами были Вильна и Львовъ. Здѣсь вырабатываются самые обстоятельныя братскіе уставы, служившіе образцомъ для уставовъ другихъ братствъ, начавшихъ довольно быстро распространяться по разнымъ городамъ юго-западной Россіи (Брестъ, Минскъ, Могилевъ и др.).

Желающій вступить въ братство долженъ былъ предварительно (первѣе нежели ся впишетъ) ознакомиться съ братскими порядками. Вписавшись же неукоснительно посѣщать братскія сходки и принимать участіе во всѣхъ братскихъ дѣлахъ. Не

посѣщать собранія можно было только по весьма уважительнымъ причинамъ. Во время сходокъ собравшіеся братчики, «остерегаясь порожныхъ и непотребныхъ разговоровъ», должны были «радити о церкви Божіей и о своемъ духовенствѣ «радити и пилюе старе мѣти, абы наука вшелякая христіанскимъ дѣтямъ въ школѣ была», заботиться о бѣдѣ ученыхъ дидакалахъ, благочестивыхъ, старательныхъ, трезвенныхъ, чтобы «за пилюю наукою ихъ люди росли и хвала Божія множилася; радити о выживеніи убогихъ и скитальныхъ», а также о прочихъ бѣдныхъ людяхъ, которымъ негдѣ было «главы преклонити».

Въ грамотѣ патріарха Кирилла Луцкому братству (1623 г.) сказано: «при такомъ собраніи и соединеніи себя въ одной любви и порядку братскому, братія всѣми мѣрами обязаны заботиться о благолѣпії церкви, о постоянномъ добромъ проповѣдники и о школѣ, чтобы юноши, при попеченіи своихъ родителей, имѣли приличное содержаніе и образованіе*).

Бесѣды на собраніяхъ должны были вестись чинно, пристойно. Право слова предоставлялось каждому братчику, но всѣмъ разомъ говорить возбранялось, «а поединомъ, еденъ по другому» — при чемъ каждый желающій о чемъ либо заявить обязанъ былъ испросить о томъ позволенія у старшихъ. Бесѣда должна вестись голосомъ тихимъ, любовно и разумно. Если бы какой братъ, по Божію допущенію, не по своей винѣ и нерадѣнію приобѣднѣлъ и разорился, или подвергся какимъ либо несчастіямъ и напастямъ, тогда всѣ братія, какъ деньгами братскими, такъ и сами отъ себя, обязаны его вызволить, и во всемъ ему помогать, и въ болѣзни его призирать, и о душѣ его заботиться, оказывая любовь къ брату своему, при жизни его и по смерти. Тѣхъ, которые въ хорошемъ состояніи и богаты, братія не должны дѣлать богаче, но только обѣднѣвшимъ помогать и деньги братскія ссужать заимообразно безо всякой лихвы**).

*) См. Памятники, изд. врем. ком. Т. I-й ст. 48.

**) Изъ той же грамоты Кирилла, содержащей въ себѣ уставъ Луцкаго братства. § 12, ст. 48.

Съ конца XVI вѣка братства предпринимають различныя мѣры для парализованія успѣховъ латинской пропаганды, приглашаютъ въ свою среду извѣстныхъ своимъ просвѣщеніемъ лицъ, выпускають въ свѣтъ сочиненія религіознаго и преимущественно полемически-религіознаго содержанія, подають въ сеймы и королямъ прошенія о свободѣ религіозной совѣсти и охранѣ правъ православной церкви. Но особенно братства оцѣнили значеніе образованія; заботы о просвѣщеніи, о подаваньи наукъ учтивыхъ и цвѣтенье дѣтей породу христіанскаго считали дѣломъ чрезвычайно важнымъ и для его распространенія заводили типографіи и училища.

Уже въ концѣ XVI в. на помощь острожской школѣ являютя братскія училища: львовское (1587), виленское (1588), брестское (1592) и могилевское (1596 г.). Кромѣ того братства отправляли даже молодыхъ людей въ западныя коллегіумы и университеты, чтобы такимъ образомъ приготовить разумныхъ и просвѣщенныхъ защитниковъ вѣры.

Считая православныя южно-русскія школы разсадниками, гдѣ питается схизма, латино-уніатскія власти всячески старались умалить ихъ значеніе, тормозя ихъ открытіе и официальная низводя ихъ на степень низшихъ училищъ, урѣзывая ихъ права и привилегіи, ограничивая кругъ и объемъ преподаваемыхъ въ нихъ предметовъ.

Львовское братство съ большимъ трудомъ могло получить отъ Сигизмунда III право *pro tractandis liberis artibus*, т. е. право преподавать въ своей школѣ предметы въ объемѣ нѣскольکو расширенномъ сравнительно съ учебными заведеніями низшихъ разрядовъ.

И несмотря на такія затрудненія, школы устраиваются, получаютъ правильную организацію, разумный уставъ и хорошихъ учителей.

Острожское училище славилось своими учителями, «мужами великой учености». Львовская школа нѣкоторое время была разсадникомъ просвѣщенія во всей юго-западной Россіи, играла роль *almae matris* для юго-западныхъ школъ, такъ какъ щедро снабжала ихъ какъ учителями, такъ и учебными посо-

біямі. Поэтому, оцѣнивая значеніе школъ того времени, нельзя не признать за ними большихъ заслугъ.

На первомъ планѣ, конечно, слѣдуетъ поставить заботы юго-западныхъ школъ о выработкѣ религіозно-нравственныхъ началъ въ учащихся, а также широкій доступъ, который былъ открытъ ими для всѣхъ, жаждавшихъ просвѣщенія — и знатныхъ и простыхъ, и богатыхъ и бѣдныхъ, то равенство между учащимися, о которомъ съ такимъ благородствомъ говорятъ школьные уставы. Мало того, что двери школы не были закрыты для сиротъ и бѣдныхъ: они находили себѣ здѣсь кровъ и пропитаніе. Довольно было сдѣлано школами и для обогащенія учащихся научными свѣдѣніями; но въ послѣднемъ отношеніи онѣ, конечно, стояли ниже современныхъ имъ школъ польскихъ, въ особенности іезуитскихъ.

Какъ бы тамъ ни было, благодаря львовскому, виленскому, а позже кievскому и др. училищамъ, въ юго-западной Россіи начала распространяться западная наука, хотя наука эта была схоластическая. Сущность этой схоластической науки состояла не въ содержаніи, которое у нея было данное, готовое и заключалось въ христіанскомъ ученіи, но въ приемахъ и формахъ при раскрытіи этого содержанія.

Въ ней начала и формы древней науки и особенно философіи Аристотеля были приложены къ объясненію и утвержденію христіанскаго ученія. Такая формальная наука всего болѣе отвѣчала тѣмъ насущнымъ потребностямъ, для которыхъ русскіе начали знакомиться съ образованіемъ и которыя состояли главнымъ образомъ въ томъ, чтобы защитить отъ поплзновеній католицизма древнія истины православной вѣры. Схоластическая наука стала воспитывать не просто грамотныхъ и начитанныхъ людей, какъ это было прежде, но ученыхъ, которые способны были понять, оцѣнить, объяснить книгу, защитить истину и опровергнуть заблужденіе. Эти ученые стали приводить христіанскія истины, заключающіяся въ разныхъ источникахъ, въ научныя системы. Вместе съ богословскими системами, начали появляться книги и руководства и по другимъ предметамъ знанія.

Вообще съ этого времени стали распространяться разныя знанія по философіи, исторіи, міѳологіи, естествознанію. Чрезъ Польшу переходили изъ западной литературы разныя литературныя произведенія: повѣсти, сказанія, романы. По образцу польской поэзіи развилась поэзія силлабическая, явились сначала мистеріи, а потомъ свѣтскія драмы и комедіи. Центромъ схоластической науки сдѣлалось Кіевское училище, о чемъ скажемъ подробнѣе ниже.

Источники и пособія. Источникомъ служили Памятники, изданные временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ, Высочайше учрежденною при Кіевскомъ военномъ, под. и вол. генераль-губернаторѣ. 1848 т. I, т. II—IV.—Пособіемъ служили: Исторія Кіевской Духовной Академіи, С. Голубева, т. I, 1886. Кіевъ. — М. Максимовичъ. Собраніе сочиненій т. I, отдѣлъ историческій. Кіевъ, 1876. — С. Голубевъ. Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники т. I. — Флеровъ. Православныя церковныя братства въ юго-западной Россіи.

Глава XV.

Уставъ Луцкой школы.

Такою научною школою, гдѣ преподавались уже «разныя науки», была школа Луцкая, возникшая въ 1620 г. при Крестовоздвиженской церкви въ Луцкѣ, по благословенію константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса. Два устава ея мы находимъ въ Памятникахъ, изданныхъ временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Мы приведемъ изъ нихъ важнѣйшіе параграфы.

Первый уставъ.

§ 1. Каждый, кто вступаетъ въ наши школы для обученія, долженъ, явившись ректору, съ его дозволенія, присма-

триваться три дня къ учению, порядку, а бѣдный и къ содержанию, не бывъ еще допущенъ вполне ни къ какому занятію школьному. Сіе для того, чтобы, успѣшно начавъ, скоро не раскаялся и не оставилъ бы предпріятія: ибо каждый долженъ ходить въ школу не одну четверть и не годъ, но пока не окончатъ наукъ; и только съ такимъ условіемъ принимаемъ будетъ.

§ 2. Такъ присмотрѣвшись, если вступить не захочетъ, отходить съ благословіемъ; а если согласится на порядокъ и правила наши, то долженъ объявить старшему, и по его приказанію, внесши въ школьную книжку 4 гроша, будетъ вписанъ отъ пенитарха въ большой школьный списокъ, и такимъ образомъ принять и зачисленъ въ ученики.

§ 3. Старшему и тому, кому старшій поручить, каждый ученикъ будетъ обязанъ оказывать совершенное и почти безусловное послушаніе, во всемъ совѣтуясь съ нимъ и ему повинуюсь добровольно, безъ всякаго принужденія и ропота, какъ тому, который будетъ обязанъ наставлять его и учить всему приличному и полезному. Ибо если добродѣтель послушанія и въ ремеслахъ даже самыхъ низкихъ имѣть мѣсто, и притомъ первѣйшее, тѣмъ болѣе въ наукахъ свободныхъ, которыя всѣ прочія науки, искусства и ремесла далеко превышаютъ.

§ 4. Такъ какъ въ нашей школѣ будутъ учить разнымъ языкамъ и наукамъ *) и опредѣлены часы, въ какіе чему должно учиться, то каждый ученикъ, поступивши въ школу и не могши въ скорости ни наукъ, которыя здѣсь преподаются, ни того усмотрѣть, къ какой онъ способенъ, долженъ просить совѣта у начальника школы, за какую науку ему взяться. И что онъ, сообразивъ его лѣта, наклонность и способности, посоветуетъ ему, за то съ охотою и долженъ будетъ приняться, исключая тѣхъ учениковъ, которые или отъ родителей, или отъ имѣющихъ на то право назначены собственно къ какой либо известной наукѣ; однако жъ и тѣмъ должно быть совѣтуемо полезнѣйшее.

*) Этимъ параграфомъ ясно указывается, что Луцкая школа была школа научная.

§ 5. Въ часы учебные, по утру и послѣ обѣда, всѣ обязаны быть въ школѣ на лице и приходить въ пору. Со всевозможною тишиною, безъ разговоровъ, шептаній, перемижковъ и переходовъ другъ къ другу*), каждый, сидя на своемъ мѣстѣ, долженъ слушать, уразумѣвать и замѣчать все, что будетъ читано, сказываемо и диктуемо учителемъ, стараясь всѣми силами, чтобы все слышанное могъ выразить подобно учителю.

§ 6. Никто не долженъ дѣлать ни въ училищѣ, ни внѣ его, особенно между собою, никакой сдѣлки, что-либо закладывать, торговать, покупать, продавать безъ вѣдома учителя, твердо помня то, что такіе дѣла и поступки суть кража, а потому грѣхъ смертный.

§ 7. Какъ безъ вѣдома учителя ничего нельзя дѣлать, такъ и въ школѣ или вовсе не быть или прійти поздно, т. е. послѣ назначеннаго часу, или, наконецъ, прежде времени выйти никто не долженъ осмѣливаться. Но если случится какая важная причина или отсутствія, или замедленія, или ухода: то ее объявить учителю, и отъ него для своей потребности и спросить позволеніе. Ибо кто опоздаетъ, или разъ не будетъ въ школѣ, строго будетъ наказанъ; кто два дня безъ вѣдома пропуститъ, не будетъ принятъ въ школу.

§ 8. Что будетъ говориться или дѣлаться въ школѣ, никто за порогъ школьный выносить не долженъ**).

*) Въ подлинникѣ сказано: «за тихою вшелякою безрозмовъ и шептовъ, миговъ и до себе прехажокъ».

**) Этотъ параграфъ заслуживаетъ нашего вниманія и требуетъ объясненія. Мы уже говорили, что братства не пользовались симпатіями польскаго правительства и такъ какъ на братскихъ совѣщаніяхъ нерѣдко обсуждалъ съ мѣры борьбы съ латинскою пропагандою, то братчики принимали строгія мѣры, чтобы ихъ совѣщанія хранились въ глубокой тайнѣ, даже «предъ подружіемъ своимъ и домовными повиненъ былъ каждый усомити що было мовлено и ражено въ собраніи «братій». Въ приведенной выше грамотѣ патриарха Кирилла, содержащей въ себѣ уставъ Луцкаго братства (ок. 1623 г.) въ § 10 сказано: «Дѣла и совѣщанія братскія должны оставаться подъ покровомъ тайны и не должны быть выносима на сторону ни однимъ братомъ, подъ страхомъ наказанія, какое назначать за сіе братіе тому, кто бы на то отважился». Подобное умѣнье хранить тайну, быть воздержнымъ на языкѣ, воспитывава и школа, точно отражая потребности современной жизни. Этотъ параграфъ перешелъ потомъ и въ азбуковники, обращавшіеся въ великорусскихъ школахъ XVII в., хотя онъ здѣсь потерялъ почти всякое реальное значеніе; въ нихъ рекомендовалось: «мести школу и выносить соръ, только не словесный». «Школьный соръ вонъ износите, бытностей же и рѣчей отнюдъ не износите».

Вышла из печати и поступила в продажу

новая книга:

КРАТКІЙ
ИСТОРИКО - ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ
СЛОВАРЬ.

Пособіе при изученіи всеобщей и русской исторіи в старшихъ клас-
сахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Составилъ Н. Веригинъ,

преподаватель Рыбинской гимназіи.

Тверь. Типографія Губернскаго Правленія. 1895. 161+Ш. Ц. 50 коп.

«Предлагаемое учебное пособие назначается в помощь ученикамъ старшихъ клас-
совъ среднихъ учебныхъ заведеній и имѣть цѣлю: 1) облегчить учащимся трудъ
отысканія на картѣ и точнаго опредѣленія важнѣйшихъ географическихъ дан-
ныхъ, встрѣчающихся в курсѣ всеобщей и русской исторіи, 2) научить ихъ наи-
болѣе правильному произношенію географическихъ именъ, которыя в русской
транскрипціи съ этою цѣлю снабжены удареніями, 3) возобновить в ихъ памяти
историческіе факты, удобно ассоціируемые по единству мѣста, и 4) содѣйствовать
болѣе основательному и ясному пониманію ими территоріальнаго роста главныхъ
культурныхъ государствъ». (Изъ Предисловія къ книгѣ).

Съ требованіями обращаться къ составителю или в книжный мага-
зинъ Г. А. Фалькъ в Рыбинскѣ. Преподавателямъ, учебнымъ заве-
деніямъ и книгопродавцамъ — обычная уступка.

Цѣна 1 экземпляра книги, выписываемаго отъ составителя съ нало-
женнымъ платежомъ, 63 коп.

Съ Сентября мѣсяца 1895 года

БУДЕТЬ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ
ОБЩЕДОСТУПНЫЙ

„ЖУРНАЛЪ ДЛѢ ВСѢХЪ“.

Журналъ будетъ выходить одинъ разъ въ мѣсяць, въ объемѣ 1½—2 печатныхъ листовъ, по слѣдующей программѣ, утвержденной г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ:

Календарныя свѣдѣнія. — Религіозно-правственный отдѣлъ: Разказы изъ исторіи церкви. Житія святыхъ. Жизнеописанія церковно историческихъ дѣятелей. Описаніе монастырей, святыхъ и достопримѣчательностей. Сказанія и легенды. — Историческій и литературный отдѣлъ: Разказы изъ исторіи. Біографіи. Историко-литературные очерки. Повѣсти, разказы и стихотворенія, оригинальные и переводные. Замячательные случаи изъ жизни историческихъ дѣятелей и частныхъ лицъ. Анекдоты. Естественна-научный отдѣлъ. — Хозяйственный отдѣлъ: Полеводство. Огородничество. Садоводство. Скотоводство. Птицеводство. Пчеловодство. Домоводство. — Охота. — Кулинарный отдѣлъ. — Домашняя медицина. — Гигіена. — Библиографія и музыкальныя замѣтки. — Переписка съ читателями. — Частныя объявленія. — Рисунки, чертежи и портреты.

„ЖУРНАЛЪ ДЛѢ ВСѢХЪ“ ставитъ себѣ задачею съ одной стороны — дать занимательное чтеніе, которое въ то-же время могло-бы имѣть воспитательное и образовательное значеніе, съ другой — сообщить возможно больше практическихъ свѣдѣній, необходимыхъ для созданія у насъ лучшихъ способовъ домоводства и сельскаго хозяйства въ разныхъ его отрасляхъ.

Желая сдѣлать настоящее изданіе доступнымъ для всякаго, мы назначили за него самую умѣренную цѣну

ОДИНЪ РУБЛЬ

ВЪ ГОДЪ СЪ ДОСТАВКОЮ И ПЕРЕСЫЛКОЮ.

Подписка открыта и принимается въ С.-Петербургѣ: «Пушкинская скоропечатня» И. В. Цвѣткова, Пушкинская, д. 5 (третій домъ отъ Невскаго). Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ редакцію журнала: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. 82.

Редакторъ-Издатель Геникъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ 1895 г.
на политическое, литературное и историческое повременное изданіе:

Русская Бесѣда

(НА ГОДЪ: 6 РУБ., НА ПОЛГОДА: 3 РУБ.)

Въ вышедшихъ въ первомъ полугодіи шести книгахъ напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Народное хозяйство съ точки зрѣнія нравственности и права. К. Одарченки. — Свобода, любовь и вѣра. П. Аксакова. — О значеніи характера въ жизни народовъ. К. Толстого. — Естественный законъ въ духъ мірѣ. Проф. Г. Дрюмонда. — Евгеній Онѣгинъ въ ист. значеніи типа. Арс. Веденскаго. — Замѣтки изъ тюремнаго быта П. Плетенева. — Памяти П. И. Шафарика. Проф. П. Булаковскаго. — Къ столѣтію рожденія Гривоѣдова. А. Веденскаго. — Сельско-хозяйственное дѣло въ Россіи. Рцы. — По садамъ и огородамъ. С. О. Шарапова. — Топелуст, какъ поэтъ и публицистъ Г. Абова. — Зачатки раскатоличенія западнаго славянства. А. Волицына. — Пинфа. Разказъ К. Баранцевича. — Милордъ. Повесть Элизы Ожешко. — (пер. съ польскаго В. Лаврова) Золотая нитка. Э. Ожешко. — Черные дни. Разказъ фельдшерниці. — Страшная казнь. Герцоговинская быль. — Забайкальскіе волки. В. Вельскаго. — Селяне женили монаха. Разказъ В. Врчевича. — Личное счастье. Разказъ Н. Павова. — Невольница Злата. Повесть изъ сербской народной жизни. — Георгій Конисекій, архіеп. Бѣлорусскій. О. Четыркина. — И. Д. Бѣляевъ. С. Гадзикаго. — Объ измѣненіи духъ-ак. устава. Проф. А. Гусева. — Объ отношеніяхъ политики къ стратегіи. П. А. Гейсмана. — Моск. гор. Кредитное Общ. въ наст. буд., и прошломъ. Б. И. Семеновича. — Культъ великаго въ исторіи Рцы. — Вселенскій патріархъ Анфимъ VII. — Абхазія. — В пленницѣ Ирина Фодосова (съ портретомъ и нотами). Зарубежное славянство: Прикарпатская Русь въ политико-національномъ и культурномъ отношеніяхъ *. — Праздникъ «славы» у Черногорцевъ. П. Ровинскаго. — Воспѣя и Герцоговина А. Н. Липранди. — Положеніе дѣлъ въ Болгаріи: Герис—ова. — Сербія *. — Воряба съ мадырами угнетенныхъ народностей Венгріи. Давидовича. — Русско-буковинскіе дѣла *. — Политическое обозрѣніе: Объ армянскомъ вопросѣ. Лео. — Къ вопросу о Китайско-Японскомъ столкновеніи. П. Пловайскаго. — Россія, Китай и Японія. Черночерца. — Читраль и первые плоды Англо-Русской дружбы. Лео. — Вопросы внутренней жизни: Ближайшія задачи нашего покровительства. Д. Пловайскаго. — Орошеніе полей. Г. П. Аристова. — О нѣмецкомъ землевладѣніи въ Россіи. — Наша учащаяся молодежь. М. Т. — О рабочемъ дѣлѣ. Гоффитцера. — О желѣзнодорожныхъ тарифахъ. — Стихотворенія. — Библиографія и критика и т. д. и т. д.

ВЪ БЕЗПЛАТНОМЪ ПРИЛОЖЕНІИ КЪ «РУССКОЙ БЕСѢДѢ»

„БЛАГОВѢСТЬ“

Напечатаны статьи: 1) Взглядъ отцовъ Церкви на изученіе греческихъ классиковъ Е. Апостолиди и 2) Галицкая митрополія. Церковно-историческое изслѣдованіе П. Д. Тихомірова.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкою во всея города Россіи: на годъ — 6 руб. на полгода — 3 руб. — Цѣна одной книги — 1 руб. Можно требовать высылки изданія съ наложеннымъ платежемъ. Новымъ годовымъ подписчикамъ высылается журналъ съ первой (январской) книги.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи «Русской Бесѣды», С.-Петербургъ, Троицкая ул., д. 18, въ Спб. Славянскомъ Обществѣ, а также въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», Карбасникова, Подова и другихъ. Адресъ Редакціи «Русской Бесѣды»: С.-Петербургъ, Гороховая ул., № 15.

Издатели: А. В. Васильева, Е. А. Евдокимовъ и В. С. Драгомѣрскій.

Редакторъ: В. Драгомѣрскій.

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА НОВОЕ РОСКОШНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ**

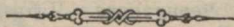
„ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ“

Иоганна Шерра,

въ двухъ объемистыхъ томахъ со множествомъ гравюръ и картинъ, печатанныхъ черною и цвѣтными красками, портретовъ, автографовъ, факсимиле и отдѣльныхъ приложений. Всѣ клише для этого прекраснаго изданія заказаны издателями для художественнаго выполненія въ Штутгартѣ (Германія). Переводъ сдѣланъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ редакціей и съ примѣчаніями П. И. Вейнберга.

Отдѣлы русской и славянской литературы будутъ обработаны болѣе подробно и самостоятельно.

Изданіе будетъ выходить выпусками съ 15-го іюля 1895 г. и закончится весной 1896 г. Всѣхъ выпусковъ будетъ **20**, что составитъ два большихъ тома около **1000** страницъ.

Подписная цѣна на всѣ 20 выпусковъ :

Съ доставкою и пересылкою . . . . . **8** руб.
Безъ доставки. . . . . **6** »

По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА НА СЛѢДУЮЩИХЪ УСЛОВІЯХЪ :

При подпискѣ до 1-го августа два рубля, а затѣмъ ежемѣсячно по одному рублю до уплаты полной стоимости.

Подписка принимается во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга и въ конторахъ объявленій Н. М. Печковской.

Г.г. иногородніе благоволятъ обращаться исключительно къ издателю книгопродавцу Д. В. Байкову, Москва, Никольская.

Издатели Д. В. Байковъ и Ко

Въ книжн. магазинахъ **К. РИККЕРА** (СПБ., Невскій пр. 14)
и **П. ЛУКОВНИКОВА** (СПБ. Лештуковъ пер. 2)

продаются слѣдующія книги:

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ
ВСЕНОФОНТА

въ пяти частяхъ.

Перевелъ съ греческаго

Г. Янчевецкій.

- Ч. I. Анабазисъ. Изд. 4-ое. Ц. 1 р. 25 к.
Ч. II. Воспоминанія о Сократѣ. Изд. 4-ое. Ц. 80 к.
Ч. III. Киропедія. Изд. 2-ое. Ц. 1 р. 50 к.
Ч. IV. Исторія Греціи. Изд. 2-ое. Печатается.
Ч. V. Мелкія статьи. Изд. 2-ое. Ц. 1 р. 50 коп.

ПАВСАНІЯ
ОПИСАНІЕ ЕЛЛАДЫ

или

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ГРЕЦІИ ВО II-мъ ВѢКѢ ПО Р. ХР.

Переводъ съ греческ. съ толкованіями

и съ приложеніемъ статей: Историко-литературное значеніе Павсани, Краткій очеркъ исторіи греческ. искусства, Родословныя таблицы еллинскихъ династій и пр.

Г. ЯНЧЕВЕЦКАГО.

Цѣна 5 рублей.

Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр.
РЕКОМЕНДОВАНО для приобрѣтенія
въ фонд. библ. ср. уч. заведеній
(Ж. М. Н. Пр. 1893. 4).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ НА

„Педагогическій Еженедѣльникъ“

съ безплатнымъ приложеніемъ

ЕЖЕМЪСЯЧНАГО ЖУРНАЛА ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИИ

„ГИМНАЗІЯ“

посвященнаго вопросамъ среднего образованія
мужскихъ и женскихъ уч. заведеній.

Годъ IX (1888—1896)

ПРОГРАММА „Пед. Еженед.“ и „Гимназіи“

I. Прав. распоряженія. II. Научныя статьи по вѣсѣмъ предм. курса ср. уч. зав. III. Методика и дидактика вѣсѣхъ предм. курса ср. уч. зав. IV. Образц. уроки. V. Школьная гигиена. VI. Среднія уч. зав. за границей. VII. Общая педагогія. Ист. ср. уч. зав. Биографіи русск. педагоговъ. VIII. Критика и библиогр. IX. Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на 1 годъ 8 р., за гр. 10 р.; на 6 мѣс.
4 р., за гр. 5 р.; на 3 мѣс. 2 р., за гр. 3 р.; на 1 м. 75 к., за гр. 1 р.

Ученымъ Комитетомъ М. и. пр. журналъ «ГИМНАЗІЯ» признанъ заслуживающимъ **особенной рекомендаціи** для приобрѣтенія въ фонд. библиотеки мужск. ср. уч. зав. и для содѣйствія **возможно большому распространенію** между преподавателями сихъ заведеній. (Предложеніе Г. Министра Г.г. Попечителямъ учебн. окр. 28 февр. 1889 г. № 8899.)

Важнѣйшія изданія ж. „ГИМНАЗІЯ“:

- 1) **Г. Винкельманъ.** Исторія искусства древности. Перев. подъ ред. Г. Янчевецкаго. Стр. VI+404. Ц. 3 р.
- 2) **Ф. Экштейнъ.** Преподаваніе латинск. и греческ. языковъ. Перев. под. ред. Г. Янчевецкаго. Стр. 358+132. Ц. 3 р.
☛ Рекомендовано Уч. Ком. Мин. нар. пр. для приобрѣтенія въ фонд. библ. ср. уч. зав. (Ж. М. Н. Пр. 1-93. Апр.)
- 3) **В. Шрадеръ.** Гимназіи и реальныя училища. Воспитаніе и обученіе. Перев. подъ ред. Г. Янчевецкаго. Стр. 472. Ц. 3 р.
☛ Одобрено Уч. Ком. Мин. и. пр. для приобрѣтенія въ фонд. библ. ср. уч. зав. (Ж. М. Н. Пр. 1893. Янв.)
- 4) **К. Негельбахъ.** Гимназическая педагогика. Стр. 117. Ц. 1 р.
☛ Рекомендовано Уч. Ком. Мин. и. пр. для приобрѣтенія въ фонд. библ. ср. уч. зав. (Ж. М. Н. Пр. 1893. Янв.)
- 5) **Г. Бржоска.** Необходимость педагог. семинарій при университетахъ. Перев. под. ред. Г. Янчевецкаго. Стр. 278. Ц. 1 р. 50 к.
- 6) **А. Фогель.** Философ. основанія педагогіи. Стр. 134. Ц. 1 р.
- 7) **Н. А. Коменскій.** Janua linguarum reserata. Открытая дверь языковъ. Латинскій текстъ съ русск. перев., статьей о Коменскомъ и портр. Коменскаго. Стр. 113. Ц. 1 р.
- 8) **I. Spangenbergius.** Bellum grammaticale. Война въ латинской грамматикѣ. Пер. съ лат. Д. Янчевецкій. Ц. 50 коп.
- 9) **E. Fiedler.** Отношеніе французскаго языка къ латинскому. Перевелъ Д. Янчевецкій. Ц. 25 коп.
- 10) **Биологія и христіанская педагогика въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.** Перев. съ нѣм. I. Регема. Ц. 50 коп.

Адресъ редакціи: Ревель.

Ред.-изд. Г. Янчевецкій.